

Леонид Люкс

О судьбах демократии в России. Сравнительные зарисовки.

Исторические исследования.
Книжное приложение к журналу
«Форум новейшей восточноевропейской
истории и культуры»

Том 4

Айхштетт 2025

Леонид Люкс

О судьбах демократии в России. Сравнительные зарисовки.

Исторические исследования.
Книжное приложение к журналу
«Форум новейшей
восточноевропейской истории и
культуры»

Том 4, 2025

Адрес редакции:

Zentralinstitut für Mittel- und Osteuropastudien

Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt

Marktplatz 7

D-85072 Eichstätt

Содержание

Вступление	5
I. Споры о русской революции и о причинах падения «первой» русской демократии	
I.1. Интеллигенция и революция. Летопись триумфального крушения	9
I.2. Демократия, которая не сумела себя защитить – размышления о судьбе Февральской революции	30
II. Сумерки советской власти	
II. 1. «Свободные люди в несвободной стране» – советское диссидентское движение между 20-ым съездом КПСС и Перестройкой	37
II. 2. Неудача «шестидесятников» – о переосмыслении прошлого в годы Перестройки	63
III. «Имперские соблазны» и эрозия «второй» русской демократии в ельцинскую эпоху	
III. 1. Уязвленная держава: Россия после Крымской войны и после распада СССР – сравнительная зарисовка	71
III. 2. Возвращение истории? Постсоветская Россия в ельцинскую эпоху в поисках преемственности	77
III. 3. Призрак фашизма в посткоммунистической России	83
IV. От «управляемой демократии» к автократии – эволюция путинского режима	
IV. 1. Был ли распад СССР неизбежен? Замечания по поводу одного спора	90
IV. 2. Трагизм реформаторов – по поводу убийства Бориса Немцова	95

IV. 3. «Смерть надежды» - о гибели Алексея Навального 99

IV. 4. О крушении российских и советских «гегемонистских проектов» 103

V. Россия и Германия

V. 1. Постсоветская Россия и Веймарская Германия – «невыученный урок»? 110

V. 2. Угрожает ли нам вновь сценарий 1914 года? Мир после «Переломного момента» 24 февраля 2022 года 119

V. Реплики

VI. 1. «Особый путь России»? Заметки по поводу одного спора 126

VI. 2. Было ли возникновение русской национальной идентичности исторической случайностью? Ответ на статью Дэвида Бранденберга 129

Вместо послесловия

Сила и бессилие «открытых обществ» 136

Вступление

Свержение последнего русского царя почти не вызвало в России сожаления. Общественная пустота, которая возникла вокруг трона на рубеже XIX и XX веков, привела к так называемой неудавшейся революции 1905 года. Через 12 лет, во время победоносной Февральской революции, эта пустота стала очевидной для всех. У монархии не нашлось больше защитников. Но 8 месяцев спустя такая же участь постигла созданную после свержения династии Романовых «первую» русскую демократию. У этого самого свободного за всю новейшую историю России строя, тоже, в сущности, не было защитников. Был ли такой исход начавшегося в Феврале революционного кризиса неотвратим, как считают многие аналитики? Являлся ли большевистский переворот логическим завершением «Февраля»? Этому вопросу будет уделено в первой части книги особое внимание. Кроме того, в этой рубрике будет рассмотрен общеевропейский контекст кризиса «первой» русской демократии.

Крах первой русской демократии многие ее западные критики объясняли своеобразием политической культуры России, неспособностью общества к самостоятельному, независимому от государства развитию, патриархальными навыками и пр. Все это, конечно, играло немалую роль в трагических судьбах «Февраля». Однако его крушение было связано не только с «особым» историческим путем России. «Февральская» трагедия имела и другие, выходящие далеко за узко национальные рамки причины. Глубокий кризис либерализма и консерватизма, который создавал одну из наиболее важных причин победы тоталитаризма в России, разразился спустя несколько лет и на Западе.

Глава свергнутого большевиками Временного правительства, Александр Керенский, описывает в своих воспоминаниях разговор, который он в 1923 г. провел с одним из вождей немецкой социал-демократии, Рудольфом Гильфердингом. Гильфердинга поражало то, что русские демократы так легкомысленно выпустили из рук власть, которую они захватили после падения монархии. Такое в Германии было бы невозможно, утверждал немецкий политик: «Ваш народ просто не в состоянии жить в условиях свободы».¹

Десять лет спустя, пишет Керенский, Гильфердинга ожидала та же участь, как и российских демократов. Он должен был бежать из страны, которая так же, как и Россия попала в тоталитарное рабство.

И действительно, гибель демократии в России предвосхитила всего лишь на несколько лет гибель демократии во многих других странах Европы. В эпоху

¹ Die Kerenski-Memoiren. Russland und der Wendepunkt der Geschichte. Wien-Hamburg, 1966. P. 540.

между двумя мировыми войнами не только в России, но и на Западе многие демократии не сумели себя защитить.

Непосредственно после падения веймарской республики живущий тогда в Германии Федор Степун опубликовал в эмигрантском журнале «Новый Град» статью с ироническим названием «Германия "проснулась"», в которой он писал: «Самое потрясающее во всем происшедшем в Германии – это не сила фашистского натиска, а бессилие немецкой демократии ... Она пала так же бесславно, как монархия Николая II.»².

В том же номере журнала «Новый Град» появилась и статья другого редактора журнала, Георгия Федотова, с тревожным названием «Демократия спит». Федотов пишет: «Еще обвал – и большая, живая страна, выносившая на своих плечах около половины культуры Запада, провалилась, если не в небытие, то за пределы нашего исторического времени ... (В) тот век, где меряют достоинство человека чистотою крови, где метят евреев желтым крестом ... где жгут ведьм и еретиков. Костров еще нет – для людей (пока репетируют на книгах), но до них осталось недолго ждать».

Федотова поражает тот факт, что ни русская, ни итальянская, ни германская катастрофы не послужили оставшимся свободными странам «крайнего Запада» толчком для развития стратегии борьбы против дальнейшего триумфального шествия тоталитаризма: «Отсутствие идей, отсутствие воли ... – такова формула кризиса демократии, вскрывающая не порочность учреждений, а нечто худшее: одряхление демократической культуры»³.

Предостережение Федотова, как мы знаем, не было услышано. Триумфальное шествие фашизма и национал-социализма продолжалось, а в начале 1940-х годов их владычество распространилось почти на всю западную часть Европы за исключением одиноко сражающейся Англии и нескольких нейтральных островков. Когда же демократия «проснулась»? Произошло это только после Второй мировой войны, когда на руинах Европы начала зарождаться идея «защищающей себя демократии». Идея эта была фундаментом, на котором строилась «вторая» немецкая демократия, которая во что бы то ни стало хотела избежать участи ее Веймарской предшественницы.

Главным уроком, который создатели второй немецкой демократии извлекли из поражения первой, заключался в их выводе, что демократия должна уметь себя защищать. Член парламентского Совета, который разрабатывал Основной Закон будущей демократической Германии, социал-демократ Карло Шмид, говорил в сентябре 1948 года о нетерпимости, которую демократия должна проявлять по отношению к тем, кто использует демократические свободы для того, чтобы уничтожить демократию, а коллега Шмида из партии ХСС, Швальбер, критиковал Веймарскую конституцию за то, что она врагам свободы давала чуть ли не

² Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 482.

³ Федотов Г. Тяжба о России (Статьи 1933–1936). Париж, 1982. С.103, 113.

больше свобод, чем ее защитникам, что в конце концов и привело к уничтожению немецкой демократии легальным путем⁴.

Здесь стоит вспомнить слова Федора Степуна, который уже в 1934 году, будучи свидетелем уничтожения Веймарской республики, пришел к тем же выводам, которые сформулировали 14 лет спустя «отцы» немецкого Основного Закона. Степун писал: «Против ханжества своих врагов (демократии) приличествуют все формы действенной самообороны. Нельзя забывать, что демократия обязана защищать не только свободу мнения, но и *власть свободы*»⁵.

Извлекла ли возникшая после неудавшегося коммунистического путча в августе 1991 г. «вторая» русская демократия какие-либо уроки из опыта ее февральской предшественницы или же из опыта Веймарской демократии? И да, и нет. Защитники «второй» русской демократии постоянно помнили о коммунистической или же фашистской угрозе, которые привели к краху первой русской и первой немецкой демократии. КПСС была запрещена, кроме того, в демократическом дискурсе появилось понятие «веймарской России», т.е. постоянно проводились аналогии между постсоветской Россией и Веймарской республикой, в первую очередь для того, чтобы предотвратить повторение немецкого опыта на русской территории. Но к всеобщему удивлению, самой большой угрозой для проведенных в 1990-ые годы демократических преобразований оказались не левые и правые экстремисты, требующие социального и имперского реванша и отождествляющие ельцинскую систему с оккупационным режимом «мировой закулисы», а правящая бюрократия, являющаяся сердцевинной созданной после свержения КПСС системы. Это она восстановила, в особенности после добровольной отставки Ельцина, «вертикаль власти», не нарушая даже при этом принятой в декабре 1993 года конституции, которая предоставляла возглавляющему эту вертикаль президенту такие полномочия, о которых не могут и мечтать главы других демократических государств.

Переход постсоветской России от открытого к закрытому обществу был возможен, главным образом, потому, что демократические идеи, переживавшие в августе 1991 апогей своей популярности, в кратчайшее время были дискредитированы в глазах большинства общества. После августа пришел декабрь (ропуск Советского Союза), январь (шоковая терапия), октябрь (расстрел Белого Дома). Все эти процессы ассоциировались с понятием «демократия», которое для многих превратилось чуть ли не в бранное слово. Способствовал этой дискредитации, конечно, тот факт, что правящие демократические группировки недостаточно энергично боролись против повсеместной коррупции, прониканию мафиозных структур в административные и экономические сферы, против «криминальной революции», воспользовавшейся размыванием границ между дозволенным и недозволенным вследствие ослабления и разрыхления созданного коммунистами

⁴ Там же. С. 132-133.

⁵ Степун. Сочинения. С. 501.

полицейского государства. Но, с другой стороны, нельзя забывать, что даже если бы победившие в августе 91 г. демократы являлись олицетворением всех возможных добродетелей, выход огромной страны из того тупика, в который ввели ее в октябре 1917 г. большевики, ни в коем случае не был бы безболезненным.

Многие наблюдатели подчеркивают цикличность русской истории. Почти каждый период ослабления государственного контроля над страной, «раскрепощения» общества, завершается его повторным закрепощением. Эта «закономерность» характерна и для путинского периода. Но к цикличности русской истории относится и постоянное возвращение свободолюбивых идей на историческую сцену, после, казалось бы, их полного поражения. Этой теме посвящены следующие части книги.

Начавшееся 24 февраля 2022 г. широкомасштабное нападение России на Украину наглядно подтверждает тот факт, что власть, полностью освободившаяся от общественного контроля, лишённая конкуренции, принуждающей ее к компромиссам, теряет со временем и контроль над собой, способность исправлять сделанные ею ошибки. Только система сдержек и противовесов, последовательного разделения властей и общественного контроля над властью имущими может такому развитию противостоять, а у этой системы есть определенное название – демократия.

Изгнанные после 24 февраля 2022 года критики путинского режима подробно обсуждают вопросы тактического и стратегического противостояния «вертикали власти» в борьбе за демократизацию общества. Все это, конечно, вопросы перво-степенной важности, но при этом нельзя, однако, забывать, что общественные изменения происходят главным образом в умах. Поэтому требующая демократических перемен оппозиция только тогда достигнет существенных успехов, если ей удастся в общественном дискурсе вернуть понятию «демократия» его первоначальный смысл и освободить его от того одиозного привкуса, который ему придали ненавидящие демократию демагоги всякого толка, утверждающие, что так называемые «лихие» 90-е годы, годы являлись чуть ли не самым ужасным периодом в истории России, забывая при этом и годы «красного» и сталинского террора.

Так как статьи, вошедшие в этот сборник, публиковались ранее в разных изданиях независимо друг от друга, они содержат иногда некоторые повторения, которых полностью избежать не удалось. Кроме того, хочу подчеркнуть, что тексты сборника – это, как правило, эссе, которые не претендуют на то, чтобы полностью исчерпать заданные темы, а пытаются лишь к ним приблизиться.

См. на эту тему также мою книгу «Warum scheitern russische Demokratien? Vergleichende Betrachtungen und Essays». Nomos Verlag. Baden-Baden, 2024.

I. Споры о русской революции и о причинах падения «первой» русской демократии

I.1. Интеллигенция и революция. Летопись триумфального поражения

К излюбленным западным стереотипам относится тезис о так называемой рабской психологии, будто бы распространенной в России. Как известно, этим клише пользуются уже давно, в его распространении участвовали представители самых различных политических направлений. Достаточно вспомнить, с одной стороны, Маркса и Энгельса, а с другой — таких консервативных авторов, как Кюстин или Токвиль. Столь шаблонный образ России не учитывает, однако, явления, представляющего собой полную противоположность тому, что в западных кругах считается «типично русским»: речь идет о революционной интеллигенции. Вряд ли какая-нибудь другая общественная группа в новой европейской истории была в такой мере склонна к радикальному нонконформизму и бунту. В самом деле этой кучке людей удалось потрясти основы могущественной монархии и в значительной степени способствовать ее краху. И это несмотря на то, что революционная интеллигенция не имела никакого влияния на аппарат власти, не была сколько-нибудь укоренена в обществе и в буквальном смысле слова олицетворяла беспочвенность. О причинах решающего успеха интеллигенции ведутся страстные споры и в России, и на Западе. Но не меньшей загадкой остается и ее крушение через каких-нибудь десять лет после триумфа 1917 года.

Декабристы и радикальные интеллигенты. Первая трещина

Вслед за Георгием Федотовым и некоторыми другими русскими мыслителями мы можем рассматривать интеллигенцию как своего рода духовный орден.¹ «Устав» этого ордена, хотя и неписанный, не уступал по своей строгости и жесткой регламентации уставу любого католического монашеского ордена.

¹ См. Федотов Г. Трагедия интеллигенции// его же. Новый Град. Сборник статей. Нью-Йорк, 1952, С.9-58. См. также Изгоев А. Об интеллигентской молодежи // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909, С.97-124, зд. С.118; Франк С. Этика нигилизма. Там же, С.175-210. зд. С. 204-205.

Вступление в «общество посвященных» было связано с множеством обязательств, ренегатство наказывалось общественной опалой.

Возникновение интеллигенции было результатом перелома в истории страны, который совершился за очень короткое время. Многие историки согласны в том, что члены «ордена», контуры которого начали вырисовываться в тридцатых годах XIX века, принадлежали уже к совершенно другой духовной формации, нежели организаторы декабрьского восстания 1825 года. Декабристы отнюдь не избегали контактов с государством, это были люди, находившиеся на государственной службе, нередко занимавшие очень влиятельные посты. Они пытались воспользоваться государственным механизмом, прежде всего армией, для осуществления своей программы. Хотя они стремились установить новую форму правления – превратить самодержавие в конституционную монархию, – их образ действий (дворцовый переворот) восходил все-таки к XVIII столетию.

В отличие от декабристов, интеллигенция с порога отрицала государство как таковое.² Слуги государства весьма редко оказывались в ее рядах. Этот антигосударственный радикализм был, конечно, связан с общими политическими условиями, которые сложились ко времени, когда на сцену вступила интеллигенция. Деспотический режим Николая I поверг страну в оцепенение. Все государственные или контролируемые государством учреждения подлежали мелочной бюрократической регламентации, и даже высшие государственные органы не были исключением.³ Тот, кто хотел избежать этой опеки и сохранить свою самостоятельность, в принципе, не имел иного выхода, кроме ухода во внутреннюю эмиграцию. Так под внешне спокойной гладью вод зарождалось то, чему суждено было перевернуть всю страну. Эту трудноопределимую смену настроений среди части образованного слоя четко зарегистрировало уже в начале 1840-х годов Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии – политическая полиция. Но так как речь шла поначалу о чисто духовном процессе, трудно было предпринять против него конкретные репрессивные меры.⁴

Новое веяние, замеченное полицией, было само по себе свидетельством возникновения «неофициальной» русской общественности. Мало-помалу становилось ясно, что самодержавие, не знавшее институциональных

² См. Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи / Из Глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С.289-306.

³ См. Чичерин Б. Воспоминания Бориса Н. Чичерина. Московский университет. М., 1929. С.153-158; Нифонтов А. 1848 год в России. Очерки по истории 40-х годов. М., 1931; Riasanovsky N. A Parting of Ways. Government and the Educated Public in Russia 1801-1855. Oxford, 1976.

⁴ См. Riasanovsky, Parting of Ways. P. 249-250; Berlin I. Russische Denker. Frankfurt am Main, 1981. P. 164-190; Confino M. On Intellectuals and Intellectual Traditions in Eighteenth- and Nineteenth-Century Russia // Daedalus 2, 1972. P. 117-149; Нифонтов. 1848 год; Анненков П. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 135-374; Герцен А. Былое и думы / его же. Сочинения. Т. 4-6. М., 1956-1957.

ограничений власти, все же в огромной степени зависит от общественной поддержки, хуже всего – не имеет шансов долго просуществовать при наличии все более углублявшейся трещины между властью и общественным мнением.

Сорок восьмой год на Западе. Россия: отцы и дети.

Царь-освободитель и «новые люди»

Тут интересно отметить, насколько отличалось, начиная примерно с середины XIX столетия, развитие России от западного пути, как велика была асинхронность общественно-политического развития обеих частей континента. После поражения революции 1848 года в западноевропейском обществе шел неуклонный процесс внутренней интеграции и консолидации. Опыт революционных событий показал противникам старого режима, что существующий порядок не поддается прямому разрушению снизу. В то же время часть консерваторов поняла, что общественно мнение – крайне важный аспект политической жизни, что длительное сопротивление идеям, захватившим общество, борьба против «духа» времени – бесперспективны. Наметился компромисс, который позволил существующей системе интегрировать прежних своих противников. Общим знаменателем стал национализм. Националистическая идеология отвлекла широкие слои населения от внутренних конфликтов.⁵ О распространении националистического сознания среди мелкобуржуазных масс, мало отличавшихся по своему социальному статусу от пролетариата, израильский историк Яков Тальмон пишет что им, этим массам, больше нравилось принадлежать к избранной нации, чем к ущемленному в своих интересах классу.⁶ Но и рабочие партии, дольше всех сражавшиеся с поветрием национализма, как известно, в конце концов сдались и в 1914 году поплыли по течению. Включение рабочего класса в «национальный фронт» (к числу немногих исключений принадлежала Италия) создало важнейшие предпосылки для «войны народов». — Первой мировой войны.

Насколько иначе все выглядело в России! Европейские события 1848—49 гг. практически не затронули страну, а потому здесь не было и разочарования в революционных идеях. В то время как многие бывшие радикалы на Западе уповали – и чем дальше, тем больше – на спасительную национальную идею, на Востоке только теперь осознали значение революционного идеала. Любая критика революции воспринималась интеллигенцией как предательство. По

⁵ См. Mosse G.L. Die Nationalisierung der Massen. Politische Symbolik und Massenbewegungen in Deutschland von den Napoleonischen Kriegen bis zum Dritten Reich. Frankfurt am Main, 1976; Anderson M. The Ascendancy of Europe. Aspects of European History 1815-1914. London, 1971. P.140-173; Namier L.B. Nationality and Liberty / его же. Avenues of History. London, 1952. P.20-44.

⁶ Talmon J. The Unique and the Universal. London, 1965. P. 41-42.

словам философа Семена Франка, надо было обладать поистине необычайным гражданским мужеством, чтобы в дореволюционной России выступить за компромисс с правительством.⁷ И, безусловно, прав немецкий историк Теодор Шидер, когда он говорит, что западному обществу был принципиально чужд нравственно-политический ригоризм русской интеллигенции, ее несогласная поступиться ничем революционная вера.⁸

Заметим, что эта черта не была свойственна интеллигенции с самого начала. Сперва «орден» представлял собой лишь одно из ответвлений общеевропейского революционного движения. Известно, что романтическая идеализация революции была распространена среди образованных кругов на всем европейском континенте вплоть до 1848 года.⁹ Своеобразие революционного развития России выявляется лишь после смены отцов-основателей «ордена» интеллигентами нового типа. Это произошло после воцарения Александра II: парадокс состоит в том, что радикализация интеллигенции совпала с правлением монарха, вошедшего в русскую историю под именем «царя-освободителя» и, собственно, вызвавшего своей реформаторской деятельностью подлинную революцию сверху. Этот перелом в истории «ордена»: до сего времени ставит в тупик исследователей. Федотов сравнивал его даже с разрывом между поколениями в Западной Европе после Первой мировой войны.¹⁰ Но тот разрыв был понятен. А вот духовный поворот русской интеллигенции после 1855 года кажется загадкой. Ведь он произошел в мирной атмосфере, на фоне либерализации сверху, притом достаточно последовательной, чтобы затронуть самые основы существующего порядка. И вот в этот момент интеллигенция переходит на жесткие и непримиримые позиции. Романтиков и идеалистов сороковых годов вытеснили «реалисты» и «нигилисты», не похожие на своих мечтательных предшественников.

Поведение отцов было более или менее логичным. Их реакция на политические события представляется адекватной. Эти люди сопротивлялись репрессивному николаевскому режиму, а реформы нового царя приветствовали с эйфорическим воодушевлением. Голоса протеста, которые раздавались в стане радикально настроенных детей, казались им досадным диссонансом. Эти голоса портили атмосферу национального примирения, установившуюся было с приходом к власти Александра II. Отцы призывали к умеренности, и даже такой бунтарь, как Михаил Бакунин, поначалу оказался в рядах этих миротворцев.¹¹

⁷ Франк С. Крушение кумиров. Париж, 1924. С.15-16.

⁸ Schieder Th. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / ero же. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1957, P. 11-57.

⁹ Namier L.B. 1848: The Revolution of the Intellectuals. London, 1950; Talmon J. Political Messianism: The Romantic Phase. London, 1960.

¹⁰ Федотов Г. Carmen Saeculare// Путь 12/1928. С.101-116.

¹¹ См. Полонский В. Жизнь Бакунина 1814–1874. Ленинград, 1926.

Разрыв двух поколений большинство историков пытается объяснить сословными или психологическими причинами. Об отцах говорится, что они происходили по большей части из помещичьих семей. Их социальное положение было стабильным. Лишь очень редко приходилось этим людям терпеть нужду. Отсюда делается вывод, что уже в силу своего происхождения отцы не могли быть социально беспочвенными и идеологически непримиримыми, какими стали последующие поколения русской интеллигенции. Для отцов будто бы было естественным уважать традиционные формы общения и правила игры с противником, вопреки идеологическим расхождениям. Отказ от приличий, огрубление языка и ожесточение политического мышления историки объясняют тем, что в интеллигентский «орден» стали рекрутироваться выходцы из нижних слоев.¹²

Мастерски описали новый тип интеллигента некоторые отцы пережившие подлинный шок при появлении так называемых новых людей. Если верить Герцену, «новые люди» были чувствительны, как мимозы, малейшая критика казалась им оскорблением их достоинства. Но сами они что называется, за словом в карман не лезли. Критикуя других, они становились совершенно беспощадными. Непомерное честолюбие сочеталось у них с оскорбленной позой, они обвиняли во всем общество, в котором не находили желаемого признания.¹³

С критикой непочтительных детей-«нигилистов» выступили Тургенев, Достоевский и другие представители «романтического» поколения интеллигенции. Их повергло в ужас не только поведение, но прежде всего мировоззрение этих последышей, их яростный поход против идеалистической эстетики и философии, обращение к плоскому материализму и утилитаризму. Идеалисты видели в этом какое-то нашествие вандалов на русскую культуру.¹⁴

Правительство — пособие революции

Но попытки объяснить, эти перемены только тем, что в «орден» вторгались недворянские элементы (разночинцы), оставляют без ответа множество вопросов. Ведь выходцы из низов не были редкостью и среди отцов (наиболее

¹² См. Nahirny V.C. The Russian Intelligentsia. From Torment to Silence. New Brunswick, N.J., 1983; Malia M. Was ist Intelligentsia/ Pipes R. ed. Russland vor der Revolution. Staat und Gesellschaft im Zarenreich. München, 1977. P.253-286; Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С.37.

¹³ Герцен. Сочинения. Т. 5. С.604-607.

¹⁴ См. Федотов. Трагедия.

известный пример – Белинский): с другой стороны, невоспитанные дети подчас происходили из почтенных и состоятельных семей, например, Писарев.¹⁵

Объяснительная модель, оперирующая только социальными критериями, неудовлетворительна и по другим причинам. Дело в том, что она сосредоточена исключительно на российских делах и упускает из виду тот факт, что крушение романтизма и поворот к «реализму», к вере в науку, есть общеевропейский феномен, середины XIX века. И на Западе время интеллектуального, преобладания эстетов и идеалистов, увлеченных высокими философскими материями, уходило в прошлое. Но обращение к действительности означало здесь принятие неизбежно связанных с нею обстоятельств. Немало бывших революционеров 1848 года отказалось от идей, за которыми не стояло никаких материальных сил. Эти идеи превратились для них в химеры. Август Людвиг фон Рохау в, книге «Основы реальной политики» (1853), сыгравшей существенную роль в эволюции политических идей того времени, писал что только власть является силой, способной править, власть – первое условие счастья народов: нация, пренебрегшая властью, отжила свое.¹⁶ Слова эти цитировались потом много раз.¹⁷

В России конец «идеализма» привел к совершенно другим результатам. Поворот к реализму приводил здесь не к признанию действительность со всеми ее приятными и неприятными сторонами, а к тому, что ей была объявлена непримиримая война. Не было здесь и отказа от политики, всецело основанной на идейных принципах. Наоборот, именно такая политика и восторжествовала, а нравственный ригоризм интеллигенции достиг беспрецедентного накала. Владимир Соловьев пародировал этот образ мысли с помощью иронического силлогизма, передающего кредо русской интеллигенции: «(Человек) произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга».¹⁸

То, что «реалисты» и материалисты 60-70 годов XIX века так «неразумно» реагировали на тогдашнюю русскую действительность, в российской публицистике не зря расценивалось как глубокая национальная трагедия. Немало требований, выдвинутых предшествующими поколениями противников самодержавия, выполнялись тогда одно за другим: освобождение крестьян, смягчение цензуры, судебная реформа, местное самоуправление (земство). Радикальная интеллигенция не придавала всему этому никакого значения. Она не собиралась участвовать в этой грандиозной реформаторской деятельности.

¹⁵ Бердяев. Истоки. С.44.

¹⁶ v. Rochau A.L. Grundsätze der Realpolitik angewendet auf die staatlichen Zustände Deutschlands. Stuttgart, 1859. P. 59.

¹⁷ См. Nipperdey Th. Grundprobleme der deutschen Parteigeschichte im 19. Jahrhundert/его же. Gesellschaft, Kultur, Theorie. Gesammelte Aufsätze zur neueren Geschichte. Göttingen, 1976. P. 89-112. зд. Р.96.

¹⁸ Бердяев. Истоки. С.19.

Другими словами, она сама отстранила себя от практической работы, которая только и могла стать для нее школой политического мышления и действия.¹⁹

В 1869 году, т.е. как раз в то самое время, когда либеральное правление Александра II коренным образом обновляло Россию, один из наиболее радикальных противников режима, Сергей Нечаев, пишет «Катехизис революционера» в котором можно было прочесть следующее: «Революционер – человек обреченный...Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить».²⁰

В этих рассуждениях уже намечаются первые контуры будущего тоталитарного характера – создателя и создания тоталитарных режимов 20-го века. Такой характер ориентирован на тотальную конфронтацию. Он склоняется к тому, чтобы лишить человеческого облика не только своих врагов, но и себя самого. Он имеет дело не с конкретными людьми, но с абстрактными силами, воплощениями добра и зла. Чувства вины или сомнения, одолевающие человеческую личность, уже не играют для него никакой роли. Революционер превращается в орудие уничтожения, из любви к будущему идеальному человечеству ведущее беспощадную борьбу на истребление с представителями существующего несовершенного мира.

Борис Чичерин, один из самых выдающихся правоведов дореволюционной России, сторонник реформ Александра II, считал ригоризм интеллигенции признаком ее политической незрелости. Это означало, что русское общество все еще нуждается в политической опеке, и Чичерин предупреждал против преждевременного, как ему казалось, введения конституции в России.²¹ А ведь это был один из наиболее ярких русских либералов! Но так были настроены и некоторые сторонники обновления в самом правительственном аппарате, например, Николай Милютин, принадлежавший к самому радикальному их крылу. Они тоже хотели оградить дело реформ от общественного «безрассудства». Большинство из них было против участия общественных кругов в принятии политических решений, на высшем уровне.²² Самодержавие, заметно изменившееся при Александре II, было для них идеальным инструментом модернизации и прогресса. Кстати сказать, они защищали самодержавный строй не только от революционеров, но и от консервативно

¹⁹ См. Leontovitsch V. Geschichte des Liberalismus in Russland. Frankfurt am Main, 1957. P. 140.

²⁰ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. Ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1997.

²¹ Воспоминания Бориса Чичерина. С. 114; Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С.IX-X.

²² См. Костюшко И. И. Крестьянская реформа в Царстве Польском. М., 1962. С.75.

настроенного дворянства. Именно эти дворяне заигрывали с идеей конституции, чтобы, создать противовес для части правительственного аппарата, склоняющейся к реформам.²³ Такой двойной фронт помог государственной бюрократии, не исключая самых просвещенных ее представителей, утвердиться в традиционном политическом кредо: только государство может быть инициатором политических действий, а общество – всего лишь объект отеческих забот правительства.

Консервативное дворянство, несмотря на некоторые оппозиционные настроения, примирилось с такой политикой. Могло ли оно порвать с самодержавием? Самодержавие защищало его от ненависти низов, где и после освобождения крестьян лелеяли мечту об экспроприации помещичьей собственности, о «черном переделе». Высший слой, как это бывало и прежде в аналогичных ситуациях, готов был примириться со своим подчиненным положением лишь бы не рисковать своими социальными привилегиями. Петр Струве, один из авторов известных сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918 г.), считал эту позицию дворянства даже одной из причин падения русской монархии: самодержавие, веками державшееся на политическом бесправии дворян и социальном бесправии крестьянства, прониклось, по мнению Струве, опасным чувством независимости от общества.²⁴

С этим можно только согласиться. Действительно, вплоть до середины XIX столетия самодержавие обладало исключительной свободой действий, а наиболее важные сословия в стране — дворяне и крестьяне — не подвергали сомнению (если не считать редких исключений, например, декабристов) автократический принцип как таковой. Лишь с появлением интеллигенции авторитет царя пошатнулся. Интеллигенция вступила в борьбу не просто с тем или иным правительственным курсом, но против самих основ системы, идеологических и политических. Русскую интеллигенцию можно отчасти сравнить с марксистски ориентированным рабочим движением на Западе во второй половине XIX века: оно тоже находилось в принципиальной оппозиции к буржуазному государству. Но если не придавать, слишком большого значения антисоциалистическим законам Бисмарка и подобным явлениям, западноевропейские рабочие могли все же действовать сравнительно свободно, и это, между прочим, весьма способствовало смягчению их настроений. Решительный протест в этих условиях терял привлекательность. Подобное сглаживание политических и социальных конфликтов для русской монархии оставалось невозможным. Она предоставляла обществу лишь решение неapolитических задач и отказывала оппозиции в праве на легальное существование. Правда, после 1855 года правительство значительно ослабило привычную систему контроля над населением. Открылось довольно широкое

²³ Воспоминания Бориса Чичерина. С.67.

²⁴ Струве. Исторический смысл русской революции.

поле деятельности для неконформистских сил. В прессе, особенно в журнале «Современник», под видом литературной критики подчас необычно резко критиковался существующий порядок: суды присяжных на политических процессах порой выносили на удивление мягкие приговоры, к ужасу и возмущению консервативных кругов; студенчество эволюционировало влево и в конце концов вышло из-под опеки властей. Якобы «неполитические» организации и нейтральные учреждения превращались в очаги сопротивления абсолютистским притязаниям самодержавной власти, причем правительство, привыкшее к бюрократической регламентации в сфере политики, реагировало на это довольно беспомощно. Не зря Борис Чичерин жаловался на непоследовательность правительства. С одной стороны, оно почти ничего не предпринимало против анархизма студентов, а с другой – по-прежнему было склонно к мелочному вмешательству в общественные процессы, в которых оно совершенно не разбиралось.²⁵

Так власть, не терпевшая никакой политической оппозиции, невольно поощряла общественный радикализм, не склонный покорствоваться каким бы то ни было институциональным ограничениям.

Последствия. Социализм как новое христианство

В этом смысле ситуация детей была куда благоприятней, чем у их предшественников. Тогда, в николаевскую эпоху, оппозицию представляли немногие изолированные кружки или небольшие группы, не располагавшие ни общей трибуной для выражения своих взглядов, ни каналами связи для осуществления каких бы то ни было общественных акций. Возмущение социальной несправедливостью и деспотизмом не могло вылиться в открытый протест. Расплачиваться за стратегию вытеснения общественного мнения, принятую Николаем I, пришлось его либеральному сыну. Ибо «нигилизм» 60-х годов и терроризм 70-х – не что иное, как запоздалая реакция на засилье крепостнического режима: отказ от этого режима, по мнению многих, состоялся слишком поздно, когда уже почти невозможно было преодолеть вражду между правительством и оппозицией – равно как и отчуждение между помещиками и крестьянами.

Таким образом, невзирая на оттепель, несмотря на эйфорию национального примирения в начале царствования Александра II, страна все больше съезжала к конфронтации. Проповедники терпимости и компромисса оказались в изоляции. Новый либеральный курс должен был опираться на социального носителя, но найти его было очень трудно. В России не было или почти не было среднего

²⁵ Воспоминания Бориса Чичерина. С.14-16, 20-22, 29-31.

сословия – главной опоры политического свободомыслия на Западе. Буржуазия, «торгаши» – никогда не пользовались здесь высоким общественным престижем. В обществе не могли проявить себя в полной мере и, так сказать, себя окупить такие буржуазные качества, как благоразумие, деловитость и т. п. Характерное для буржуазной эпохи отрезвляющее «расколдовывание мира» (Макс Вебер), секуляризация общества в конце концов распространились и на царскую Россию, но с опозданием, и вдобавок были связаны отнюдь не со скептическим рационализмом и сомнением в непререкаемости абсолютных истин. Хотя интеллигенция утратила всякую связь с православной церковью, мышление интеллигентов не смогло освободиться от определенной религиозной окраски.²⁶ Их фанатическая преданность революционным идеалам сильно напоминала страстную веру предков в чистоту православия, ту веру, во имя которой некогда самосжигались русские старообрядцы. Секуляризация в России происходила не постепенно, а скачками. Каждый новый социальный слой, захваченный этим процессом, переживал его как потрясение всех основ. Сочетание нового и старого давало смесь исключительной взрывчатой силы?

Достоевский, сам принадлежавший раньше к «ордену», но ставший его судьей и обличителем, писал о социализме, что он лишь на поверхности выглядит общественно-политическим учением: куда важнее его политических притязаний стремление социализма стать альтернативой христианству. Эта характеристика претендовала на универсальность, но описывала скорее положение вещей в России, чем на Западе.

Революция без лидера. Обер-прокурор Победоносцев

Тем не менее религиозный характер мышления интеллигентов был произвольным и неосознанным, ведь задача состояла в полном разрыве с традицией: интеллигенция выступила как разрушительница всех святынь. Единственное, что уцелело в этом всеобщем процессе разрушения и оставалось предметом пламенных восхвалений, был простой русский народ. Народ, олицетворение мудрости и добра. Все понятия, все культурные начинания, недоступные пониманию низших слоев, были отброшены как ненужные и недозволенные. Как замечает Николай Бердяев, занятие философией в России долгое время считалось «почти безнравственным», тех, кто углублялся в

²⁶ См. Федотов. Трагедия. С.42-44; его же. Революция идет // Современные записки №39. 1929. С. 306-359; Булгаков С. Героизм и подвижничество / Вехи, С.23-69; Франк. Этика нигилизма; Venturi F. Roots of Revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth-Century Russia. Chicago, 1983. P. 472-473.

абстрактные проблемы, автоматически подозревали в равнодушии к народным бедам.²⁷

Но при всей своей самоотверженности, готовности следовать до конца идеалам равенства, при всем народолюбии, интеллигенция не могла отменить тот прискорбный факт, что в действительности она принадлежала к образованному и, следовательно, привилегированному слою. Для крестьян интеллигент, как и помещик, был представителем ненавистного европеизированного слоя господ: и язык, и мировоззрение этого слоя были им непонятны.²⁸ Хотя аграрный вопрос был самым жгучим и насущным вопросом, крестьянство не проявляло желания препоручить интеллигенции руководство в борьбе за его интересы. Об этом свидетельствует хорошо известная судьба народников, юношей и девушек, которые в 70-х годах «пошли в народ», чтобы открыть ему глаза. Крестьяне не слушали агитаторов, а то и просто выдавали их полиции. Этот провал и ощущение беспомощности, несомненно, были одной из важнейших причин радикализации народников, перехода к революционному террору. Общество нужно было «разбудить». Возникшая в 1879 году «Народная воля» действовала в духе уже упомянутого Сергея Нечаева. Ее важнейшей целью было убийство Александра II – пожалуй самого либерального царя в новой русской истории. Нечаев писал: «Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, внезапная и насильственная смерть которых может нанести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу».

Либеральный царь был с точки зрения «Народной воли» прямо-таки создан для такой роли. Организация начала настоящую охоту на царя. 1 марта 1881 года – террористы добились, наконец, желаемого успеха. Убийство Александра произошло как раз в то самое время, когда царь вместе со своим ближайшим сотрудником М. Т. Лорис-Меликовым работал над документом, в котором России было обещано некое подобие конституции.

Но и самые сенсационные покушения не сумели встряхнуть эксплуатируемые массы.

Тут можно вспомнить интересное наблюдение Петра Струве: в XVII—XVIII веках во всех народных выступлениях против господ верховодили казаки – социально самая беспокойная и вместе с тем опытная в военном отношении часть населения. Но после разгрома пугачевского восстания 1773–75 гг. монархия догадалась предоставить казакам значительные социальные привилегии» сумела привязать их к себе и, так сказать, «огосударствить». В ре-

²⁷ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда/ Вехи. С.2; его же. Духи русской революции /Из Глубины. С.71-106; Гершензон М. Творческое самосознание / Вехи. С. 70-96; Федотов. Трагедия. С.29, 38-45; Франк. Крушение.

²⁸ Гершензон. Творческое самосознание; Venturi. Roots. P.505.

зультате, заключает Струве, крестьянство осталось без «актива» в своей глухой борьбе против угнетения.²⁹

Вопреки всем усилиям, интеллигенция не была в состоянии занять вакантное место лидера. Застарелый политический консерватизм крестьянства препятствовал объединению обеих мятежно настроенных социальных групп. Консервативные силы наверху стремились увековечить этот разрыв. Им было ясно, что от того, кто победит в борьбе за душу народа, зависит судьба страны. На интеллигенции они уже и так поставили крест. Но нужно было любой ценой помешать тому, чтобы низы пошли за образованной элитой. Консерваторы считали жизненно важным для государства предохранить от коррозии мир допетровских представлений, в котором жили народные массы.³⁰ Здесь, конечно, нельзя не упомянуть Константина Победоносцева, юриста и государствоведа, влиятельного советника двух последних императоров, в 1880—1905 годах занимавшего пост Обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода.

Победоносцев был убежден, что русский народ сохраняет, абсолютную верность царю: эта верность по сути и есть самая надежная опора самодержавия.³¹ Народ знать не знает о конституции, она ему и не нужна, он даже не помышляет о каком-либо ограничении самодержавия. Либеральные уступки обществу совершенно излишни. В них заинтересовано лишь ничтожное меньшинство российского населения.³² Нужно, следовательно, чтобы традиционное мироощущение нижних слоев выдержало напор зловредной современности. Победоносцев всеми силами старался оградить народ и общество от новейших веяний, прежде всего, конечно, от идей, шедших с Запада. Этой цели служила среди прочего выдвинутая им программа народного образования. Обер-прокурор Синода был невысокого мнения об абстрактных науках, которые только сбивают с толку простого человека и увеличивают недовольство одиночек своим положением в обществе. Образование должно ограничиваться конкретными знаниями и практическими навыками.³³ Осуществляя свой идеал народного образования, Победоносцев энергично расширял сеть церковно-приходских школ.

Но в конце концов оказалось, что низшие слои общества, которые этот идеолог последовательного консерватизма считал главной опорой трона, как раз

²⁹ Струве П. Интеллигенция и революция / Вехи. С. 156-174.

³⁰ См. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1980. С. 410-424; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х и начала 90-х годов. М., 1970; Byrnes R. F. Pobedonoscev. His Life and Thought. Bloomington, 1968; Leontovitch. Geschichte des Liberalismus; Rogger H. Russia in the Age of Modernisation and Revolution 1881-1917. London/New York, 1983. P.8.

³¹ Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 2. С.335; Витте С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С.296.

³² Письма Победоносцева к Александру III.

³³ Победоносцев К. Московский сборник. М., 1896. С.67-75, 149-151, 182-184; Флоровский. Пути. С.412.

и представляли собой самую страшную угрозу для государственного строя. На грани веков, с пятидесятилетним опозданием, народные массы включились в процесс, начатый интеллигенцией. Теперь борьба оппозиции и автократии могла решиться только в пользу оппозиции.³⁴ Отмена крепостного права принесла свои плоды. Целое поколение крестьян выросло в новой, более свободной атмосфере. Эти дети крепостных уже не так легко подчинялись опеке, как поколение их отцов. А программа консерваторов осталась прежней и все так же исходила из предпосылки социальной незрелости низов.

Витте. Одиночество монарха

Провал концепции Победоносцева был вызван еще и тем, что далеко не все силы в правительственных кругах поддерживали обер-прокурора в его стремлении подморозить Россию. Более того, у Победоносцева были могущественные противники, которые надеялись устранить революционную опасность другими, в сущности, противоположными средствами. Такой был граф Сергей Витте, крупный государственный деятель, в 1892—1903 гг. министр финансов, затем председатель Совета министров. Витте, в отличие от Победоносцева, не боялся будущего. Он считал Россию страной неисчерпаемых возможностей, которая, однако, нуждается в коренной модернизации. Только так она сумеет сохранить статус великой державы и решить свои насущные социальные проблемы.³⁵ В частности, совершенно иными были представления Витте о народном образовании. Модернизация страны, по его мнению, требовала просвещенных и динамичных подданных, а не косных приверженцев традиционного мировоззрения. Эгоизм независимой личности, столь беспокоивший Победоносцева, стремление личности реализовать себя Витте вообще считал движущей силой всякого прогресса. Без личных амбиций граждан нельзя объяснить культурные и экономические достижения Западной Европы. Чуть ли не главную причину отсталости России Витте видел в недостаточном развитии личной инициативы.³⁶

Наконец, самое резкое неприятие вызывал у Витте изоляционизм, проповедуемый Победоносцевым как залог сохранения особенного характера России.³⁷ Для Витте, как и для других сторонников модернизации страны,

³⁴ См. Федотов. Трагедия; его же. Революция идет.

³⁵ Витте. Воспоминания. Т.3. С.272-273; v. Laue Th. Sergei Witte and the Industrialisation of Russia. Columbia, 1963. P.34; Geyer D. Die Russische Revolution. Historische Probleme und Perspektiven. Göttingen, 1977. P.23.

³⁶ Витте. Воспоминания. Т.2. С.441-443, 467-472.

³⁷ Витте. Воспоминания. Т.1. С. 467-472; его же. Самодержавие и земство. Санкт-Петербург, 1908. С.16, 194.

начиная с Петра I, «особенность России» состояла исключительно в ее отсталости. Преодолев свое отставание, страна ничем не будет отличаться от других европейских государств.

В этой концепции было, однако, слабое место: Витте не мог получить поддержки ни у какого сколько-нибудь значительного социального слоя. Рабочие, численность которых стремительно возросла в результате реформ Витте, довольно скоро превратились в наиболее воинственных противников режима. Крестьянам программа индустриализации была непонятна и чужда. Их интересовало не абстрактное величие России, а вопрос о земле. Развитие промышленности, по крайней мере на первых порах, как будто ничего не обещало в смысле решения аграрного вопроса: напротив, предполагалось, что на какое-то время земледельцу придется еще хуже. Ведь без высоких налогов невозможно было осуществить программу индустриализации.³⁸ Министру финансов не удалось привлечь на свою сторону и либеральные группировки. Камнем преткновения стал тезис о неограниченной царской власти. При всем своем прогрессизме Витте все же считал самодержавие наиболее подходящим строем для быстрого переустройства страны, ибо в распоряжении монарха находился мощный административный аппарат, не подлежащий контролю со стороны парламента. Парламентские дебаты Витте считал лишь тормозом для реформ.³⁹

На самом деле самодержавный режим в России к началу века был таков, что ни о какой роли демиурга в процессе модернизаций страны не могло быть и речи. Вместо того, чтобы преодолеть внутренние противоречия в стране, политический курс Витте лишь обострил их. Таким образом, в России одновременно ужесточились три конфликта, в большой мере уже разрешенных на Западе: это был конституционный, рабочий и аграрный вопрос. Самодержавие лишилось социальных корней, и пустота, окружившая двор, драматически обнаружила себя во время Русско-японской войны. Общество без особой горечи восприняло поражение царской армии, кое-кто в лагере левой интеллигенции даже бурно его приветствовал. Ленин заявил, что поражение нанесено не русскому народу, а его злейшему врагу – царскому правительству. Нужно сказать, что столь крайняя пораженческая позиция была тогда не такой уж редкостью в лагере оппозиционных сил.⁴⁰

Оказавшись в изоляции, двор был вынужден искать компромисса с обществом. Манифест 17 октября 1905 года обещал России основные

³⁸ Laue. Witte. P.101-102, 170-171, 22; Thalheim K. Die wirtschaftliche Entwicklung Russlands / Katkov G./Poppe N./v. Rauch G. ed. Russlands Aufbruch ins 20. Jahrhundert. Politik-Gesellschaft-Kultur 1894-1917. Freiburg, 1970. P.101.

³⁹ Laue. Witte. P.161-162, 305; Витте. Самодержавие. С.44-45, 203-211; Кони А. Ф. Сергей Юльевич Витте. Отрывочные воспоминания. М., 1925. С.24-26; Милюков П. Н. Воспоминания (1859-1917). Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С.241-242.

⁴⁰ См. Плеханов Г.Б. Сочинения. М., 1924-1928. Т.13. С. 215. Т.9

гражданские права и предусматривал созыв Государственной Думы. Наступил конец неограниченной монархии.

Новые веяния. Реабилитация духа

Отныне интеллигенция уже не висела в пустоте, – революция Пятого года это наглядно показала. Осуществилась давняя мечта интеллигентов объединиться с народом. «Внизу» почитание царя мало-помалу сменилось безоглядной верой в революцию.⁴¹ Но этот успех странным образом не вызвал безоговорочного одобрения у многих членов «ордена», так как часть интеллигенции к этому времени успела сменить вехи.

На рубеже столетия в русских образованных кругах, как, впрочем, и на Западе, распространились веяния «конца века». Возникло скептическое отношение к позитивистским моделям мира, к вере в прогресс. Необычайно возросло влияние ведущих критиков идеи прогресса Достоевского и Ницше.⁴² В итоге среди образованных кругов наметилась своего рода деполитизация. Начиная знаменитый Серебряный век. Взоры многих интеллигентов обратились к духовным и эстетическим проблемам, эти люди покидали «орден».⁴³ Поворот отчетливо обозначился в сборнике 1902 года «Проблемы идеализма», в котором участвовали многие бывшие марксисты: Петр Струве, Семен Франк, Николай Бердяев, Сергей Булгаков. Еще резче эти авторы разделились с прежними идеалами в другом широко известном сборнике «Вехи» (1909 г.). Идеология «ордена» с ее традиционным манихейским делением мира на абсолютное зло и абсолютное добро (самодержавие и народ) была расценена не более и не менее, как род коллективного умопомрачения. Раздались призывы к компромиссу и терпимости, к смирению и признанию, что достигнуть земного рая, да еще с помощью революционного насилия, невозможно.

Вопреки предостережениям защитников неограниченной самодержавной власти, качественные изменения системы после революции 1905 года отнюдь не

⁴¹ См. Булгаков С. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т.2. С.159-163; Струве. Исторический смысл русской революции; Pipes R. Struve: Liberal on the Right, 1905-1944. Cambridge Mass., 1980, P. 77; Geyer. Die Russische Revolution. P.30

⁴² См. Франк С. Ницше и этика любви к дальнему / Проблемы идеализма. Сборник статей. М., 1902. С.137-197; Бердяев Н. Этическая проблема в свете философского идеализма / там же. С.91-136; Франк С. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 28-29; Lane A.N. Nietzsche in Russian Thought. Ph. D. Thesis. Ann Arbor, Mich., 1976.

⁴³ Pipes. Struve. P. 66-114; Scherrer J. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen. Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder, 1901-1917. Wiesbaden/Berlin, 1973; Burbank J. Intelligentsia and Revolution. Russian Views of Bolshevism 1917-1922. New York/Oxford, 1983. P.131; Милюков. Воспоминания. Т. 1. С.256; Гершензон. Творческое самосознание. С.92-94; Маковский С. На парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т.1. С. 195-196.

сокрушили монархию. Созыв Думы предоставил оппозиционным силам открытую общественную трибуну.

Что же касается широких народных масс, то на их настроения эта смена тенденций никак не повлияла. В результате неустанной просветительской деятельности интеллигенции массы пришли в движение и остановить их, взывая к умеренности, было уже невозможно. Да и сам «орден», вопреки новым веяниям, все еще не мог пожаловаться на недостаток борцов, как ветеранов, так и новых «послушников». Одновременно с «Проблемами идеализма» появилась другая работа, оказавшая решающее влияние на все позднейшее развитие России—«Что делать?» Ленина. Здесь впервые шла речь об организации профессиональных революционеров с целью «перевернуть Россию».⁴⁴ Эта зловещая и пророческая формулировка, в сущности, совпала с настроением широких слоев российского населения. Маленькая и ослабленная внутренними раздорами партия большевиков превратилась в грозную силу.

Большевики, их противники и народ

В стане русской интеллигенции большевики стояли особняком. В своих теоретических воззрениях они сохраняли верность позитивизму и историческому оптимизму XIX века, свойственному большинству прежних поколений интеллигенции. Новые философские, научные и общекультурные течения, потрясшие на рубеже веков веру в незыблемость материальных основ мира, находили, правда, отклик у некоторых членов партии, но не у ее лидера. В 1904 году, в разговоре с Николаем Валентиновым, Ленин заявил, что поправлять Маркса непозволительно. Он рассматривал Российскую социал-демократическую рабочую партию не как семинар для обсуждения идей, а как боевую организацию.⁴⁵ Наивный материализм Ленина и его сторонников многим современникам казался устаревшим. Но это не мешало растущему успеху партии. Более того, именно благодаря известной простоте своего мировоззрения партия большевиков приблизилась к психологии народных масс, которых только теперь вплотную коснулся процесс секуляризации: деятели же религиозно-философского ренессанса или адепты утонченного эстетизма вообще не имели никакого общего языка с народом.⁴⁶

⁴⁴ Ленин. ПСС. М., 1958-1965. Т.6. С.127.

⁴⁵ Валентинов Н. (Вольский). Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1979. С.252-254; См. также Бердяев. Истоки. С.96-97; Степун Ф. Мысли о России // Современные записки № 33. 1927. С. 347-348; Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. Stuttgart, 1985. P.198.

⁴⁶ Федотов. Революция идет; Блок А. Народ и интеллигенция / его же. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1962. С. 318-328.

В политическом смысле большевики тоже составляли особый отряд. В 1914–17 годах, как, впрочем, и во время Русско-японской войны, – они оставались пораженцами, в то время как большинство оппозиционных групп в России выступило на защиту отечества. Но и политическая обособленность большевиков опять-таки послужила не ослаблению, а усилению партии – особенно после Февральской революции, – так как миллионы рабочих и крестьян относились к войне отрицательно и не разделяли национальный энтузиазм, охвативший верхние слои общества.⁴⁷

Казалось, эксцентричность Ленина достигла предела в апреле 1917 года, когда он призвал заменить только что созданное Временное правительство Советами рабочих и солдатских депутатов.⁴⁸ Этот лозунг ошарашил не только политических противников, но и очень многих большевиков. Говорилось о том, что, проведя много лет в эмиграции, Ленин утратил чувство реальности.⁴⁹ Каких-нибудь полгода спустя этот экстравагантный вождь уже находился у власти и возглавил процесс, которому суждено было переломить всю русскую (да не только русскую) историю. Произошло это не в последнюю очередь оттого, что радикализм Ленина в борьбе со старым порядком, по крайней мере в той форме, в какую Ленин облек свои призывы в 1917 году, отвечал чаяниям многих простых людей. Позднее, объясняя причину победы большевиков, Троцкий говорил о том, что против восстания были «все», кроме большевиков; но большевики, добавлял Троцкий, — это и был народ.⁵⁰

Будучи одним из ведущих организаторов октябрьского переворота, Троцкий здесь явно преувеличивал. Большевикам никогда не удалось завоевать симпатий большинства населения. Об этом свидетельствуют выборы в Учредительное собрание, которые состоялись вскоре после прихода большевиков к власти. За большевиков проголосовало в этих выборах, как известно, всего лишь 24% избирателей. Однако в словах Троцкого есть и зерно истины. По крайней мере немалая часть радикально настроенных слоев населения солидаризировалась с большевиками. Об этом говорили и некоторые противники большевиков. Федор Степун писал, например, что Ленин был открыт «всем вихрям революции» и эта открытость совпала «с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс».⁵¹ Приверженцам Ленина удалось внушить немалой части населения, что борьба против большевиков — это борьба против революции. Отождествление большевизма и революции, несомненно, стало (особенно с

⁴⁷ Миллюков П. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 1. С. 11-28; Федотов. Революция идет; его же. Проблемы будущей России// Современные записки № 43. 1930. С.406-437; Suchanow N. 1917. Tagebuch der russischen Revolution. München, 1967.

⁴⁸ Ленин. ПСС. Т.31. С.103-118.

⁴⁹ См. Suchanov. 1917. Tagebuch. P. 295; Abramovitsch R. Die Sowjetrevolution. Hannover, 1963. P.46.

⁵⁰ Trotzki L. Geschichte der russischen Revolution. Frankfurt am Main, 1973. Т. 3. С.842.

⁵¹ Степун. Бывшее. Т. 2. С.104.

осени 1917 года) важнейшей причиной того, что партия, изолированная внутри интеллигенции, с такой легкостью пришла к власти.⁵² (См. на эту тему также и следующую статью этого раздела).

Изменились ли отношения между большевиками и обществом после переворота? На первый взгляд – да. В годы Гражданской войны большинство населения отвернулось от большевиков, сражалось с ними или сопротивлялось им пассивно.⁵³ То, что партия в этих условиях выжила, кажется почти чудом. И тем не менее, если бы большевики действительно полностью потеряли (как это часто утверждают) связь с народными массами, партия не сумела бы удержаться в седле. Верно, конечно, что большинство народа отвергало государственный террор, установленный во время Гражданской войны. Однако новая диктатура сумела извлечь определенную выгоду из настроений большинства. Ибо разочарование в большевиках вовсе не означало развенчания революционного мифа. Ненависть к старому режиму, ко всем его институтам, по-прежнему владела народными массами. Никакая политическая группировка, сочувствующая порядку, какие существовали в стране до февраля (и даже до октября) 1917 года, не имела шансов на успех в стране, опьяненной мифом революции.⁵⁴ Поэтому Белые армии – самый решительный и наилучшим образом организованный враг большевиков – были с самого начала обречены на поражение.⁵⁵

Но как обстояло дело с партиями, которые, подобно большевикам, выступали за революцию? Что можно сказать о социалистах-революционерах (с.-р.), защищавших интересы крестьян и собравших большинство голосов на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года? О меньшевиках, у которых было много приверженцев среди промышленного пролетариата?⁵⁶ Только то, что этим партиям явно не хватало решительности. Не оказав практически никакого сопротивления перевороту 7 ноября 1917 года и разгрому Учредительного

⁵² См. Suchanov. 1917. P. 577-692; Trotzki. Geschichte. T.3. P. 858-978; Ferro M. The Bolshevik Revolution. A Social History of the Russian Revolution. London, 1985. P. 224-267; Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution 1917-1932. Oxford, 1985. P.54-60; Service R. The Bolshevik Party in Revolution. A Study in Organisational Change 1917-1923. London, 1979. P.37-62. Милуков. Россия. Т. 1.

⁵³ См. Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State. First Phase 1917-1922. London, 1955; Carr E. H. A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution 1917-1923. London, 1966. Vol.2. P. 151-268; Broido V. Lenin and the Mensheviks. The Persecution of Socialists under Bolshevism. Worcester, 1987. P.63-65; Mawdsley E. The Russian Civil War. London, 1987.

⁵⁴ Schapiro. The Origin. P.348-350; Abramovitsch. Die Sowjetrevolution. P. 179-181; Федотов Г. Народ и власть // Вестник РСХД 94, 1969. С.79-95.

⁵⁵ Об этом писал, например, в своих воспоминаниях Семен Людвигович Франк (Франк С. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956, С.126-127).

⁵⁶ Broido. Lenin. P. 80-81; Haimson L. H. ed. The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. Chacago/London, 1974. P. 96-98, 116-118; Brovkin V. The Mensheviks' Political Comeback: The Elections to the Provincial City Soviets in Spring 1918 // The Russian Review 42, 1983. P. 1-50.

собрания двумя месяцами позже, эти партии морально разоружили тех, кто их поддерживал.⁵⁷ Заметим, что утрата веры в идеального царя не заставила народные массы отказаться от вековых представлений о стиле государственного руководства. Власть, по этим представлениям, должна была быть сильной, независимой и безраздельной. Не потому ли Временное правительство не обладавшее этими качествами, не внушило народу почтение к себе? И эсеры, и меньшевики, которым в кризисных ситуациях всегда не хватало энергии и решительности, тоже не отвечали этому стародавнему идеалу правления. Насколько иначе вели себя большевики! Они были жестокими и вероломными, они находили возможным попросту не считаться ни с «буржуазной», ни с советской законностью. Вот уж кого нельзя было упрекнуть в нерешительности. Так возникла парадоксальная ситуация, которую один из идеологов евразийства Петр Сувчинский описывал следующим образом: после свержения царя в мировоззрении народа возник вакуум, заполнить который Временное правительство было не в состоянии. И тогда совершенно неожиданно (как думает Сувчинский) значительная часть народа: обрела идеал правителя и законного преемника старой обанкротившейся власти – в лице большевиков.⁵⁸

Vae victoribus — горе победителям. Финал

Царская власть, с которой интеллигенция так страстно боролась с самого своего возникновения, казалась ей вместе с тем и настолько всемогущей, что она не рассчитывала на скорое крушение самодержавия и возможность взять власть в свои руки. Практика и технология власти совершенно не занимали интеллигенцию, она отождествляла себя с жертвами. По-иному обстояло дело с большевиками. Семнадцатый год и последующие события показали, что большевики были, в сущности, исключением внутри «ордена». Только большевикам во главе с Лениным удалось соединить радикальный утопизм с исключительно трезвым пониманием механизмов насилия.⁵⁹ Вот почему они добились самого большого успеха среди всех групп интеллигенции и превратили «орден», (или хотя бы часть его) из кучки беспочвенных мечтателей в господствующий слой гигантской империи. Но уже через десять лет после своего триумфа «орден» лишился власти, а еще через десять лет большая его часть была физически уничтожена.

⁵⁷ См. Чернов В. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С.356-366; Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 353-381.

⁵⁸ Сувчинский П. К познанию современности // Евразийский временник 5, 1927. С.7-27. зд. 10-12.

⁵⁹ См. Бердяев, Истоки. С.95.

В борьбе Сталина со старыми большевиками парадоксальным образом нашел свое завершение бунт народных масс против Петербургской России, бунт, начавшийся на грани веков. Ибо старая «ленинская гвардия», где сохранялись нравы и традиции дореволюционной интеллигенции, была не чем иным, как детищем Петербургской России – и ее пережитком. Хотя «орден» сражался с самодержавным государством, он в то же время был органически связан с ним и с его культурой. Он составлял, пожалуй, самую европеизированную часть верхних слоев общества, ориентированных на Запад. Оттого и мышление, и образ действий «ордена» оставались чуждыми и подозрительными для народных масс, несмотря на процесс идеологического сближения. Космополитизм интеллигенции выглядел чем-то слишком уж элитарным в глазах народа, да и в глазах нового поколения большевиков – людей, которые, как правило, вышли из крестьян и пролетариев. Низы, выброшенные на поверхность общества революцией, значительно способствовали изменению политической культуры в стране: эта культура приобретала все более традиционный облик.⁶⁰ Она сохраняла даже некоторые допетровские, патриархально-коллективистские элементы. А большевики первого призыва с их выраженным индивидуализмом и критицизмом, страстью к спорам, склонностью к идейной и фракционной борьбе нарушали стиль этого древне-нового мышления.⁶¹ По сути дела, здесь столкнулись две эпохи. В этом, по всей вероятности, надо искать одну из главных причин, почему Сталину удалось сравнительно легко победить подавляющее большинство ленинских соратников.

Десять лет спустя многих старых большевиков лишенных влияния и власти, ожидало физическое уничтожение. Гордые победители Семнадцатого года разделили судьбу прочих отрядов интеллигентского «ордена» – почти всех, кто вовремя не эмигрировал. Так закончилась столетняя история русской революционной интеллигенции. В 1936–38 годах погибло большинство ее последних представителей. Каким издевательством звучали заявления официальной пропаганды, по-прежнему славившей революционеров, в то время как сталинский режим безжалостно искоренял всякое инакомыслие и всякий дух бунтарства – главные, определяющие черты «ордена».

Почему же диктатор не отказался окончательно от наследия революционной интеллигенции? Потому что советское государство, несмотря на то, что оно истребило своих основателей, по-прежнему черпало свою легитимацию в событиях 1917 года. Отказ от революции был бы равносителен *самоотречению*.

⁶⁰ См. Федотов Г. Русский человек / его же. Новый Град. С.59-88: его же Проблемы; его же. Трагедия; Бердяев Н. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Берлин, 1924.

⁶¹ Tucker R.C. Stalin as Revolutionary 1879-1929. A Study in History and Personality. New York, 1973; Trotski L. Mein Leben. Versuch einer Autobiographie. Berlin, 1961.

Учрежденный сверху культ революционной интеллигенции способствовал не распространению, а как раз дискредитации ее идей. Многим казалось, что в диссидентском движении шестидесятых годов возродились некоторые характерные черты «ордена»: нонконформистское поведение, нравственный накал, ригоризм, непримиримость ко всем формам гражданского и политического угнетения. Однако многие диссиденты сознательно отмежевались от своих предполагаемых предков, решительно отбросив их идеологию. Они, например, были решительно против народопоклонства и против революционного насилия. Семнадцатый год для большинства из них был не началом новой эпохи, а величайшей катастрофой российской истории. При этом революционную интеллигенцию они считали чуть ли не главным виновником этой катастрофы. Вот почему вопрос о включении ее представителей в галерею предшественников диссидентства казался весьма спорным. По существу, «орден», возникновение и гибель которого связаны с глубочайшими катаклизмами русской истории, остался без наследников (см. на эту тему статью о правозащитном движении в этом сборнике).

Расширенная версия статьи опубликованной в *Вопросах философии* 11/1991. С. 3-15.

Немецкая версия статьи была напечатана в журнале *Historische Zeitschrift* Band 249, 1989. P.265-294.

I.2. Демократия, которая не сумела себя защитить – размышления о судьбе Февральской революции¹

У Февральской революции, попытавшейся построить первое в истории России демократическое государство, – мало защитников. В своей книге *Двести лет вместе*, посвященной русско-еврейским отношениям, Александр Солженицын говорит о зловещей роли главного органа революции – Центрального Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов (ЦИК), который, якобы, пытался повернуть революцию на путь растущего радикализма. Эту губительную для России установку Солженицын объясняет преимущественно нерусским составом руководства советами, где инородцы (евреи, кавказцы, поляки и другие) играли непропорционально большую роль.

Это утверждение Солженицына ставит реальное положение вещей с ног на голову. Ведь именно этот, якобы нерусский, ЦИК в первые месяцы Февральской революции прилагал усилия к тому, чтобы утихомирить радикально-революционный порыв, который охватил тогда широкие слои именно русского народа. Ради того, чтобы, действуя совместно с буржуазно-либеральными силами, ввести в определенные рамки эту волну анархии, умеренные руководители советов даже вступили в начале мая 1917 г. во Временное правительство. Потому-то Петроградский совет и утратил популярность в массах. Они все меньше прислушивались к уговорам умеренных социалистов, призывавших к сдержанности. «Массы испытывают нечто вроде инстинктивного страха, что революция окончится слишком рано, – пишет в этой связи первый министр иностранных дел Временного правительства Павел Милюков. – У них такое чувство, что революция окончится ничем, если верх одержат одни лишь умеренные элементы»². И отнюдь не случайно такие ленинские призывы, как «грабь награбленное» или «немедленно прекратить империалистическую войну», нашли у русских крестьян и солдат куда более сочувственный отклик, чем предостережения умеренного руководства советов от чересчур радикальных требований, от слишком радикальной тактики. «(Открытостью) души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс», – пишет философ, активный участник тогдашних событий Федор Степун³. Это наблюдение Степуна совпадает с высказываниями многочисленных свидетелей той поры.

¹ Расширенная версия статьи опубликованной в журнале «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» (2/2011).

² Miljukov P. Rußlands Zusammenbruch. 2 тома. Stuttgart, 1925–1926. Vol. 1. P. 25.

³ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. 2 тома. Лондон, 1990. Т. 2. С. 104.

Не менее радикально чем Солженицын критикует Февральскую революцию и блестящий русский публицист П.Б. Струве. Струве, по существу, не делает качественных различий между демократической фазой русской революции (февраль-октябрь 1917 г.) и начавшейся после большевистского государственного переворота тоталитарной фазой: «духовно, морально-культурно и политически, революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс»⁴; он отмечает «реальный большевистский дух всей революции»⁵ как народного движения.

Это смешение демократических и тоталитарных аспектов русской революции едва ли оправдано. Февральская революция представляла собой кульминацию начавшейся в декабре 1825 г. борьбы русского общества против государственного патернализма (восстание декабристов). Она завершила начавшийся в 1905 г. процесс превращения России в плюралистическое государственное сообщество, основанное на разделении властей и признании основных прав. Она устранила все сословные привилегии, гарантировала полную религиозную свободу и свободу слова, устранила неравноправие полов и ввела, раньше, чем многие страны Запада, избирательное право для женщин. То, что этот праздник свободы окончился в октябре 1917 г. печально, было связано со многими ошибками и неиспользованными возможностями молодой русской демократии, с беспрецедентным предательством ее врагов-большевиков, с недальновидностью германского военного руководства, которое, чтобы прекратить войну на два фронта, поддерживало большевиков – своих «классовых врагов». Но такой конец «первой» русской демократии не был ни коим образом предопределен – существовали и иные возможности разрешения тогдашнего кризиса. Но это, однако, совсем другая история.

В этой связи намного важнее тот факт, что большевистская фаза русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывалась на качественно противоположных принципах, чем Февральская революция. Самый свободный за всю русскую историю общественный строй, существовавший очень недолго, сменился самым несвободным.

Итак, аргумент тех критиков первой русской демократии, которые объясняют ее поражение чрезмерной радикальностью ее вождей, явно неубедителен. Правы ли тогда те авторы, которые обвиняют защитников Февраля в недостаточной решительности? В том, что они не решились провести немедленную земельную реформу и таким образом легализовать «черный передел», который крестьяне, согласно с ленинским лозунгом «грабь награбленное», начали осуществлять сразу же после падения монархии; в том, что они не вывели Россию немедленно из «империалистической войны», к чему призывал Ленин, т.е. не решились бросить союзников на произвол судьбы и обеспечить таким образом кайзеровской Герма-

⁴ Струве П. Прошлое, настоящее, будущее. Мысли о национальном возрождении России / Струве, П.Б. Избранные сочинения. М., 1999. С. 320.

⁵ Там же. С. 323.

нии гегемонию в Восточной и Центральной Европе? Почему же умеренные социалисты, которые до корниловского мятежа в августе 1917 были стержнем февральской системы, не предприняли требуемых Лениным и сегодняшними критиками Февраля шагов, и это несмотря на то, что в их рядах было немало сторонников радикальной аграрной реформы и острейших противников войны? Связано это было не в последнюю очередь с тем, что вожди Февраля сомневались в своей легитимности и решение важнейших вопросов, касающихся переустройства страны, хотели предоставить всенародно избранному Учредительному собранию.

Тот факт, что выборы в Учредительное собрание, провести которые обещало Временное Правительство уже в первом своем манифесте, весной 1917 г. не состоялись вскоре после свержения монархии, был, как справедливо заметил один из самых ярких вождей Февраля из лагеря умеренных социалистов, Ираклий Церетели, наверно самой главной ошибкой первой русской демократии⁶.

Каждый революционный разрыв с прошлым, который приводит к смене политических парадигм, нуждается в легитимации нового политического строя – в эпоху народного суверенитета такую легитимацию может предоставить только всенародно избранная конституанта. Трагедией Февраля было то, что эти выборы запоздали и произошли лишь после крушения первой русской демократии.

Но не меньшей ошибкой Февральской революции был тот факт, что она с недостаточной решительностью боролась против своих самых опасных врагов, которые, к всеобщему изумлению ее защитников, угрожали ей не справа, а слева. Что дело обстоит именно так, осознавали тогда, однако, только немногие. Когда Ираклий Церетели в июне 1917 года заявил, что «контрреволюция может проникнуть только через одни двери – через большевиков»⁷, слова эти были для большинства умеренных социалистов святотатством.

Они рассматривали большевиков как неотъемлемую составную часть «революционно-демократического фронта». Поэтому разоружение большевиков казалось им ослаблением своего собственного лагеря, изменой делу революции. Ю.О. Мартов, один из вождей меньшевиков, сказал, что в том случае, если руководители Советов применяют против большевиков силу, они, по примеру генерала Кавеньяка, превратятся в «преторианцев» буржуазии⁸. (В 1848 году Кавеньяк был военным министром революционного правительства Франции и в июне 1848 года жестоко подавил восстание парижских рабочих).

Церетели беспощадно критиковал эту позицию Мартова и других левых социалистов. В своих воспоминаниях он писал, что небольшевистское большинство Совета не желало власти, чтобы не быть вынужденным не на словах, а на деле применять ее против большевиков. Небольшевистские левые считали аксиомой, что «революция не знает врагов слева». Призрак генерала Кавеньяка удерживал

⁶ Церетели И. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Т. 2. С. 403.

⁷ Pipes R. Die Russische Revolution. Berlin, 1992. Т. 2. Р. 141.

⁸ Церетели. Воспоминания. Т. 2. С. 214.

социалистов – противников большевиков от энергичной борьбы против левого экстремизма, ставшего главной угрозой для Февральской революции.

Даже события 3–5 июля 1917 г., когда большевики попытались силой свергнуть существовавший порядок, не привели к их исключению из лагеря так называемой «революционной демократии». Социалистические противники большевиков и в дальнейшем рассматривали их в качестве неотъемлемой составной части солидарного социалистического сообщества. Не в последнюю очередь именно поэтому представители большинства в Советах отказывались от слишком жесткого обращения с большевиками. Так как Временное правительство и в дальнейшем нуждалось в поддержке Советов, его буржуазные министры были вынуждены учитывать соображения социалистов – своих партнеров по коалиции. ЦИК Советов непрерывно клеймил позором кампанию травли, развязанную буржуазной прессой против большевиков, и выступал против утверждений об их сотрудничестве с немцами. Многие арестованные большевики уже через несколько недель были освобождены. Несмотря на их участие в попытке путча в июле 1917 года, они не были обвинены в антигосударственной деятельности. Относительную терпимость демократического государства по отношению к его радикальным врагам большевики воспринимали как проявление его слабости. Позже Ленин сказал, что в июле 1917 года большевики сделали ряд ошибок. Их противники вполне могли бы использовать эти ошибки в своей борьбе, но они «тогда не имели для этого ни последовательности, ни решительности»⁹.

Как же обстояли в действительности дела в революционной России 1917 года с так называемой контрреволюционной «правой опасностью»? Требовалась ли для ее преодоления мобилизация всех левых сил, даже таких агрессивных антидемократов, как большевики?

Каким на самом деле было соотношение сил, можно проследить на примере «корниловского мятежа» в августе 1917 г. Мнимая контрреволюционная опасность в итоге обернулась фарсом.¹⁰

Провал путча однозначно подтвердил тезис, что армия больше не годится для борьбы против собственного народа. Так что русская демократия никоим образом не нуждалась в помощи левых экстремистов, чтобы успешно отразить опасность справа. Однако страх умеренных социалистов перед контрреволюцией был так велик, что они совершенно недооценивали свои силы и переоценивали силы противника.¹¹ Не в последнюю очередь поэтому они и вернули оружие большевикам, разоруженным после провала июльского путча. Это, вероятно, было самое значительное и роковое последствие «корниловского мятежа».

⁹ Pipes. Die Russische Revolution. Т. 2. Р. 177.

¹⁰ Федор Степун писал в своих воспоминаниях: «В 1917-м году контрреволюция справа была исключена: и штыки, и пушки – все это находилось в рабочих и крестьянских руках» (Степун. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С.178).

¹¹ Николай Бердяев писал в сентябре 1917 г.: «Старая власть исключительно жила страхом революции: новая власть столь же исключительно живет страхом контрреволюции» (Бердяев Н. Духовные основы революции/его же. Собрание сочинений. Т. 4. Париж, 1990. С.160).

После «корниловского путча» Временное правительство и связанные с ним умеренные социалисты почти полностью утратили политическую инициативу. Они, будто парализованные, наблюдали за решительными и целеустремленными действиями большевиков, которые мастерски показали, как следует использовать демократические свободы для устранения демократии. Большевистская партия получила возможность диктовать правила игры. Британский посол в Петербурге Бьюкенен в сентябре 1917 года писал: «Одни лишь большевики, составляющие компактное меньшинство, имели определенную политическую программу. Они деятельны и организованы лучше других групп... Если правительство не окажется достаточно сильным, чтобы подавить большевиков силой, остается только одна возможность – приход большевиков к власти»¹².

Временное правительство сдалось практически без боя, так как почти не имело в своем распоряжении верных ему войск. Так, почти бескровно, совершился большевистский государственный переворот, ознаменовавший одну из самых радикальных революций в истории, переворот, с которого началось становление первого тоталитарного режима современности.

И еще несколько слов об отношении Николая Бердяева к событиям 1917 года. Бердяев считал победу большевиков в русской революции неизбежной. В книге «Русская идея» он писал: «По русскому духовному складу, революция могла быть только тоталитарной. Все русские идеологии были всегда тоталитарными, теократическими или социалистическими. Русские – максималисты, и именно то, что представляется утопией, в России наиболее реалистично. ... В России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, ... была утопией, несоответствующей русским духовным традициям и господствовавшим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической. Либеральное движение... не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющих идей».¹³

Можно согласиться с Бердяевым в том, что русское общество в 1917 г. сделало однозначный «социалистический выбор». На всех выборах, состоявшихся в этом году, социалистические партии, как правило, получали подавляющее большинство, либеральные же группировки, напротив, все в большей мере вытеснялись на обочину политической жизни. С другой стороны «социалистический выбор» никоим образом не был равнозначен «выбору тоталитарному». Для подавляющего большинства россиян, социалистическая идея тогда непосредственно связывалась с идеей демократической. Выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. впечатляющим образом подтвердили это. Умеренные социалистические партии, прежде всего партия эсеров, решительно отклонявшие тоталитарную общественную модель большевиков,

¹² Buchanan, Sir George. My Mission to Russia and other Diplomatic Memories. Boston, 1923. Vol. 2. P. 188-189.

¹³ Бердяев Н. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1971. С.249.

получили большинство голосов. Российские избиратели выдали им, а не большевикам, мандат на управление страной, и это несмотря на большевистские декреты о мире и о земле от 26 октября 1917 г. Рабочая партия не могла завоевать большинства в крестьянской стране.¹⁴ То, что большевики насильственным образом нарушили волю избирателей и разогнали Учредительное собрание, с самого начала лишило их режим демократической легитимности и заставило ввести фактически чрезвычайное положение, осуществлять которое они начали с момента государственного переворота 25 октября 1917 г.

К немногим защитникам «Февраля» среди ведущих российских мыслителей, принадлежал Федор Степун. При этом Степун подчеркивал, что среди наиболее непримиримых критиков демократического эксперимента в России были те, кто в свое время полностью одобрял новый строй, установленный в феврале 1917 г. кто никоим образом не был готов поддержать прогнившее здание российской монархии. Теперь же многие отвернулись от своих прежних идеалов, устыдились своей прежней якобы наивности. Степун пишет: «Багровый гнев, которым пылают их щеки, когда они говорят о пресловутом «феврале», чаще всего не что иное, как краска стыда воспоминаний за свое непростительное «прятие революции», за свою сентиментальную и глупую надежду, что все помирятся и будут счастливы... Они ожидали, что революция сделает людей свободными и поэтому не могут ей простить, что она как дикий зверь набросилась на своих освободителей».¹⁵

Степун был готов признать значительную долю ответственности демократов, за начавшуюся в октябре 1917 г. русскую трагедию: «Те русские демократы, которые не несут свой позор и свою вину в сердце, естественно не имеют никакого права защищать правое дело демократии в России ... Необходимо признать, что всему достигнутому и созданному революционной демократией при Временном правительстве почему-то не хватало подлинности и вескости, осознания ответственности, чувства значительности и важности происходящего».¹⁶

¹⁴ Маргинальность большевистской партии в стране подчеркивало особенно ярко соотношение сил на Первом Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов в мае 1917 г. Из 1115 делегатов, большевиков представляло только 15, а эсеров 573.

¹⁵ Stepun F. Das Problem der Demokratie in Russland//Hochland 22, Oktober 1924-März 1925. P. 390, 393; Николай Бердяев пишет на эту же тему: «Сначала революцию находили прекрасной, освобождающей, ее идеализировали. Так было после весенней революции 17 года. Потом революцию признали абсолютным злом и прекрасной представлялась жизнь до революции. Так было после осенней революции 17 г.» (Бердяев Н. Дневник философа (Спор о монархии, буржуазности и свободе мысли)//Путь 4/1926. С.176-182.). Видный деятель кадетской партии, Владимир Набоков, в своих воспоминаниях добавляет: «(В первые дни Февральской революции казалось), что в самом деле произошло нечто великое и священное, что народ сбросил цепи, что рухнул деспотизм... Я не отдавал себе тогда отчета в том, что основой происшедшего был военный бунт... и что в этой основе лежит семя будущей анархии и гибели» (Набоков В. Временное правительство и большевистский переворот. Лондон, 1988. С.19-20).

¹⁶ Stepun. Das Problem der Demokratie in Russland. P. 399. Его же. Die Mission der Demokratie in Russland//Hochland 23. Oktober 1925-März 1926. P.418.; В своих воспоминаниях Степун писал

Однако Степун категорически отвергал распространенный тезис о демократах, как «единственных, кто виноват во всех ужасах современного состояния России». Тех, кто так рассуждал, он спрашивал: «а где они были, когда демократы совершали свои исторические ошибки?»¹⁷

Вывод Степуна гласил: «Я хорошо понимаю, что сейчас совершенно безнадежно, тем более эмигранту, защищать идею демократии... Но может быть, лишь то и стоит защищать, что большинство считает делом безнадежным».¹⁸

на эту же тему: «Осуждая бессилие и безволие Временного правительства, я осуждаю его не за то, что оно до конца пыталось защитить свободу..., а за то, что оно недостаточно энергично защищало ее от всех свободоненавистников (Степун. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. С.60).

¹⁷ Stepun. Die Mission der Demokratie. P. 424.

¹⁸ Там же. P.433.

II. Сумерки советской власти

II. 1. «Свободные люди в несвободной стране» – советское диссидентское движение между 20-ым съездом КПСС и Перестройкой

В начале был Хрущев

Свою книгу по истории Германии 19 века известный немецкий историк Томас Ниппердей начал следующим образом: «В начале был Наполеон. История немцев ... находилась в первых десятилетиях 19 века под его подавляющим влиянием»¹. Если писать об истории советского диссидентского движения, то следует сказать: «В начале был Хрущев». «Посмертное свержение тирана», которое было осуществлено первым секретарем ЦК КПСС на 20 съезде партии, послужило началом динамичного процесса эрозии действующих методов правления. Этот процесс невозможно было остановить, несмотря на все реставрационные попытки правящей олигархии. Тот факт, что высшей инстанцией КПСС – съездом партии – был свергнут с пьедестала «богу подобный образ», который воплощал сущность советской системы на протяжении четверти века, должен был непременно сотрясти фундаменты режима, так как культ Сталина представлял не только бюрократическую меру, предписанную сверху. Он был внедрен в подсознание миллионов советских людей: исполнителей и жертв – хоть и в разной мере. Литературовед Натан Эйдельман говорил в период горбачевской перестройки о сталинском гипнозе, которому было подвержено советское общество с середины 30-х годов вплоть до смерти деспота². Многие авторы пытаются объяснить этот феномен «неевропейским», отсталым характером России³. При этом они, однако, упускают из внимания, что в то же самое время сильнейшая промышленная страна Европы, система образования которой считалась образцом во всем мире, – Германия – тоже была охвачена манией вождя. Таким образом, вспышка

¹ Nipperdey Thomas. Deutsche Geschichte 1800–1866. Bürgerwelt und starker Staat. München, 1983. P. 11.

² Эйдельман Натан. Сталинский гипноз // Московские новости. 24 июля 1988. С. 2.

³ См. об этом: Лацис Отто. Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 124-178; он же: Сталин против Ленина / Осмыслить культ Сталина / Под ред. Ч. Кобо. М., 1989. С. 215-246; О Сталине и сталинизме. Беседа с Д.А. Волкогоновым и Р.А. Медведевым // История СССР. 1989. № 4. С. 89-108. Ук. соч. С. 103; Gill Graeme. The Origins of the Stalinist political System. Cambridge, 1990. P. 16; Lohmann Reinhard. Studien zur Sozialgeschichte des Personenkultes in der Sowjetunion (1929–1935). Münster, 1990. P. 34-35.

массово-патологического иррационализма лишь ограниченно связана со степенью развития соответствующей страны. Падение в пропасть тоталитаризма возможно с любой высоты. Разница между немецким и советским культом вождя заключалась прежде всего в том, что в Германии после военного поражения Третьего Рейха был не только разрушен культ вождя, но и сама система, породившая его. Положение в Советском Союзе было диаметрально другим. Здесь свержение кумира было осуществлено той же самой системой, которая водрузила его на пьедестал. Таким образом, хрущевское разоблачение культа Сталина должно было воплощать не только разрыв, но и преемственность. В Советском Союзе не было нулевой точки отсчета.

Хоть партия и изменила существенным образом технику правления – отказ от массового террора, от беспредельной экономической эксплуатации собственного населения – однако она считала естественным сохранение информационной и экономической монополии и монополии на власть. Она исходила из того, что только партия имеет право на исправление своих собственных ошибок.

Лишь правящая олигархия принимала решения о масштабе «ремонта» системы и методах, которые могли применяться при этом. В Польше и Венгрии эти расчеты не оправдались. После смерти Сталина партия потеряла частично (в Польше) или полностью (в Венгрии) контроль над событиями и была вынуждена восстанавливать свою «ведущую роль» либо при помощи существенных уступок обществу, либо посредством советских танков. В Советском Союзе, напротив, общество, казалось, не «мешало» действиям власти имущих. Оно десятилетиями дисциплинировалось «красным», а впоследствии и сталинским террором и казалось лишенным любой самостоятельности. В восточноевропейских странах-вассалах Москвы фаза государственного террора была намного короче, чем в СССР. Она была недостаточной для основательного дисциплинирования общества на советский манер. По этой причине и потенциал к сопротивлению здесь был значительно больше, по крайней мере, в таких странах, как Польша и Венгрия, которые могли опереться на долгую традицию борьбы против чужеземного господства.

После 1956 года среди западных советологов был распространен тезис о том, что советские правители не нуждаются более в массовом терроре, чтобы удерживать свою власть. Общество после стольких лет террора стало послушным инструментом в их руках и реагирует почти что в павловской манере на все сигналы, исходящие сверху⁴. Поэтому появление оппозиционных тенденций – в этом, как тогда казалось, покоренном и умиротворенном обществе

⁴ Brzezinski Zbigniew. The Nature of Soviet System / idem. Ideology and Power in Soviet Politics. N.Y., 1967. P. 65-94, здесь P. 70; idem. Totalitarismus und Rationalität / Wege der Totalitarismus-Forschung / Ed. B. Seidel, S. Jenkner. Darmstadt, 1968. P. 267-288.

– непосредственно после 20 съезда партии, стало большой неожиданностью, как для советского руководства, так и для западных наблюдателей⁵.

В отличие от некоторых восточноевропейских государств, в советском диссидентстве реформистско-коммунистические и/или ревизионистские течения не играли особо большой роли. Расщепления правящей элиты на либеральное и догматическое крыло, которое обусловило появление реформистского коммунизма в 1955/56 годах в Польше и Венгрии, а в 1968 году в Чехословакии, удалось избежать в Советском Союзе.

Так как КПСС мало поддавалась давлению снизу, то советские оппозиционеры изначально были вынуждены использовать иные методы, нежели нонконформисты других стран Советской Империи. Хотя критично мыслящие советские авторы во времена «оттепели» могли нередко высказать свое мнение в официальных органах – прежде всего в журнале *Новый мир*, – все же в Советском Союзе не мог возникнуть эквивалент «ревизионистским» газетам и журналам Польши в 1955/56 годах или Чехословакии в 1968 году. Поэтому советские критики режима разработали достаточно рано неподвластный цензуре Самиздат, который по крайней мере частично ослаблял информационную монополию партии и начал постепенно влиять на развитие политической культуры не только в СССР, но и во всем Восточном блоке.

Тот факт, что у советских диссидентов, в отличие от их польских, венгерских и чехословацких единомышленников, не было покровителей в либеральном спектре правящей элиты, вынуждал их также к развитию новых организационных структур в борьбе против партийной монополии. Чтобы

⁵ О возникновении диссидентского движения в СССР смотри также: Алексеева Людмила. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 2001. С. 208-216; Буковский Владимир. И возвращается ветер... Нью-Йорк, 1978. С. 127-224; Grigorenko Pjotr. Erinnerungen. München, 1981. P. 305-391; Литвинов Павел. О движении за права человека в СССР / Самосознание. Сборник статей / Под ред. П. Литвинова и др. Нью-Йорк, 1976. С. 63-88, здесь С. 78; Чалидзе Валерий. Права человека и Советский Союз. Нью-Йорк, 1974. С. 59-76; Песков Н. Дело «Колокола» / Память. Исторический сборник. Выпуск первый. М., Нью-Йорк, 1976. С. 269-285; Чуковская Лидия. Процесс исключения (Очерк литературных нравов). Париж, 1979. С. 9-19; ВСХОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Париж, 1975. С. 7-28; Левитин-Краснов А.Э. Родной простор. Демократическое движение. Воспоминания. Часть IV. Франкфурт на Майне, 1981. С. 20-51; Эткинд Ефим. Процесс Иосифа Бродского. Лондон, 1988; Beyrau Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917-1985. Göttingen, 1993. P. 156-219, 229-231; Luks Leonid. Dissens in Osteuropa / Pipers Handbuch der politischen Ideen / Ed. Iring Fetscher, Herfried Münkler. München-Zürich, 1987. P. 577-588, здесь P. 577-578; Horvath Robert. The Legacy of Dissent. Dissidents, democratisation and radical nationalism in Russia. London, N.Y., 2005. P. 20-22.; Политический дневник 1964–1970. Амстердам, 1972. С. 51-58, 125, 164-197, 264-275; История советской цензуры. Документы / Под ред. Т.М. Горяевой. М., 1997. С. 541-547, 551-555; Шрагин Борис. Тоска по истории / Самосознание. С. 243-277; Меерсон-Аксенов М. Рождение новой интеллигенции / Там же. С. 89-116, здесь С. 104-108; Glazov Yuri. The Soviet Intelligentsia, Dissidents and the West // Studies in Soviet Thought. 1979. Vol. 19. P. 321-344, здесь P. 322-323.; Opposition in der Sowjetunion / Ed. Heinz Brahm. Düsseldorf, 1972; Akte Solschenizyn. Geheime Dokumente des Politbüros der KPdSU und des KGB / Ed. A. Korotkow et al. Berlin, 1994. P. 19-47.

компенсировать свою слабость, они нуждались в невероятной духовной подвижности, чтобы бросить вызов, казалось бы, всемогущему партийному аппарату. Их поиск эффективной стратегии борьбы был очень сложным процессом. Первоначально оппозиционеры пытались создать конспиративные организации и тем самым они продолжили старую традицию революционной интеллигенции царской империи. При этом они упустили из внимания, что советский режим намного эффективнее умел подавлять оппозицию, чем это делала бюрократия царской России. Подпольные организации, как правило, быстро раскрывались органами безопасности, а их члены жестоко наказывались⁶. Освободительный перелом наступил лишь 5 декабря 1965 года. События этого дня послужили началом новой эпохи в истории советского диссидентского движения и советской истории в целом.

Демонстрация протеста 5 декабря 1965 года или рождение «другой» России

Новые эпохи предвещают о себе медленно и подспудно, их рождение, однако, вызывается нередко символическими событиями, которые указывают на начало перелома. Во время «Канонады при Вальми», которую Гёте наблюдал в сентябре 1792 года, произошло окончательное рождение новой Франции. Баррикады перед Московским «Белым домом» в августе 1991 символизировали переход к посткоммунистической России. Что касается советского диссидентского движения, то ему помогла демонстрация протеста 5 декабря 1965 на Пушкинской площади в Москве в обретении новой идентичности.

На этом митинге в центре советской столицы небольшое скопление оппозиционеров хотело выступить с акцией протеста против произвола советской юстиции, которая объявила писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля только потому врагами государства, что они публиковали за границей произведения, критикующие режим. Демонстрация протеста проходила в рамках советских законов. Ее организаторы ссылались на пресловутую сталинскую конституцию 1936 года, в 125 статье которой советским гражданам гарантировалась «свобода слова..., печати..., собраний и митингов..., уличных шествий и демонстраций»⁷.

⁶ Смотри также: Песков. Дело «Колокола»; Grigorenko. Erinnerungen. P. 340-353; ВСХОН; О программе ВСХОН смотри также: Хроника текущих событий. № 1. 30 апреля 1968. (Далее Хроника). <http://www.memo.ru/History/DISS/Chr>; Amalrik Andrej. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. Berlin, 1983. P. 48, 70; idem. UdSSR – 1984 und kein Ende. Essays. Frankfurt/Main, 1981. P. 13.

⁷ Цит. по: Die Sowjetunion. Von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod / Ed. Helmut Altrichter. Band 1. Staat und Partei. München, 1986. P. 288.

Эта попытка – побороть произвол власть имущих при помощи ими же утвержденных законов – являлась, несмотря на казавшуюся простоту, чрезвычайным стратегическим достижением. Очевидцы единодушно связывают эту концепцию с именем математика Александра Есенина-Вольпина, который призывал своих единомышленников рассматривать советские законы не как макулатуру, а как основу для действий⁸. При этом он использовал нечистую совесть советского руководства, которое так же, как и тоталитарные правители других стран, склонялось к возведению демократических фасадов, прикрывающих настоящие соотношения сил в государстве. Достаточно лишь указать на то, что советская конституция декабря 1936 года со всеми в ней провозглашенными свободами и правовыми гарантиями была утверждена как раз во время Большого террора, когда сталинская деспотия с особой ясностью показала свой чудовищный характер. Едва ли кто-то из авторов этой конституции – за исключением, может быть, уничтоженного Сталиным Николая Бухарина, – мог предположить, что основные положения этого документа, сформулированные как пустая формальность, могли стать исходной позицией для борьбы за гражданские права.

Один из основателей правозащитного движения – Владимир Буковский – пишет, что никто не мог бы запретить власть имущим вместо конституции выпустить закон со следующим содержанием: «В СССР все запрещено, кроме того, что специально разрешено решением ЦК КПСС». Но это, наверное, вызвало бы лишние трудности, несколько шокировало бы соседние государства. Сложнее стало бы распространять свой социализм за рубеж. ... А потому они понаписали в законах много свобод и прав, которых просто не могли бы допустить, – справедливо считая, что не найдется таких отчаянных, чтобы потребовать от них соблюдения законов»⁹.

Демонстрация 5 декабря показала, что расчеты партии не оправдались. Участники демонстрации восприняли серьезно конституционную теорию, то есть фасад, и тем самым нанесли удар по системе, которая основывалась на пропагандистской лжи. От этого удара она уже, в сущности, не смогла оправиться.

Гениально простую идею Есенина-Вольпина, которая отныне должна была определять образ действий правозащитников, Буковский резюмирует следующим образом: «Мы отвергаем этот режим не потому, что он называется социалистическим..., а потому, что он построен на произволе и беззаконии, пытается навязать силой свою идиотскую идеологию.... Мы хотим жить в

⁸ Буковский. И возвращается ветер. С. 208-215; Amalrik. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. P. 48f.; Левитин-Краснов. Родной простор. С. 77; Алексеева. История. С. 217; см. также: Хроника. № 8. 30 июня 1968, № 9. 31 августа 1969, № 13. 30 апреля 1970; Beyrau. Intelligenz und Dissens. P. 182, 188; Horvath. The Legacy. P. 55-56.

⁹ Буковский. И возвращается ветер. С. 213.

правовом государстве, где закон был бы незыблем, ... где можно было бы не лгать – без риска лишиться свободы»¹⁰.

Эффективность стратегии, развитой Есениным-Вольпиным, была, правда, неразрывно связана с атмосферой перемен, которая почувствовалась в СССР после смерти Сталина, и прежде всего после 20 съезда КПСС. Во времена Сталина призывы к власти имущим о соблюдении ими же установленных законов имели бы смертельные последствия не только для самих апеллянтов, но и для многих их друзей, коллег и родственников. Сталинское самоуправство направляло свои уничтожающие удары не только против действительных, но и против «потенциальных» противников режима, а таковым мог считаться любой советский гражданин. В этой связи глава Коминтерна – Георгий Димитров – сделал 7 ноября 1937 года запись следующих высказываний Сталина: «Мы уничтожим каждого ... [врага], будь он старый большевик, мы уничтожим его род, его семью полностью. Каждого, кто своими поступками и в мыслях [!] будет покушаться на единство социалистического государства, мы будем беспощадно уничтожать»¹¹.

После смерти Сталина режим стал намного более предсказуем. Отныне стало наказуемым только однозначно неконформистское поведение. Критики режима теперь подвергали риску свою свободу и профессиональную карьеру, однако редко жизнь, как это было во времена Сталина. Андрей Сахаров писал по этому поводу в 1988 году в сборнике *Иного не дано*: «... после XX съезда КПСС система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала более "цивилизованной", с лицом если и не совсем человеческим, но, во всяком случае, не тигриным»¹².

После свержения Хрущева в октябре 1964 года многие оппозиционеры, однако, считали мыслимым возвращение режима к так наглядно описанным Сахаровым «хищническим» методам правления. В особенности после ареста Синявского и Даниэля осенью 1965 года. Тогда опасались показательного процесса в сталинской манере против обоих авторов и даже смертного приговора¹³.

Демонстрация 5 декабря была запланирована как послание к власти имущим о том, что оппозиционные силы не примирятся без сопротивления с возвращением к сталинской системе.

Последний политический митинг протеста такого рода состоялся в Москве 7 ноября 1927 года. Тогда речь шла о троцкистской контрдемонстрации по случаю десятилетнего юбилея Октябрьской революции. Эта демонстрация представляла собой, по сути, последний акт организованного гражданского неповиновения, который непрерывно обуславливал развитие России, начиная с восстания

¹⁰ Там же.

¹¹ Dimitroff, Georgi. Tagebücher 1933–1943 / Ed. Bernhard H. Bayerlein. Berlin, 2000. P. 162.

¹² Сахаров Андрей. Неизбежность перестройки / Иного не дано. М., 1988. С. 123.

¹³ Алексеева. История. С. 216

декабристов в 1825 году. Лишь сталинский террор в 1930-е годы положил конец этой традиции. Сталину удалось превратить все сегменты советского общества в колесики тоталитарного механизма. Это было, вероятно, самым важным переломом в истории страны, в которой стремление к свободе не смогли задушить ни цари, ни Ленин.

После смерти тирана в стране, которая начала преодолевать травмы сталинских лет, хотя и наблюдались разные акты сопротивления (восстания в Гулаге, публикации за границей произведений, критикующих режим, основание Самиздата или конспиративных организаций), однако, как сказано выше, оппозиционерам не удалось развить никакой эффективной стратегии в борьбе против тоталитарных притязаний партии. Это удалось лишь правозащитному движению, первые очертания которого стали видны во время демонстрации 5 декабря 1965 года. О характере этого движения один из его протагонистов – Андрей Амальрик – писал следующее: «По сути инакомыслящие совершили поступок гениальной простоты: в несвободной стране они начали себя вести как свободные люди и тем самым положили начало изменению моральной атмосферы и традиции, господствующей в стране»¹⁴.

Демонстрация 5 декабря, которую хронист советского диссидентского движения Людмила Алексеева называет первой демонстрацией по защите прав граждан в истории Советского Союза, отнюдь не выглядела импозантной. Буковский говорит о примерно 200 демонстрантах, Алексеева и другой ведущий член движения – Павел Литвинов – называют меньшее число. Точное число участников демонстрации, так или иначе, нельзя установить, так как в среду демонстрирующих втискивались агенты КГБ¹⁵.

Демонстрация проходила по сценарию, предложенному Есениным-Вольпиным. Он называл ее «митингом гласности». На плакатах, которые несли участники демонстрации, выдвигались требования гласности суда в процессе против Синявского и Даниэля. Другой девиз звучал: «Уважайте советскую конституцию»¹⁶.

Органы госбезопасности очень быстро разогнали демонстрацию, 20 ее участников были временно задержаны. Однако этот столь легкий успех властей в действительности представлял собой лишь пиррову победу, так как образование движения за гражданские права, которое 5 декабря 1965 года прошло боевое крещение, невозможно было уже остановить. Тот факт, что процесс, начавшийся в феврале 1966 года против Синявского и Даниэля, был частично открытым, являлся одним из следствий демонстрации 5 декабря 1965 года. Этому также

¹⁴ Amalrik. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. P. 44.

¹⁵ Буковский. И возвращается ветер. С. 229; Алексеева. История. С. 218; Литвинов. О движении за права человека в СССР. С. 79; см. также Левитин-Краснов. Родной простор. С. 77; Amalrik. UdSSR. P. 19; Beyrau. Intelligenz und Dissens. P. 187-188.

¹⁶ Алексеева. История. С. 218.

способствовало присутствие западных корреспондентов на площади Пушкина, которые вели репортаж о демонстрации¹⁷.

Правда, «публичность» судебного разбирательства интерпретировалась властью имущими очень своеобразно. Доступ к судебному залу был только у публики, отобранной КГБ, однако также у жен обвиняемых. Последние рассказывали западным корреспондентам в подробных интервью о ходе процесса. Таким образом, была установлена, по крайней мере, некоторая гласность судебного процесса, которую требовали участники демонстрации 5 декабря¹⁸.

Правозащитное движение и революционная интеллигенция в царской России – сравнительная зарисовка

Поединок маленькой группки советских правозащитников с автократическим государством напоминает на первый взгляд конфликт революционной русской интеллигенции с царским самодержавием в 19-ом и начале 20-го века (см. главу «Интеллигенция и революция» в этой книге). Однако многие правозащитники сознательно дистанцировались от своих мнимых предшественников и, прежде всего, от их идеологии. Так, они отрицали обожествление революции, типичное для интеллигенции, и не были готовы к применению насилия для достижения своих целей. В этой связи один из основателей движения за гражданские права – Павел Литвинов – говорит: «Движение за права человека поставило в центр своего внимания защиту человека от произвола государства, а не вопросы государственного и социального устройства. Посвятив себя этой практической задаче, возрождающаяся интеллигенция изживает порок старой интеллигенции – слепую веру в возможность внешними средствами создать на земле абсолютно справедливую жизнь, преодолевает духовную болезнь утопизма»¹⁹.

В случае правозащитников речь идет о движении, которое в первую очередь заботилось об этическом, а не политическом возрождении, добавляет публицист и ориенталист Григорий Померанц. Оно действовало по принципу Лютера: «Я здесь стою, я не могу иначе»²⁰.

Переходы между «моралистами» и «политиками» внутри движения диссидентов были все же плавными. Андрей Амальрик пишет: «Разделение конвенционально, так как каждый в определенной мере и моралист и политик

¹⁷ Там же.

¹⁸ О процессе против Синявского и Даниэля см. так же: Синявский на скамье подсудимых. Нью-Йорк, 1966; Смирнов Петр. За пять лет. Мюнхен, 1972. С. 13-45; Дополнения к сборнику материалов по делу Синявского и Даниэля, изданному под названием «Белая книга» в: Хроника. № 4. 31 октября 1968; Алексеева. История. С. 218; Левитин-Краснов. Родной простор. С. 81; Beyrau. Intelligenz und Dissens. P. 186-187.

¹⁹ Литвинов. О движении за права человека в СССР. С. 86.

²⁰ Померанц Григорий. Записки гадкого утенка. М., 2003. С. 287.

Я не утверждаю, что «политики» должны были бы выступать за немедленное образование партии и торжественное утверждение "программ". Однако в обществе стала заметной необходимостью идеологической альтернативы. Не раз участникам движения задавались вопросы: "Как выглядит ваша программа? Как, по вашему мнению, должно быть устроено общество?" ... Было ... ясно, что, если мы не ответим на вопрос, как должно быть устроено наше общество, на него ответят те, кто хочет нас привести из тоталитарного огня в тоталитарное полымя»²¹.

Из-за своего ярко выраженного интереса к политическим вопросам Амальрик относился к меньшинству внутри движения диссидентов. Для большинства был приоритетным вопрос морального сопротивления. Также в другом пункте Амальрик находился в меньшинстве, а именно в вопросе отношения правозащитного движения к широким слоям населения. Преклонение перед простым народом, его обожествление в том виде, в котором они были типичны для революционной интеллигенции при царе, было во многом чуждым для правозащитников. Также и в этом аспекте была существенная разница между обеими оппозиционными формациями. В связи с этим Амальрик пишет: «У интеллектуалов [из среды правозащитников] вместо комплекса вины перед народом [который был характерен для интеллигенции в царской России – Л.Л.] появился комплекс вины народа [перед интеллигенцией – Л.Л.]»²².

Эта смена парадигмы внутри русского образованного слоя населения произошла уже в 1917 году. Революция, идеализируемая несколькими поколениями интеллигенции, привела тогда к восстанию народа против ненавистного европеизированного образованного слоя населения, к разрушению тонкой и хрупкой цивилизационной оболочки петербургской России. Теперь большинство интеллигенции отвернулось от той веры, которую она десятилетиями исповедовала, и увидела в простом народе, который до тех пор вызывал ее восхищение, угрозу русской культуре. Эта травма 1917 года наложила отпечаток на мышление интеллектуального ядра правозащитного движения. Поэтому оно было не в состоянии вырваться из интеллектуального гетто и создать оппозиционное движение, приемлемое для всех слоев населения, как это сделали, например, польские диссиденты после образования комитета по защите рабочих в 1976 году.

Амальрик относился к немногочисленным советским правозащитникам, которые старались преодолеть предубеждения диссидентов-интеллектуалов в отношении широких слоев населения: «Широко распространенная точка зрения, что "свобода слова" едва имеет какое-либо значение для "большинства" народа, так как оно думает лишь о своем благополучии, вообще мне кажется необоснованной», пишет Амальрик: «Верно, что оно тревожится об этом, однако

²¹ Amalrik. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. P. 77

²² Ibid. P. 272.

не только об этом. Потребность говорить и облегчить свою душу глубоко сидит почти в каждом человеке»²³.

Идеализация простого народа интеллигенцией в царской России была не в последнюю очередь следствием петровских реформ и европеизации России. Тем самым европеизированный образованный слой общества потерял непосредственный доступ к низшим слоям населения, которые оставались верными допетровским мировоззренческим установкам. Простой народ был для интеллигенции загадочным и чуждым, она жаждала слияния с ним, чтобы преодолеть свое отчуждение и вновь пустить корни. В противоположность этому, советская интеллигенция, из которой складывалось движение диссидентов, была, как правило, пролетарского, мелкобуржуазного или крестьянского происхождения, и не страдала подобными чувствами отчуждения, как старая интеллигенция. Поэтому у нее не было столь ярко выраженной жажды слияния с народом, как это было у образованных слоев населения царской России.

Несмотря на основополагающие программные и ментальные различия между дореволюционной интеллигенцией и правозащитниками, между обеими группами все же существовали параллели. К качествам, которые были характерны для обеих групп, относились их моральный ригоризм, их самоотверженность, их сознание ответственности перед обществом и их стремление к свободе.

Однако для революционной интеллигенции в царской России, как правило, чуждой была идеализация права и стремление к созданию правового государства. На правовой нигилизм русской интеллигенции жаловался еще Борис Кистяковский – один из авторов вышедшего в 1909 году сборника *Вехи*²⁴.

Если в русской истории искать предшественников правозащитного движения, которые придавали правовым вопросам аналогичное значение, то такими являются, наряду с созданной в 1905 году партией конституционных демократов, декабристы. Также, как и советские правозащитники, большинство декабристов стремилось не к воплощению утопии, не к созданию никогда не существовавшего социального рая на земле, а к завершению русского «особого пути» и к введению конституционной монархии в России, в той форме, в которой она уже существовала в некоторых странах Запада. Правозащитники также не были заинтересованы в утопиях, а в следовании России общим человеческим ценностям и нормам, принятым во всем цивилизованном мире – то есть, в «возвращении России в Европу».

²³ Ibid. P. 243; см. так же Амальрик Андрей. СССР и Запад в одной лодке. Лондон, 1978. С. 206, 219; СССР – рабочее движение? / Под ред. В. Чалидзе. Нью-Йорк, 1978.

²⁴ Кистяковский Б.А. В защиту права / Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 125-155.

Метанойя или призыв к покаянию и отказ от русского мессианизма

В 1970 году в русском эмигрантском журнале *Вестник РСХД* в Париже были опубликованы четыре статьи, которые потрясли в то время еще молодую независимую общественность России. Их действие сравнимо с тем, которое произвело опубликованное в 1836 году «Философическое письмо» Петра Чаадаева на – в то время еще возникающую – независимую общественность Петербургской России. В аргументации авторов *Вестника* и Чаадаева также есть параллели. В обоих случаях речь идет о беспощадной критике мировоззрения русской интеллигенции и русской государственной традиции.

Статьи публиковались либо анонимно, либо под псевдонимами, которые были позже, по крайней мере частично, раскрыты. Цикл был начат анонимным текстом под названием «Метанойя» (покаяние). Автор говорит о духовном прологе русской революции, который исходит из ментальных глубин русской нации. Там началось ее отступление от Бога и ее духовное заблуждение. На этом зародился большевизм: «(Большевизм) – не татарское иго, не варяжское нашествие: революцию делали не одни евреи. Потому коммунистическая власть есть не внешняя сила, но органическое порождение русской жизни, средоточие всей скверны русской души, всего греховного налета русской истории, который нельзя механически отрезать и бросить. От него можно только **внутренне отказаться и в нем раскаяться**».

За этим призывом к раскаянию следовали горькие слова, которые вызвали возмущение у многих русских читателей. Автор пишет: «Россией принесено в мир Зла больше, чем любой другой страной и вернуться к догреховному состоянию (которого в русской истории не было) нельзя. Можно лишь возродиться через **покаяние**. Это единственный путь»²⁵.

Критики этого текста по праву указывали на то, что были и другие страны, которые человечеству принесли не меньше страданий, чем Россия. Преувеличенная формулировка автора *Вестника* была однозначно провокационной. Однако высказывания Петра Чаадаева были не менее провокационными. В своем «Философическом письме» в 1836 году он говорил следующее о тысячелетнем развитии России: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали

²⁵ N. N. Метанойя // Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 4-7, здесь С. 6.

движению вперед человеческого разума, а все, что досталось от этого движения, мы исказили»²⁶.

Конечно, диагноз Чаадаева был очень несправедливым. Русская иконопись, сакральная архитектура и другие проявления русской православной духовности представляли неповторимый вклад России в развитие европейской культуры как таковой. Тем не менее, Чаадаев, несмотря на односторонность своей критики, побудил русский образованный слой к интенсивному размышлению о своей идентичности. Александр Герцен назвал письмо Чаадаева выстрелом, который прогремел в темноте и разбудил весь образованный слой России²⁷. Подобное можно сказать и о цикле *Вестника* 1970 года.

Другой автор *Вестника* О. Алтаев²⁸ занимался идейными установками русской и/или советской интеллигенции и продолжил беспощадную критику русской интеллигенции сборника *Вехи* за 1909 год.

Алтаев говорит о шести искушениях русской и/или советской интеллигенции и начинает с тех, которые уже были разоблачены авторами *Вех* – с обожествления революции, которое было так характерно для русской интеллигенции. Интеллигенция десятилетиями служила революционному кумиру, что привело к полному отчуждению между ней и государством и, в конце концов, к разрушению этого государства. Разрыв с государством представляет для Алтаева центральное свойство интеллигенции. Это свойство отличало также советскую интеллигенцию. Однако оно выражалось в абсолютно другой форме, нежели у интеллигенции во времена царской империи. Так как советское государство является детищем интеллигенции, результатом ее безоговорочной веры в революцию: «Она предпочла бы думать о Советской Власти, как о чем-то внешнем, как о напасти, пришедшей откуда-то со стороны, но до конца последовательно не может, сколько бы ни старалась провести эту точку зрения. Интеллигенция внутренне несвободна, она причастна ко злу, к преступлению, и это больше чем что-либо другое мешает ей поднять голову»²⁹.

Второе искушение интеллигенции, по словам Алтаева, состоит в тенденции приукрашивать большевизм, несмотря на его тоталитарный и террористический характер. Особенно четко это отношение отражается в программе движения «Смена вех». В 1920 году надеялись, что советский режим нормализуется после окончания гражданской войны: «Расчет на так называемое "термидорианское" перерождение»³⁰ большевизма... Подавление кронштадтского матросского

²⁶ Цит. по: Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века. Хрестоматия. Ред. А.А.Ширинянц. М., 2011. С.493.

²⁷ Александр Герцен. Былое и думы / его же. Сочинения. М., 1956–57. Т. 5. С. 138.

²⁸ Под этим псевдонимом скрывался оппозиционный писатель Владимир Кормер (1939–1986).

²⁹ Алтаев О. Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура // Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 8-32, здесь с. 19; см. так же: Меерсон-Аксенов. Рождение новой интеллигенции. С. 102.

³⁰ 9 термидора 1794 года во Франции удалось покончить с якобинской властью, опиравшейся на террор.

мятежа рассматривалось как первый шаг на этом пути. Сюда же вплотную примыкает по времени и НЭП»³¹.

Не совсем ясно, почему автор связывает подавление Кронштадтского восстания с «термидорианской» иллюзией «сменовеховцев». Что же касается Новой Экономической Политики, то она действительно являлась для группы «Смены вех» доказательством того, что якобинская фаза развития большевизма закончена.

Алтаевым, однако, не упоминается следующая важная причина реабилитации большевизма. Некоторые из его «белых» оппонентов были готовы капитулировать перед большевизмом, так как они были благодарны ему за почти полное восстановление территориальной целостности Российской империи. Тем самым «белые идеи» в конце концов победили, по крайней мере, окольными путями – считали представители этих группировок. Большевики начали свою политическую деятельность как воинствующие враги Российской империи, как защитники ее дезинтеграции. В конечном счете, они все же выступили как ее реставраторы и спасители. Хотя большевистское государство по своей форме все еще «красное», интернационалистическое и революционное, по содержанию оно, однако, «белое» – патриотическое и национальное³².

Эти высказывания свидетельствуют о значительной недооценке амбивалентности и биполярности большевизма. Так как он был одновременно и национальным и интернациональным, партикулярным и универсальным явлением. Ни с одним из этих полюсов он не идентифицировал себя полностью. Он склонялся к тому, чтобы всего лишь использовать как национально, так и революционно настроенные течения. Поэтому он должен был почти неизбежно разочаровать своих союзников, которые постоянно упрекали его в предательстве священных национальных и/или революционных целей.

В случае третьего и, по мнению автора, самого постыдного искушения советской интеллигенции речь идет о вере многих ее представителей в то, что сталинская программа коллективизации сельского хозяйства и индустриализации, которая возникла на руинах Новой Экономической Политики, может проложить путь к «светлому будущему». И это несмотря на тот факт, что новая система основывалась на горах трупов, на опустошенных деревнях и на рабском труде политзаключенных. Эту веру интеллигенции, которая «трусливо закрывала глаза» на ужасающую действительность сталинского режима, Алтаев называет «социалистическим искушением»: «Наваждение окончилось на этот раз страшным 37-м годом. Все живое было уничтожено, нация снова стала нацией рабов... Лишь страх, живой страх владел

³¹ Алтаев. Двойное сознание. С. 27 и сл.

³² См. подробнее: Смена Вех. Сборник статей. Прага, 1921; Устрялов Николай. Под знаком революции. Харбин, 1927; Шульгин Василий. Дни. 1920. М., 1989.

[ею].... Страх был непереносим. Казалось, нельзя дольше терпеть, казалось, сама земля не вынесет больше этого»³³.

А потом наступило 22 июня 1941 года. Алтаев подчеркивает, что начало войны было принято советской интеллигенцией «с облегчением и радостью»: «Зло опять было где-то вовне, интеллигент опять видел перед собой эту цель – уничтожить зло, интеллигент опять становился спасителем человечества. С оружием в руках он чувствовал себя впервые после всех унижений сильным, смелым, свободным»³⁴.

Позже во времена горбачевской перестройки московский историк Михаил Гефтер назовет состояние, в котором находилось советское общество в первые годы войны, «спонтанной десталинизацией»³⁵.

Советский писатель Константин Симонов в брежневские времена называл войну единственным «светлым пятном» в советской истории последних десятилетий³⁶.

Насколько же ужасной должна была быть советская действительность до 22 июня 1941 года, если эта война, которая стоила Советскому Союзу 27 миллионов жизней, воспринималась как «светлое пятно», как своего рода внутреннее освобождение!

После окончания войны столь гордившаяся своей победой нация считала немислимым возвращение к кошмарной действительности довоенного времени. Смелые картины будущего рисовал в то время даже такой верный прислужник Сталина как популярный писатель Алексей Толстой. 22 июля 1943 года он писал в своем дневнике: «Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен... Китайская стена довоенной России рухнет»³⁷.

Все эти надежды Алтаев называет четвертым искушением советской интеллигенции – «военное искушение».

Как известно, действительность выглядела абсолютно иначе. Ответом на радужные ожидания интеллигенции, по словам Алтаева, «был торжествующий сталинский византизм, процессы борьбы с космополитизмом и новые волны арестов. Рабовладельческое государство должно было восстанавливать и развивать свое хозяйство. Хотя теория и опровергала экономичность рабского труда, даровой труд все равно казался выгоден»³⁸.

Следующее искушение интеллигенции было связано для Алтаева с «оттепелью», которая наступила после смерти Сталина: «Интеллигенция ликовала, ...верила что за оттепелью недалеко уже весна и лето.». Однако

³³ Алтаев. Двойное сознание. С. 28.

³⁴ Там же. с. 29.

³⁵ Гефтер Михаил. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 418.

³⁶ Какая же она, правда о войне? // Правда 20 июня 1991. С. 3.

³⁷ Цит. по: Окланский Юрий. Роман с тираном. М., 1994. С. 69.

³⁸ Алтаев. Двойное сознание. С. 29.

венгерские события 1956 года и кампания Хрущева против деятелей культуры означали конец «оттепели»³⁹.

Таким образом, по мнению Алтаева, вера в реформаторскую способность режима оказалась иллюзией. Тем не менее, за этой иллюзией сразу же последовала следующая, которую Алтаев называет «технократическим» искушением. Пораженные им интеллектуалы придерживались точки зрения, что советская система рано или поздно должна будет прийти к согласию с вынужденными необходимостями современности. Так как дальнейшее развитие производительных сил невозможно без технологического и научного прогресса, правящая элита будет вынуждена либерализовать систему, чтобы обеспечить нерегламентированным творческим способностям свободные возможности развития. Только таким образом СССР может примкнуть к современности.

Этот ход мыслей, который в то время был также распространен и на Западе, и который лежал в основе так называемой теории конвергенции, обличается Алтаевым как технократическая иллюзия. Преимущественно рационально действующий, деидеологизированный коммунистический режим немислим: «От внедрения вычислительных машин этот аппарат не станет более человечным. Наоборот, еще четче, еще хладнокровней он сможет поработать своих подданных, еще совершеннее будет угнетать другие народы. ... Зло никогда не упадет само. Оно будет принимать самые изощренные, тонкие формы Но никогда не утратит тождества с самим собою Чешские события [1968 года] показали это, кажется, довольно ясно»⁴⁰.

Сторонники теории конвергенции в действительности упускали из внимания то обстоятельство, что в случае коммунистических режимов речь шла об идеократиях, центром которых являлась тщательно разработанная идеологическая система, которая непрерывно должна была приспосабливаться к новым требованиям времени. Когда Горбачев попытался отказаться от этого примата идеологии и «нормализовать» советский режим в духе теории конвергенции, режим рухнул.

Автор третьей статьи в цикле *Вестника*, В. Горский, рассматривает другое искушение, распространенное в России, которое не ограничивалось только интеллигенцией, а именно веру в избранность русской нации, русский мессианизм: «Сознание русского человека, будь то сознание ортодоксального коммуниста или оппозиционера, до сих пор очаровано гордой проповедью старца Филофея [автор теории «Москва – третий Рим», которую он развил в начале 16 века – Л.Л.] об особом призвании России»⁴¹.

Эту веру, которая была сформулирована в начале нового времени, унаследовали также славянофилы, которые рассматривали простой русский

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 32.

⁴¹ Горский В. Русский мессианизм и новое национальное сознание // Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 33-68, здесь С. 34.

народ как воплощение христианских добродетелей – продолжает Горский. Они были убеждены в том, что этот народ никогда не признает безбожную, нехристианскую государственную власть. Горский цитирует одного из ведущих славянофилов – Константина Аксакова – о характере русского народа: «Русская история ... имеет значение Всемирной Исповеди. Она может читаться как Жития Святых... В таком народе не прославляется человек с его делами, прославляется один Бог»⁴².

Горский цитирует также Достоевского, который говорил, что только русский народ, олицетворяющий христианскую правду в особо совершенной форме, в состоянии понять эту правду и тем самым спасти человечество.

Все эти представления, по словам Горского, были целиком опровергнуты событиями 1917 года. Горский, как и другие авторы цикла *Вестника*, категорически отрицает рассмотрение катастрофы 1917 года, то есть отречение народа от идеалов Святой Руси, как результат действий иноземных властей или нерусских народов, прежде всего евреев. Эта интерпретация событий того времени была широко распространена в лагере русских правых, начиная с 1917 года. Горский, напротив, подчеркивает, что нерусские провинции Российской империи гораздо упорнее сопротивлялись большевизму, нежели русское ядро империи: «большевизм почти без труда утвердился в Петербурге и Москве, но встретил отчаянное сопротивление окраин. Великороссия почти не знала гражданской войны, которая происходила за ее границами»⁴³.

Этот тезис не корректен с исторической точки зрения. Многочисленные антибольшевистские восстания возникали как в Центральной России (Астраханский и Поволжский регионы, Ижевск, Тамбов, Кронштадт и т.д.), так и в Сибири, где преимущественно жили русские⁴⁴. Но несмотря на это Горский все-таки прав, когда отмечает, что большевизм, несмотря на свой заговорщицкий и антинародный характер, вступил в загадочный симбиоз с простым народом, который «свободно» отрекся «от всех тех ценностей и идеалов, которым он исстари поклонялся»⁴⁵.

Этот неестественный альянс оценивается не иначе многими участниками событий 1917 года. В этой связи философ Федор Степун пишет, что Ленин был «человеком, не боявшимся никаких последствий революции и ничего не

⁴² Там же. С. 42.

⁴³ Там же. С. 51.

⁴⁴ См. также: Павлюченков Сергей. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997; его же. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996; Pipes Richard. Die Russische Revolution. Vol. 2. Berlin, 1992; Volkogonov Dmitrij. Lenin. Berlin, 1994; Werth Nicolas. Ein Staat gegen sein Volk / Das Schwarzbuch des Kommunismus / Ed. Stéphane Courtois et al. München, 1998; Katzer Nikolaus. Die weiße Bewegung in Rußland. Herrschaftsbildung, praktische Politik und politische Programmatik im Bürgerkrieg. Köln, 1999; Mawdsley Evan. The Russian Civil War. London, 1987.

⁴⁵ Горский. Русский мессианизм. С. 51; см. также Меерсон-Аксенов. Рождение новой интеллигенции. С. 102.

требовавшим от нее, кроме дальнейшего углубления. Этою открытостью души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца сливался с самыми темными и разрушительными инстинктами народных масс»⁴⁶.

Горский считает «социалистический выбор», который был сделан большинством нации в 1917 году, осознанным отказом от бремени свободы: «Осуществление социалистической религии всеобщего благосостояния и сытости возможно лишь только посредством порабощения людей, через деспотизм и истребление свободы».

С этим отказом от свободы, по мнению Горского, был также связан советский экспансионизм, который поддерживался не только властью имущими, но и значительными частями населения: «Неудивительно поэтому, что народ с психологией раба желает рабства другому народу»⁴⁷.

Имперская идеология, как в царской империи, так и в СССР, представляет согласно Горскому возможность для политически лишенного дееспособности общества компенсировать свои комплексы неполноценности.

Однако в данном случае автор упускает из виду тот факт, что этот феномен был характерным не только для России, но и для других авторитарных государств и/или тоталитарных режимов, так, например, для Вильгельмовской империи или для национал-социалистического режима.

Чтобы преодолеть последствия катастрофы, начавшейся в 1917 году, Россия должна освободиться от мессианского искушения – таков вывод автора. Не имперское величие, а борьба за свободу и духовные ценности должны в первую очередь вдохновлять страну: «Подлинная задача России состоит не в том, чтобы "спасать" другие народы или удивлять мир своими бывшими культурными достижениями, но в том, чтобы глубоко и окончательно **изжить совершенное преступление** – вот что должно стать центральным пунктом нового сознания»⁴⁸.

Заключительная статья цикла продолжает его вводные размышления. В своем эссе «Как быть?» М. Челнов так же, как и анонимный автор статьи «Метанойя», призывает своих соотечественников к покаянию: «Всякое рабство есть следствие греха, которое снимается покаянием. То же можно сказать и о рабстве общественном. Нельзя ждать спасения извне, раз и порабощение пришло не извне, а изнутри. Большевики – не татары и не варяги, не пришельцы, но органическое порождение всей русской жизни, всех исторических грехов России. Коммунизм не есть внешнее зло, в котором повинны только партия и ее вожди, его ложь и преступления принадлежат всем нам, всему русскому народу. Если нация есть не случайная историческая комбинация индивидуумов, но некое духовное целое, заставляющее русских гордиться своими великими людьми и их заслуги воспринимать как национальную славу, то почему же иным должно быть отношение к своим преступникам? Если общая слава, то и бесславье должно

⁴⁶ Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 2. С. 104.

⁴⁷ Горский. Русский мессианизм. С.51, 61.

⁴⁸ Там же. С. 63.

быть общим. Если мы наследники Святой Руси, то мы и наследники России чекистских застенков и концентрационных лагерей. Потому и коммунизм есть общий грех, искоренимый только всеобщим покаянием» – таков вывод Челнова⁴⁹.

Подобные тезисы можно было, кстати, также услышать в начале горбачевской перестройки. Особенно решительно в то время их придерживался московский историк Юрий Афанасьев. Также иные постулаты авторов *Вестника* переживали во времена перестройки свое второе рождение. Подобное можно сказать и об аргументах их критиков.

Сборник «Из-под глыб» как реакция на цикл Вестника 1970 года

Призыв к раскаянию и к отказу от русской мессианской идеи вызвал в советском диссидентстве весьма разные реакции. Начавшийся тогда спор напоминает, как уже сказано, тот, который вызвал Петр Чаадаев своим «Философическим письмом» в 1836 году, и который в свое время тоже сопровождал поиск идентичности независимой русской общественности.

Сборник *Из-под глыб*, выпущенный в 1974 году в том числе и Александром Солженицыным, представлял не в последнюю очередь ответ на цикл *Вестника*. Особенно сам Солженицын и математик Игорь Шафаревич здесь вплотную занялись тезисами авторов *Вестника*.

Солженицын с негодованием отвергает следующий тезис В. Горского: «Русский народ, начиная свой бунт против Бога, *знал*, что осуществление социалистической религии возможно лишь через деспотизм»⁵⁰.

Откуда народ мог это знать? – спрашивает Солженицын. Разве у него было ярко выраженное политическое сознание?

Иными словами, Солженицын снимает, по крайней мере в этой своей статье, с русских солдат, рабочих и крестьян любую ответственность, и как бы отрицает их роль как политических субъектов.

Однако для многих русских мыслителей, которые анализировали события 1917 года, дела обстояли совершенно иначе. Когда русские солдаты массово покидали фронт и линчевали офицеров, которые пытались предотвратить их побег, они знали, что они тем самым обезоруживают только что возникшую русскую демократию. Когда рабочие насильно лишали собственности владельцев фабрик, а крестьяне землевладельцев, не дожидаясь законного урегулирования имущественных отношений на новой основе, они знали, что злоупотребляли предоставленными ими свободами. Их страх перед наказанием

⁴⁹ Челнов М. Как быть? // Вестник РСХД. 1970. № 97. С. 69-80, здесь С. 76.

⁵⁰ Солженицын Александр. Раскаяние и самоограничение / Из-под глыб. Париж, 1974. С. 115-150, здесь С. 131; см. также: его же. Собрание сочинений. Париж, 1981. Т. 10. С. 100, 159; Здесь заслуживает внимания факт, что в случае В. Горского (он же Евгений Барабанов) речь шла об одном из соавторов сборника *Из-под глыб*.

уменьшался, однако, за счет большевистской пропаганды, которая их призывала «грабить награбленное» и идеализировала эти действия как выражение классового инстинкта. Не удивительно, что эти ленинские лозунги встретили широкую поддержку.

Естественно, что в 1917 году русские народные массы еще не могли предположить, что их союз по расчету с большевиками приведет к созданию тирании, какой Россия не знала на протяжении своей тысячелетней истории. Однако они были решительно настроены любой ценой защищать перераспределение собственности, которое произошло без узаконения демократично избранного Учредительного собрания, однако было постфактум подтверждено большевистской диктатурой «декретом о земле» от 8 ноября 1917 года. Это дополнительно укрепляло союз по расчету с большевиками.

Возмущение Солженицына вызвали также слова Горского о том, что народ отвернулся от своих исконных религиозных идеалов и принимал участие в разрушении церквей и икон. Солженицын указывал на то, что крестьяне защищали церкви в сотнях бунтов от большевистского вандализма. Такие бунты действительно исторически зафиксированы. С другой стороны, нельзя отрицать, что русские рабочие и крестьяне гораздо упорнее защищали революционные идеалы, нежели религиозные – и это несмотря на их непринятие большевистской тирании, которое они показывали в бесчисленных восстаниях. Однако отход народных масс от большевиков ни в коем случае не означал, что они отвернулись от идеалов революции, от революционного мифа, который был направлен на земную, а не на загробную жизнь. Ненависть к старому режиму и всем его проявлениям представляла господствующую эмоцию у русских народных масс, а это было, несмотря на антибольшевистские чувства, общим знаменателем между ними и новым режимом⁵¹.

В отличие от авторов *Вестника*, Солженицын подчеркивает не русский, а интернациональный характер большевистской революции и ищет ответственных в первую очередь среди нерусских народов, которые испытывали симпатию к революционному мифу: «Но и вспомним же интернациональные силы революции! Все первые годы революции разве не было черт как бы иностранного нашествия? Когда в продовольственном или карательном отряде, приходившем уничтожать волость, случалось – почти никто не говорил по-

⁵¹ Семен Франк писал в 1924 году в этой связи: «И когда в душах интеллигенции, начиная с 1905 года, этот пыл начал уже потухать, и в особенности когда интеллигенция в октябре 1917 года в ужасе и смятении отшатнулась от зажженного ею же пожара, огонь этой веры перешел в души простых русских мужиков, солдат и рабочих. Ибо сколько бы порочных и своекорыстных вождельний ни соучаствовало в русской революции – как и во всякой революции, – ее сила, ее упорство, ее демоническое могущество и непобедимость объяснимы только из той пламенной веры, во имя которой тысячи русских людей, "красноармейцев" и рабочих шли на смерть, защищая свою святыню – "революцию"» (Семен Франк. Крушение кумиров. Париж, 1924. С. 19).

русски, зато бывали и финны, и австрийцы? Когда аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами?»⁵².

Уже в 1974 году Солженицын пытался поставить под сомнение русский характер русской революции. Эта апологетическая тенденция достигла своей кульминации в его книге *Двести лет вместе*, которая была опубликована в 2001/2002 годах и в которой он анализирует русско-еврейские отношения⁵³.

О распространенной в России тенденции дерусифицировать русскую революцию Николай Устрялов, один из представителей спорного и уже упомянутого движения «Смена вех», еще в 1921 году писал следующее: «Нет, ни нам, ни "народу" неуместно снимать с себя прямую ответственность за нынешний кризис... Он наш, он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом... И если даже окажется математически доказанным, как это ныне не совсем удачно доказывается подчас, что девяносто процентов русских революционеров – инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергает чисто русского характера движения»⁵⁴.

Тот факт, что авторы *Вестника* видели в русском мессианстве одну из причин катастрофы 1917 года, обличал их в глазах Солженицына как чужаков, которые не имели ничего общего с Россией и которые пытались разрушить русское национальное сознание. Даже блестящий стиль авторов, который не содержит ни архаизмов, ни неологизмов, типичных для прозы Солженицына, он называет нерусским [!]. По словам Солженицына, речь идет о на скорую руку переведенном понятийном аппарате, который опирается на западный образ мышления⁵⁵.

Как и того следовало ожидать, Солженицын полемизирует также против высказывания автора «Метанойи»: «Россией принесено в мир Зла больше, чем любой другой страной».

Это высказывание, сформулированное в пылу полемики, было, конечно, крайне несправедливым. По праву Солженицын указывает на такие феномены, как Французская революция и Третий рейх, разрушительный потенциал которых вполне может помериться с таковым русской катастрофы⁵⁶.

Однако в общей сложности аргументация авторов *Вестника*, несмотря на некоторые преувеличенные формулировки, как бы продолжает традицию сборника *Вехи*. Это доказывает, что русская интеллигенция была в состоянии самокритично относиться к своим иллюзиям и соблазнам.

То, что автор «Архипелага Гулага», «Ракового корпуса» и «В круге первом» расценивает такую самокритику как своего рода святотатство, является скорее неожиданностью.

⁵² Солженицын. Раскаяние и самоограничение. С. 135.

⁵³ Солженицын Александр. Двести лет вместе (1795–1995). В двух томах. М., 2001–2002.

⁵⁴ Устрялов Николай. Патриотика / Смена вех. С. 46.

⁵⁵ Солженицын. Раскаяние и самоограничение. С. 131.

⁵⁶ Там же.

Игорь Шафаревич также остро критикует авторов *Вестника*, а именно в первую очередь их отказ от русской мессианской идеи: Разве можно хотеть запретить русскому народу думать, что его существование имеет какой-нибудь высокий смысл?, спрашивает Шафаревич По мнению Шафаревича, ход мыслей авторов *Вестника* продолжает попытки коммунистических правителей лишить русский народ памяти о собственной истории.

Что касается призыва авторов *Вестника* к раскаянию, то Шафаревич считает, что это обращение нужно также направить к нерусским народам Российской Империи, так как вину за те исторические процессы, которые начались в 1917 году, «в какой-то мере ...разделяют все»⁵⁷.

Безусловно, это возражение Шафаревича справедливо. Если принять во внимание, что национальные меньшинства в 1917 году составляли более половины населения Российской империи, то, конечно, необходимо также недвусмысленно говорить об их вкладе в катастрофу того времени.

Шафаревич резко реагирует на тезис, выдвинутый в цикле *Вестника* о том, что Россия является своего рода колониальной империей. Этому утверждения придерживались также многочисленные диссиденты из нерусских советских республик. В. Горский предсказывает в своей статье неизбежный развал советской империи, так как она удерживалась в первую очередь репрессивным аппаратом коммунистического режима: «Не только страны-сателлиты, но и Прибалтика, Украина, Кавказ, народы Средней Азии обязательно потребуют своего права на отделение и выход из пресловутого "нерушимого союза"»...

Сегодня трудно очертить границы будущей России, как и трудно представить себе ее взаимоотношение с отделившимися от нее народами. Возможно, что в основе окажется федерация или какая-либо другая форма мирного и дружественного сосуществования. Но возможно также, что многовековое притеснение этих стран, а также рост национального самосознания приведут и к более сложным отношениям. Одно несомненно: распад советской империи не является ни унижительным, ни противоестественным для России. Лишенная своих колоний, Россия не обеднеет экономически, как и не потеряет своего политического значения. Освобожденная от оккупационных и насильственных стремлений, она окажется перед истинными своими проблемами: построением свободного демократического общества, религиозным возрождением и созиданием национальной культуры»⁵⁸.

Для Шафаревича, напротив, перспектива развала Российской империи – это своего рода апокалипсис. Он указывает на то, что коммунистическая власть подавляла все нации одинаковым образом – в том числе и русских. Они все лишились своей национальной и религиозной самобытности. Поэтому общей целью всех советских народов должно быть уничтожение этого

⁵⁷ Шафаревич Игорь. Обособление или сближение / Из-под глыб. С. 97-113, здесь С. 107.

⁵⁸ Горский. Русский мессианизм. С. 67 (См. на эту тему также статью Георгия Федотова «Судьба империй»/ его же. Новый град. Нью-Йорк, 1952. С.171-199).

«антинационального режима», а не разрушение столетиями развивающейся связи между народами Российской империи. Вывод Шафаревича таков: классовые конфликты в России относятся к прошлому, они уже потеряли свой разрушительный потенциал. Совсем иначе дело обстоит, однако, с национальными конфликтами. Они подспудно непрерывно растут. Если они выйдут на поверхность, то едва ли можно будет их укротить⁵⁹.

Как аргументация Горского, так и Шафаревича представляли предвосхищение дискурсов перестройки по национальным вопросам, своего рода пролог распада Советского Союза.

Неозападники против неославянофилов – старый и новый диспут

Первоначально в правозащитном движении принимали участие представители различных идеологических направлений, так как диссиденты сознательно не разрабатывали никаких программных альтернатив существующей системе и оставались в преддверии политики. Однако постепенно, начиная с 70-х годов, идеологические конфликты внутри движения обострились. Таким образом, советское диссидентство не создало противовеса «монолитной» коммунистической партии, а становилось все более разобленным. Несмотря на чрезвычайное многообразие голосов, которые были слышны, в ходе анализа политических и идеологических дискуссий в лагере советских диссидентов 60-х и 70-х годов можно отчетливо выделить два основных направления. Они были продолжением старых русских споров между «западниками» и «славянофилами», начавшихся еще в 30-е годы 19-го столетия. Когда «неозападники» говорили о недостатках советского режима, они, как правило, видели в них новый вариант старых ошибок царской России. Когда они, например, критиковали подавление духовной свободы в Советском Союзе и всемогущество цензуры, они указывали на то, что эти явления в России испокон веков были правилом лишь с редкими исключениями. Политическая эмиграция также не была ничем новым для России. Одним из первых русских эмигрантов был князь Андрей Курбский, который бросил вызов деспотическому режиму Ивана Грозного. В конце концов, и объявление критиков, негодных режиму, психически больными не являлось чем-то новым в России. Так, например, критик русского «особого пути» Петр Чаадаев был объявлен душевнобольным после публикации своего «Философического письма» в 1836 году.

По мнению историка Александра Янова, Сталин осознанно взял себе за образец режим Ивана Грозного. Государственный террор Ивана IV, по словам Янова, предвосхищает сталинский террор⁶⁰. Андрей Амальрик также не видит

⁵⁹ Шафаревич. Обособление или сближение. С. 113.

⁶⁰ Yanov Alexander. The origins of autocracy. Ivan the Terrible in Russian history. Berkeley, 1981.

никакой качественной разницы между советским режимом и русским дореволюционным строем. Подавление инакомыслящих, шовинистская и империалистическая внешняя политика были правилом в новейшей русской истории⁶¹.

Некоторые западные историки также пытаются объяснить советский тоталитаризм не в последнюю очередь своеобразием русской истории. Так, например, Моше Левин и Роберт К. Такер указывают на удивительные параллели между сталинской диктатурой и режимами Ивана Грозного и/или Петра I⁶². Однако это объяснение истоков сталинизма не учитывает уже упомянутый факт, что почти в то же самое время в Германии – несмотря на принципиально различные условия – также проходила тоталитарная революция и был установлен культ вождя. Этот параллелизм в развитии России и Германии показывает, что ни сталинизм, ни национал-социализм не могут быть объяснены только историческим своеобразием России и Германии. В той же мере необходимо учитывать и общеевропейский контекст при объяснении обоих явлений. Помимо этого, такие прямолинейные теоретические построения, как «от царей к Сталину» или «от Бисмарка к Гитлеру» не принимают в расчет тот факт, что современное тоталитарное государство представляет качественный разрыв с соответствующим прошлым, и что оно, как правило, только использует и извращает традиции, которые им официально признаются.

Подражание Западу и принятие западных моделей развития были для России всегда полезны, по мнению представителей «неозападнического» течения в диссидентском движении. Если в России когда-нибудь возникнет свободный общественный строй, то это произойдет только тогда, когда Россия пойдет путем западного парламентаризма, утверждают они⁶³.

Противоположную позицию в этой дискуссии занимало направление, которое в своей аргументации в известной степени являлось продолжением славянофильского направления, возникшего в 30-е годы 19 века. Порой его называют также неославянофильством. Александр Солженицын – самый известный представитель этого течения. Кроме него можно назвать, например, такие имена, как уже упомянутый Игорь Шафаревич, Вадим Борисов или Владимир Осипов. Для этих авторов Россия не была отсталой европейской

⁶¹ Amalrik. UdSSR. P. 35-37, 43-44.

⁶² Tucker Robert C. Stalinism as Revolution from Above / Stalinism. Essays in Historical Interpretation / Ed. Robert C. Tucker. N.Y., 1977. P. 96-100; Lewin Mosche. The Social background of Stalinism / ibid. P. 124-130.

⁶³ См. подробнее сборник Литвинова и др. Самосознание; Белоцерковский В. Демократические альтернативы. Ахберг, 1976; Сахаров Андрей. О стране и мире. Нью-Йорк, 1975. С. 34, 64; его же. Движение за права человека в СССР и Восточной Европе – цели, значение, трудности // Хроника. № 51. 1 декабря 1968; Андрей Сахаров в борьбе за мир. Франкфурт на Майне, 1973. С. 122, 156; Выступления Сахарова // Хроника. № 44. 16 июля 1977; Амальрик Андрей. Несколько мыслей о России, спровоцированных статьей Ладова // Синтаксис. 1979. № 3. С. 67-73.

страной, история которой, по сути, состояла из несвободы и государственного деспотизма. Особенность российского развития, которое отличалось от западного, не была для них отклонением от какой-то здоровой нормы. Наоборот, эта особенность составляла особую ценность русской истории. Советская система не являлась продолжением старой русской традиции, а представляла, напротив, разрыв с ней, качественно новое явление. Большевизм был для неославянофилов по своей сути явлением, импортированным с Запада, формой материалистически-атеистического духовного направления, родина которого находится не в России, а на Западе. Большевизм не продолжал русскую традицию, как утверждали неозападники, а скорее пытался разрушить ее.

Радикально отрицая русский характер большевизма, неославянофилы впадали в другую крайность, нежели их неозападнические оппоненты. Тот факт, что утопия Маркса об абсолютном равенстве и ликвидации частной собственности смогла прийти к власти как раз в России, не являлся, конечно, случайностью. Некоторые элементы политической культуры России, например, старые русские идеалы справедливости, внесли вклад в триумф идеологических постулатов, сформулированных в «Коммунистическом манифесте».

Неославянофилы считали восстановление русского своеобразия важнейшей задачей эпохи. Только оно может привести к выздоровлению России, к приобретению ее внутреннего равновесия. Россия должна искать стимулы и модели для своего развития в своем прошлом, а не на Западе⁶⁴. Лихорадочное, разрываемое конфликтами западное общество не было идеалом для неославянофилов. Так же, как и славянофилы 19-го века, они жаждали социальной, политической и духовной гармонии, которая, по их мнению, уже была осуществлена в некоторые периоды российского прошлого.

⁶⁴ См. подробнее: ВСХОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях; Судьба ВСХОНовцев // Хроника. № 19. 30 апреля 1971; Солженицын Александр. На возврате дыхания и сознания / Из-под глыб. С. 7-28. Борисов Вадим. Национальное возрождение и нация личность / там же. С. 199-215; Шафаревич Игорь. Есть ли у России будущее / там же. С. 261-276; Осипов Владимир. К вопросу о цели и методах легальной оппозиции / Из журнала Вече. № 7, 8, 9, 10. Франкфурт на Майне, 1975. С. 3-13; его же. Открытое письмо Геннадия Шиманова / там же. С. 13-19; Борьба с так называемым русофильством, или путь государственного самоубийства / там же. С. 19-51; Суд над Осиповым // Хроника. № 37. 30 сентября 1975; Скуратов А. Снова «неистовые ревнители»? // Вече. № 5. Франкфурт на Майне, 1973. С. 164-169; Рассуждения о национальном характере уже есть национализм // Источник. 1996. № 4. С. 73-77; Солженицын Александр. Письмо вождям Советского Союза / его же. Собрание сочинений. Париж, 1981. Т. 9. С. 134-167; его же. Сахаров и критика письма вождям / там же. С. 193-200; его же. Слова на приеме в Гугеровском институте / там же. С. 269-275; Речь в Гарварде / там же. С. 280-297; его же. Персидский трюк / его же. Собрание сочинений. Т. 10. С. 379. К вопросу о нео-славянофильской и русофильской идеологии см.: Янов Александр. Идеальное государство Геннадия Шиманова // Синтаксис. 1978. № 1. С. 31-53; Алексеева. История. С. 354-369; Амальрик Андрей. Идеологии в советском обществе / его же. СССР и Запад в одной лодке. С. 78-94. Horvath. The Legacy. P. 150-184; Treadgold Donald W. Solzhenitsyn's Intellectual Antecedents // Solzhenitsyn in Exile. Critical Essays and documentary materials / Ed. John. B. Dunlop et al. Stanford (California), 1985. P. 243-266.

Во второй половине 70-х годов разногласия между обоими течениями обострились; не в последнюю очередь по той причине, что преобладающее большинство их сторонников находилось на Западе, после того как режим вынудил их к эмиграции. До тех пор, пока они еще жили в Советском Союзе, давление государственного аппарата, которое одинаковым образом направлялось против обоих течений, вызывало определенный эффект солидарности. Когда это давление отпало, пропасть между идеологическими контрагентами начала все больше увеличиваться.

Несмотря на эту глубокую мировоззренческую пропасть, представители обоих течений были согласны в одном пункте. Они все резко критиковали западную политику разрядки. По их мнению, демократические государства недооценивали советскую опасность. Запад страдает слабоволием, стремится исключительно к обеспечению своего собственного благосостояния и недостаточно поддерживает своих единственных союзников в восточном блоке – оппозиционные силы. Если эта позиция не изменится, то коммунизм и дальше будет неудержимо расширяться: «Третья Мировая война – уже была – и закончилась поражением Запада», писал Александр Солженицын в 1975 году: «Еще два-три таких славных десятилетия мирного сосуществования – и понятия "Запад" не останется на Земле»⁶⁵.

Придерживаясь такой позиции, советские диссиденты недооценивали внутреннюю хрупкость советской системы, если не учитывать таких исключений как, к примеру, Андрей Амальрик или Евгений Барабанов (В. Горский). Но надо сказать, что и подавляющее большинство западных советологов считало тогда советскую систему чрезвычайно стабильной и, в сущности, несокрушимой.

В конце 70-х – начале 80-х годов советскому руководству в значительной мере удалось разрушить организационную инфраструктуру правозащитного движения, которая и без того была очень хрупкой. Это произошло несмотря на тот факт, что Советский Союз в августе 1975 года подписал «Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (СБСЕ), который гарантировал «уважение прав человека, включая свободу мысли, совести и убеждений». Советское руководство согласилось со столь для него не безопасной формулировкой не в последнюю очередь потому, что СБСЕ подтвердило европейский послевоенный порядок, то есть в принципе советскую гегемонию в Восточной Европе. Советским диссидентам, основавшим в 1976 году

⁶⁵ Солженицын. Собрание сочинений. Т. 9. С. 204-205. См. там же: С. 125-133, 206-230, 256-268, 345-365; Т. 10. С. 50, 56, 386; Сахаров. О стране и мире. С. 35, 55, 60, 65; Андрей Сахаров в борьбе за мир. с. 148, 156; Амальрик. СССР и Запад в одной лодке. С. 95-119; Буковский. И возвращается ветер. С. 382.

Хельсинскую группу во главе с Юрием Орловым, ссылка на Хельсинский акт мало помогла. Они по-прежнему подвергались преследованиям⁶⁶. Ссылка Андрея Сахарова в январе 1980 года, который был символической и интегрирующей фигурой всего диссидентского движения, казалась своего рода последней главой в истории правозащитного движения. Непосредственно после этого события заместитель главы КГБ генерал Цвигун заявил, что в Советском Союзе нет больше диссидентского движения – эта проблема решена.

Аподиктическое утверждение Цвигуна было, как сегодня известно, поспешным. Хотя диссидентское движение, как уже сказано, и не смогло значительно повлиять на широкие слои населения и даже на образованные слои, но, несмотря на это, ему удалось принципиально изменить политическую культуру в стране⁶⁷.

Как своего рода позднюю победу диссидентского движения можно оценить тот факт, что горбачевское «новое мышление», сознательно или бессознательно, опиралось в некоторых пунктах на идейные установки правозащитников. Тем самым генеральный секретарь ЦК КПСС начал один из самых больших переворотов в истории 20 века, который, в конечном счете, привел к преодолению ялтинского раскола Европы, так как «мораль классовой борьбы», которая была ядром коммунистической идеологии, была несовместимой с «приоритетом общечеловеческих ценностей»⁶⁸, которые провозгласил Горбачев, и из которых исходили правозащитники. Существующая до этого времени коммунистическая иерархия ценностей была подорвана, а вместе с ней и тот политический фундамент, на котором была построена советская система.

Авторизованный перевод с немецкого: Наталии Афанасьевой

Немецкая версия этой статьи была опубликована в журнале "Osteuropa" – 11/2010, русская версия в журнале «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» – 1/2013 (печатается с некоторыми изменениями)

⁶⁶ Алексеева. История. С. 304-314; Horvath. The Legacy. P. 63-64., 67-69.

⁶⁷ «[Хотя правозащитное движение] не привело к созданию демократии, однако моральная атмосфера в советском обществе изменилась», – писал Андрей Амальрик в своих воспоминаниях (Amalrik. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. P. 52); см. также: Померанц. Записки, С. 328; Horvath. The Legacy. P. 95.

⁶⁸ Горбачев М. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. 1987, С. 149.

II. 2. Неудача «шестидесятников» – к вопросу о переосмыслении прошлого в годы Перестройки¹

Для многих западных наблюдателей «национально-патриотическая» эйфория, которая началась в России после аннексии Крыма, и которая продолжается, в сущности, до сих пор, представляется загадкой.² Эта эйфория с особенной наглядностью подчеркивает асимметричность развития России и Запада после 1945 года.

На Западе разрушительный опыт двух мировых войн и национал-социалистической катастрофы привели к фундаментальному изменению политической культуры. Здесь было осознано, что обожествление национального эгоизма, типичное для более ранних эпох, ведет в пропасть. Осознание этого явилось основой процессов европейской интеграции.

Казалось бы, что весь опыт, выпавший на долю «короткого» XX века крайностей», почти не коснулся России. Данное обстоятельство многие авторы объясняют тем, что в России практически не произошло переосмысление ее собственного тоталитарного прошлого. Как иначе можно объяснить тот факт, что Иосифа Сталина, одного из самых кровавых тиранов в новейшей истории, более половины опрошенных россиян восхваляют как выдающегося государственного деятеля? Если учесть, что преступления Сталина были направлены, в первую очередь, против собственного народа, которому он объявил войну в мирное время,³ прославление кремлевского деспота потомками его бесчисленных жертв выглядит особенно абсурдно.

Невзирая на все это, тезис о якобы не состоявшемся в России переосмыслении прошлого, не очень точен. Если бы он полностью соответствовал действительности, были бы невозможны ни эрозия советской системы, ни распад «внешней советской империи», т.е. Восточного блока. Ибо то, из-за чего, в конечном итоге, рухнули коммунистические режимы, была не только их экономическая и политическая несостоятельность, но и, возможно в еще большей степени, «правда о них самих».

Когда Горбачев в 1987 году заявил, что не должно быть больше неприкасаемых авторитетов и табу, он питал наивную надежду на то, что развязанное им иконоборчество удастся, в конечном счете, подчинить партийному контролю.

¹ Текст этот частично опирается на мою книгу «История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина». РОССПЭН М., 2009 и на мою статью «Произошло ли в России переосмысление ее тоталитарного прошлого//Форум восточноевропейской истории и культуры 2/2014.

² «Новая газета» использовала в этой связи выражение «цунами патриотизма».

³ В апреле 1938 г., когда сталинский «большой террор» достиг своего апогея, эмигрантский историк Георгий Федотов писал: «Сталин ведет войну со всей Россией. Если, конечно, можно назвать войной одностороннее избиение безответных и безоружных пленников...Один человек – против всей страны» (Федотов Г. Защита России. Париж, 1988. С.190-191.

К самым решительным сторонникам перестройки принадлежали те политики и публицисты, которые в свое время активно участвовали в процессе реформ, провозглашенном на XX съезде КПСС, и во время брежневского «застоя» потеряли свои посты и влияние.

Некогда лишенная власти группа – «шестидесятники» – теперь получила новый шанс. Их идеологические и политические представления определяли курс перестройки в первые ее годы. Легкость, с которой после свержения Хрущева правящей бюрократии удалось повернуть вспять процесс перемен и отвоевать утраченные позиции, нанесла «людям XX съезда» глубокую травму. Они увидели в этом отсроченную месть Сталина и объяснили победу партийной бюрократии прежде всего тем, что Хрущев не отважился полностью разрушить структуры, возникшие в 30-е годы – так называемую «сталинскую командную систему». В своей книге «В меняющемся мире» Горбачев писал о «шестидесятниках»: «Шестидесятники», глубоко пережившие прозвучавшее из уст Н. С. Хрущева разоблачение сталинизма, – сыграли решающую роль в его преодолении, в повороте от тоталитаризма к демократии. Без этого ничего в стране и в мире не изменилось бы».⁴

«Шестидесятники» тосковали по ленинским временам, по первым годам большевизма, когда партия еще не была послушным органом в руках деспотического руководства, а представляла собой сообщество единомышленников, открытое для полемики и дискуссий. Да и сам Горбачев при упоминании Ленина, как правило, впадал в восторженный тон. «Обращение к Ленину... сыграло большую стимулирующую роль в поисках объяснений и ответов на возникшие вопросы», – писал он, например, в 1987 году в своей книге «Перестройка и новое мышление».⁵

Для «людей XX съезда» Ленин, главным образом в его последние годы (после введения НЭПа в 1921 г.), символизировал внутрипартийную демократию, борьбу против бюрократических проявлений – все то, что было отвергнуто позднее бюрократическим аппаратом, упрочившимся при Сталине. Освобождение общества от удушающих объятий бюрократии рассматривалось реформаторами в качестве важнейшей задачи перестройки. Еще Хрущев, чтобы оказать давление на враждебную реформам властную элиту, пытался через голову аппарата обращаться непосредственно к населению. Однако эти обращения были сформулированы очень нерешительно, так как Хрущев был не только критиком, но и приверженцем сталинской «командной системы». Хрущев испытывал значительно больший страх перед проявлением инициативы снизу, чем перед враждебным отношением партийного аппарата к реформам. Совсем по-другому складывалась ситуация на новой фазе горбачевской перестройки – примерно с осени 1986 г.

⁴ Горбачев М. В меняющемся мире. М., 2018. С. 17-18.

⁵ Горбачев М. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С.20.

Призывы горбачевской команды к населению — активнее включаться в решение общественных и политических задач — были услышаны. По всей стране лавинообразно начали возникать так называемые «неформальные» объединения. Их число к началу 1988 г. составляло уже около 30000. Пресса все отважнее разоблачала сталинское и брежневское прошлое, а заодно и недостатки настоящего. Бесчисленные труды запрещенных прежним режимом авторов, не в последнюю очередь произведения русских эмигрантов, были теперь разрешены к публикации в СССР. Тот факт, что эти авторы с точки зрения догматиков были «классовыми врагами» теперь не играл никакой роли. Провозглашенное Горбачевым «новое мышление» начало все дальше отходить от учения о классовой борьбе и все ближе подходить к пониманию общечеловеческих ценностей. То же самое делали в свое время советские диссиденты. Таким образом, перестройка может рассматриваться, в некотором смысле, как победа вроде бы ликвидированного к концу 70-х — началу 80-х годов диссидентского движения (см. на эту тему статью о диссидентском движении в этой книге). В этой связи символичен телефонный разговор Горбачева с академиком Сахаровым в декабре 1986 г., в котором Генсек сообщил об окончании ссылки Сахарова. Одновременно были освобождены около 300 политических заключенных.

КПСС также была охвачена новым духом перестройки и гласности. XIX партконференция в июне 1988 г. стала первым представительным партийным собранием с конца 20-х годов, на котором публично и чрезвычайно остро дискутировали сторонники различных точек зрения. Все большую роль в этих дискуссиях начал играть, как известно, Борис Ельцин. Если многие догматики в партийном руководстве жаловались на слишком быстрый и радикальный курс реформ, то, по мнению Ельцина, реформы были недостаточно решительными. Горбачев попытался призвать своего соратника к порядку, заявив, что стране нужна перестройка, а не переворот. Это, однако, не остановило Ельцина. На пленуме ЦК в октябре 1987 г., посвященном подготовке к празднованию 70-летия Октябрьской революции, он открыто критиковал слишком вялый, с его точки зрения, ход реформ. За это выступление Ельцин поплатился тем, что был лишен многих властных полномочий.

Раньше такие решения были окончательными. Но уже шла перестройка: теперь судьба всей страны, как и отдельных политических лидеров, зависела не только от баланса сил внутри высшей партийной номенклатуры, но и от настроений общества. Это нашло отражение, как известно, при выборах делегатов на Съезд народных депутатов СССР в марте 1989 г., когда Ельцин, избравшийся в Москве, получил 89% голосов. Таким образом, московские избиратели отменили решение ранее всемогущего Политбюро и обеспечили возвращение Ельцина на политическую сцену.

Съезд народных депутатов должен был реанимировать советский парламентаризм, в общем задуренный большевистской партией еще в 1918 году. В речи на

XIX партконференции в июне 1988 г. Горбачев говорил о необходимости восстановить былую власть Советов.

Горбачев, несмотря на постоянные требования критиков режима, в первую очередь Андрея Сахарова, в то время еще не хотел отказываться от руководящей роли КПСС, зафиксированной в 6 статье конституции. Одновременно он надеялся, что обновленные Советы, сформированные в результате всеобщих выборов, обеспечат режиму дополнительную легитимность. Кроме того, он хотел с помощью обновленных Советов оказать давление на враждебную реформам часть партийного аппарата. Горбачев объединил в своих руках власть и над партией, и над Советами – на первом Съезде народных депутатов СССР в конце мая 1989 г. он был избран Председателем Верховного Совета.

Сторонники старого порядка вскоре, без сомнения раньше, чем сам Горбачев, увидели к каким катастрофическим последствиям для режима приведет разрушение существующих управленческих структур, отказ от коммунистической догмы о правильности генеральной линии партии, а также требование учитывать инициативу снизу. В марте 1988 г. писатель Юрий Бондарев возмущался, что советские средства массовой информации дают возможность высказаться только агрессивным злопыхателям, и если им не нанести такое же поражение, как под Сталинградом, то они низвергнут страну в пропасть.⁶ В партии также часто высказывалось мнение, что концепция реформ Горбачева оказалась абсолютно ошибочной. Советский посол в Варшаве Владимир Бровиков утверждал на Пленуме ЦК весной 1989 г., что из всеми признанной мировой державы Советский Союз превратился в предмет насмешек, и злорадный Запад видит в нем теперь колосса на глиняных ногах.

Как опытный аппаратчик, Горбачев виртуозно владел искусством внутрипартийной борьбы. Ему удалось отстранить от власти многих своих противников внутри партии. До августа 1987 г. были смещены с занимаемых должностей 6 из 14 партийных руководителей союзных республик, 75 из 150 секретарей обкомов в крупных регионах страны. В 1988 г. кадровые перестановки продолжились. И все-таки, несмотря на все эти акции, Горбачеву не удалось сломить сопротивление реформам со стороны аппарата. Ничего не изменило и отстранение от власти лидера догматиков Егора Лигачева в октябре 1988 г.

После выборов на Съезд народных депутатов весной 1989 г., которые впервые после создания «сталинской командной системы» не были всего лишь пропагандистским мероприятием, ранее всесильный партийный аппарат впал в панику. До сих пор профессиональная карьера и политическое благополучие партийных функционеров зависели только от непосредственного начальства. А тут появился новый фактор неопределенности – отношение избирателей. От функционеров требовалось теперь умение убеждать. Поражение многих представителей номенклатуры на выборах весной 1989 г. ясно показало неумение правящей

⁶ Перестройка – воля, мужество и ответственность//Литературная Россия 27.3.1988.

бюрократии приспособиться к новым условиям. В книге «В меняющемся мире» Горбачев писал: «Выборы отразили новые реальности, стало ясно, что КПСС отстает от жизни, а партийная номенклатура становится тормозом преформ... Будучи инициатором перестройки, я в то же время как генеральный секретарь ЦК КПСС искренне хотел, чтобы партия возглавила этот процесс, не становилась в оппозицию к нему. Но реальность состояла в том, что перестройка в партии существенно отставала от движения страны в сторону демократии ...Но пути назад не было».⁷

На заседании Политбюро 28 марта 1989 г., посвященном анализу результатов выборов, Егор Лигачев заявил: «Перестройка вызвала в обществе противоречивые реакции, именно этим объясняется то обстоятельство, что избиратели проголосовали против партийных и хозяйственных работников, а также и военных. Главной причиной этого, с моей точки зрения, послужили средства массовой информации – людям буквально вдалбливали, что надо выступать против партии; а это очень опасно. В Венгрии и в Чехословакии в 1968 г. тоже все начиналось со средств массовой информации».⁸

Лигачеву возразил Александр Яковлев: «О поражении вообще не может быть и речи. 84% процента избирателей пришли к урнам, а 85% избранных – коммунисты. Это стало референдумом перестройки».⁹

Однако это вряд ли успокоило правящую элиту, утратившую почву под ногами.

Еще большим ударом, чем результаты выборов, явились для властных структур, как известно, двухнедельные дебаты на Съезде народных депутатов в мае – июне 1989 г. Миллионы граждан, неотрывно следивших за ходом этих дебатов по телевидению, так много узнали о реальной ситуации в государстве и о недостатках существующей системы, что управлять ими как раньше стало уже невозможно.

Массовый террор, по крайней мере, на поздних стадиях развития большевистского режима, не был обязательным условием его сохранности. Классики теории тоталитаризма в этом отношении ошибались. Тотальный контроль над средствами производства также не был необходимой предпосылкой для выживания системы. Наличие сильного частного сектора в экономике во времена НЭПа в 1920-е годы не повредило единовластию большевиков. Но то, с чем система не могла справиться, это была, как уже было сказано, правда о самой себе.

Соппротивление правящей партбюрократии курсу Горбачева постоянно росло. Реформаторы объясняли это живучестью сталинского наследия. Московский историк Михаил Гефтер писал в середине 1988 г. «Сталин умер (только) вчера».¹⁰

⁷ Горбачев. В меняющемся мире. С.86-88.

⁸ Gorbatschow M. Erinnerungen. Berlin, 1995. P.416.

⁹ Там же. Р. 417.

¹⁰ Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему. Сост. Ю. Афанасьев. М., 1988. С.297

Однако, не только бюрократический аппарат препятствовал перестройке. Многие сталинские нормы мышления и поведения были распространены, как известно, не только среди представителей правящей элиты, но и в широких кругах населения. Некоторые авторы в связи с этим говорили о вульгарном или наивном сталинизме. Публицист Лен Карпинский в середине 1988 г. объяснял феномен «народного сталинизма» следующими причинами: «Здесь и искреннее отождествление Сталина с идеалами социализма, ... Здесь и ностальгия по своей боевой молодости, ... здесь ... и потребность в защите, верховной «отеческой» силе, которая накажет порок, вознаградит добродетель и все расставит по своим местам».¹¹

По мнению реформаторов, самым действенным средством в борьбе со сталинской мифологией является правда о прежних преступлениях, причем правда в полном объеме, а не осторожно дозированная. Литературный критик Игорь Виноградов писал: «(Правда) о реальности так же неделима и целостна, как и сама реальность. «Порционная» или «поэтапная» правда о ней – это всего лишь в лучшем случае полуправда, ... то есть правда, соединенная с какой-то дополняющей ее ложью. А правда *приправленная ложью*, это уже, простите, что угодно, но только не п р а в д а».¹²

Но из-за этого стремления к «полной правде» те сторонники перестройки, которые пытались бороться со сталинизмом при помощи ленинских идей, оказались перед серьезной дилеммой, так как эйфорические поиски правды, охватившие всю страну, начали расшатывать и ленинский монумент. Постепенно становилось ясно, что плюрализм и открытое общество не совместимы с ленинскими принципами, поскольку сущностью ленинизма было пренебрежение элементарными демократическими нормами. Возвращение к Ленину едва ли можно было связать с долгожданной свободой. Эйфория, связанная с именем Ленина, в публицистике времен перестройки постепенно сходила на нет. Все чаще созданная Лениным в ходе гражданской войны в России система военного коммунизма воспринималась как предтеча сталинской командной системы. Экономист Василий Селюнин характеризует военный коммунизм как период неограниченного насилия: «(Первоначально) оно применялось для подавления противников революции, затем перекинулось на потенциальных противников (красный террор) и, наконец, стало средством решения чисто хозяйственных задач».¹³

Такого рода высказывания чрезвычайно беспокоили консервативные силы в партии, реакция которых на разоблачение преступлений большевизма представляла собой смесь возмущения и паники: «Антиленинские идеи в последнее время широко стали распространяться в нашей партии и стране, – сетовал директор института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г. Смирнов на заседании Идеологической комиссии ЦК от 26.1.1990 – Хождение получила так называемая

¹¹ Карпинский Л. Почему сталинизм не сходит со сцены/Иного не дано. С.654.

¹² И. Виноградов. Может ли правда быть поэтапной? /Иного не дано. С.279

¹³ Селюнин В. Истоки//Новый мир 5/1988. С.167, 169.

«доктринальная концепция», согласно которой все бедствия пережитые страной ... имеют общие причины – гипертрофию классовой борьбы и утопический характер социалистических устремлений Маркса и Ленина».¹⁴

А председатель Госкомитета СССР по телевидению и радиовещанию Михаил Ненашев на этом же заседании добавил: «(Мы) стоим сегодня в идейном противостоянии с противниками партии и социализма, по сути у последней черты, где самый последний рубеж – Владимир Ильич Ленин». Поэтому Ненашев считал ту «удивительную идеологическую пассивность и беспомощность», с которой партия реагировала на критику ленинизма, крайне опасной.¹⁵

Защитники Ленина теперь постоянно вынуждены были оправдываться, тем более что критика Ленина становилась все более острой. Один из приверженцев перестройки – философ А. Бутенко писал в «Правде» в феврале 1990 г: «(В большевистском наследии) нет того образца партии, который нам сегодня необходим ... (Ведь) ленинская партия, партия нового типа, была и осталась инструментом борьбы за политическую власть, ... других задач (она) не решала. ... (У) советских коммунистов никогда не было не только опыта демократического управления страной, но и практики конкурентной борьбы с другими партиями».

Через месяц историк Юрий Афанасьев выступил против Ленина еще более беспощадно: «Если наш вождь и основатель действительно заложил основу чего-то, так это возведение в принцип государственной политики массового насилия и террора».¹⁶

Примерно в то же время Горбачев, в конце концов, решил изменить первоначальную формулировку 6 статьи конституции, которая закрепляла руководящую роль КПСС.

После полного краха попытки коммунистического путча в августе 1991 года и после запрета КПСС в ноябре 1991 года казалось, что Россия окончательно порвала со своим тоталитарным прошлым. Но это впечатление, как известно, было обманчивым. Победившие демократы очень быстро утратили кредит доверия, точно так же, как и побежденные ими незадолго до этого советские догматики. Россия начала превращаться в «демократию без демократов», подобно тому, как это случилось в свое время с Веймарской республикой. Теперь демократические ценности переживают такую же эрозию, как ранее коммунистические, писал в 1992 году публицист Леонид Радзиховский. Постепенно слово «демократия» становится ругательным.

¹⁴ Советская Россия 1.2.1990.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Известия 14.3.1990.

Столь стремительная дискредитация демократических идей, наблюдавшая вскоре после свержения КПСС, имела множество причин. К ним относится начавшаяся в январе 1992 г. шоковая терапия в экономике, которая по мнению некоторых экспертов, привела в первой фазе к падению жизненного уровня населения вдвое. Также и все более углубляющийся конфликт между президентом и Верховным Советом, который завершился в начале октября 1993 гг. расстрелом «Белого Дома» ускорил дискредитацию демократических идей. Но особую роль играл здесь распад Советского Союза, который был воспринят многими сторонниками имперской идеи как своего рода апокалипсис.

Для большинства населения вопросы переосмысления прошлого играли с этого момента все менее важную роль.

Помимо всего прочего в России произошла смена парадигм, типичная для тех обществ, которые незадолго до того пережили глубокий переворот. Относительно такого «постреволюционного синдрома» британский советолог Эдуард Халлетт Карр уже много лет назад сделал следующее замечание: за каждым революционным разрывом с прошлым, следует спустя какое-то время тоска по восстановлению исторической преемственности. Это наблюдение Карра оказалось справедливым и для постсоветской России. А как иначе можно объяснить уже упомянутую «Положительную или скорее положительную оценку роли Сталина в советской истории» более чем половиной опрошенных россиян?

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина и Ларисы Лисюткиной

III. «Имперские соблазны» и эрозия «второй» русской демократии в ельцинскую эпоху

III.1. Уязвленная держава: Россия после Крымской войны и после распада СССР – сравнительная зарисовка¹

После распада Советского Союза Россия превратилась в оскорбленного колосса, стремящегося к восстановлению своей пошатнувшейся позиции великой державы. Это положение России напоминает ситуацию, сложившуюся в Германии после Первой мировой войны, в связи с чем в отношении России в последнее время часто говорится о «веймарском синдроме». Но и в истории самой России уже были периоды, когда страна, подобно Веймарской Республике, вела себя как великая держава с ущемленным самолюбием, и в первую очередь это можно отнести к периоду после Крымской войны (1853–1856).

Смена парадигм: новые акценты в российской внешней политике после Крымской войны и падения Советского Союза

Внутри- и внешнеполитическое положение России в 1856 и 1991 годах разительно отличаются друг от друга. Так, в 1856 году не было ни распада империи, ни смены социально-экономической и политической системы. Но несмотря на это, можно констатировать определенные сходства в поведении политических элит России в оба вышеуказанных периода, которые указывают на то, что в истории России, наряду с разрывами, можно наблюдать и определенную преемственность.

После распада СССР многие российские авторы неоднократно цитировали слова царского министра иностранных дел Горчакова, которые тот сформулировал вскоре после поражения России в Крымской войне: «Россия сосредотачивается». Этим они хотели подчеркнуть, что шоковое состояние, в которое впала Россия после потери империи и доминирующего положения в Восточной Европе, не продлится долго. Раньше или позже она снова вернется на политическую сцену в качестве великой державы, как это было и после Крымской войны.

Внешняя политика прекратившего свое существование в 1991 году Советского Союза была идеологизирована подобно политике царской империи перед Крым-

¹ Первоначальная немецкая версия этой статьи была опубликована 12.12.2008 онлайн в e-politik.de/politik.gesellschaft&politikwissenschaft

ской войной. СССР представлял собой идеократию, которая воплощала принципы пролетарского интернационализма и карала так называемые контрреволюционные силы внутри, а также за пределами Советского Союза: в ГДР (1953), Венгрии (1956) или Чехословакии (1968).

Также и царская империя в первой половине XIX века служила наднациональным идеям – а именно «легитимистским принципам» – и пыталась подавлять отвергавшие эти принципы движения не только в России, но и вне ее границ, например, в Венгрии и Дунайских княжествах.

После поражения в Крымской войне российское руководство считало эту политику вмешательства губительной. Например, как следствие этой политики в 1849 году Россия подавила венгерское восстание и тем самым спасла от гибели Габсбургскую империю – своего будущего внешнеполитического противника. Уже упомянутый Горчаков заявил, что солидаризация с другими легитимистскими державами, в первую очередь с Австрией, сделала Россию ненавидимой во всей Европе. Россия должна отказаться от роли европейского жандарма и защищать исключительно свои национальные интересы.

Подобную аргументацию приводили и многие российские политики после распада Советского Союза. Солидаризация с «социалистическими братскими странами» вовлекла Россию в множество абсолютно не нужных ей конфликтов во всем мире и сделала страну объектом ненависти многих народов. С этого момента Россия должна заботиться только о своих собственных интересах.

Поляризирующее действие реформ

Это сосредоточение на собственных интересах как в царской империи после Крымской войны, так и в постсоветской России было тесно связано с крупномасштабными внутриполитическими реформами.

После проигранной Крымской войны Россия пережила своеобразную революцию сверху, которая напоминала петровские реформы начала восемнадцатого века и которую можно назвать второй европеизацией России. Было отменено крепостное право, значительно ослаблена цензура, а судебная реформа 1864 года создавшая независимые суды, укоренила в стране первые зачатки принципа разделения властей. Многие требования, которые предъявлялись поколениями критиков самодержавия, выполнялись одно за другим.

Еще более радикальные реформы проходили в России после свержения коммунистического режима. После семи десятилетий идеологической диктатуры, плановой экономики и большевистского единовластия начался тернистый путь России к открытому обществу.

В обоих случаях реформы поляризовали общество, хотя и различным образом. В эпоху Александра II наибольшая опасность для реформ исходила от нетерпеливых утопистов, для которых кардинальные изменения, начавшиеся после всту-

пления Александра II на престол, были недостаточно радикальными. Они были заинтересованы не в реформировании уже существующей системы, а в ее разрушении.

В постсоветской России, напротив, начатые после августа 1991 года реформы подвергались опасности со стороны совершенно других сил, нежели это было во времена Александра II: не со стороны утопистов, добивавшихся создания небывалого в истории общества всеобщего равенства и социальной справедливости, а со стороны лишившихся власти элит, стремящихся к реваншу за свое поражение в 1991 году.

Междоусобные споры реформаторов

Угроза реформационному процессу обеих эпох исходила не только от воинствующих противников обновления, но и от внутренних разногласий в самих реформаторских лагерях. Эти противоречия касались не в последнюю очередь национального вопроса, который в многонациональном государстве как ранее, так и сейчас имел и имеет первостепенное значение.

В обоих случаях в начале реформаторского процесса отмечалась либерализация в этой области. Так, после вступления на престол Александра II были аннулированы многие антиеврейские законы, одновременно с этим в Польше было упразднено чрезвычайное положение, введенное после подавления ноябрьского восстания 1830/31гг.

В постсоветской России произошло преобразование страны из псевдофедерации в действительно федеративное государство. Федеративный договор 1992 года предоставил в первую очередь национальным республикам Российской Федерации значительные автономные права, о которых они ни в царские, ни в советские времена не могли и мечтать.

Но для некоторых наций уступки центра, как первой, так и второй эпохи, были недостаточны. Даже широчайшая автономия внутри российского государства их не удовлетворяла, так как они стремились к полной независимости. В эпоху Александра II это в первую очередь касалось Польши, в постсоветской России – Чечни.

Подавление польской и чеченской освободительных войн русскими вооруженными силами подрывало в обе эпохи доверие к проводимым процессам реформ и раскололо лагерь реформаторов.

Александр Герцен, эмигрировавший в николаевскую эпоху из России, вначале «с другого берега» горячо приветствовал реформы Александра II. Но после того, как в январе 1863 года вспыхнуло польское восстание он писал: «Действительно ли суждено этому правительству, которое без труда могло бы быть мягким и че-

ловечным, опускаться все ниже и ниже и марать себя кровью?». ² Также разочарованно звучало обращение председателя партии Демократический выбор России, Егора Гайдара, к Борису Ельцину, когда тот начал вооруженную операцию в Чечне в декабре 1994 г.: «Захват Грозного будет ударом по демократическому прогрессу, по всему, что было достигнуто за последние годы».

Возврат к российскому «особому пути»

Вместе с тем, конфронтация с мятежными провинциями усилила, как в эпоху Александра II, так и в ельцинский период националистические настроения среди имперской нации, включая и сами реформаторские лагеря. Готовность идти на дальнейшие уступки внутренним и внешним соперникам существенно уменьшалась, а критика Запада, который поддерживал сепаратистские стремления Польши и позднее Чечни, усиливалась. Показательным был, например, опубликованный в 1869 году труд ранее либерально настроенного русского ученого Николая Данилевского «Россия и Европа». ³

Многие считают Данилевского предшественником Освальда Шпенглера, приводя в качестве иллюстрации разработанную Данилевским теорию биологического возраста культур, которые, после завершения определенного цикла, сходят с исторической сцены. Романо-германская культура, согласно теории Данилевского находилась уже в стадии распада, а чуждая ей славянская культура – наоборот, в стадии подъема. Антирусские настроения на Западе Данилевский рассматривал в первую очередь как следствие культурологических различий между Западом и Востоком. С полнейшей уверенностью в правоте своей державы он описывал расширение российской империи за последние столетия, придав этому расширению совсем иное качество, нежели завоевания западных государств. ⁴

Также и в постсоветской России российские демократы, которые до августа 1991 года были яркими сторонниками «возвращения России в Европу», начали ссылаться на русский особый путь, в то время как прозападно ориентированные круги упрекались в беспредельной уступчивости по отношению к непосредственным соседям России. Так, политический советник российского президента Сергей Станкевич заявлял в середине 1992 г.: «Наши соседи зачастую рассматривают Россию не как государство, а как грудку, своего рода реликт, от которого можно отрезать ту или иную часть». ⁵

² Kowalski Józef. Die russische revolutionäre Demokratie und der polnische Aufstand 1863. Berlin, 1954. С.199.

³ Данилевский Николай. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. Лондон, 1966.

⁴ Не иначе рассматривали в то время расширение своих империй английские, французские или немецкие националисты. Абсолютизация своей собственной точки зрения была в то время характерной чертой почти всех национальных течений.

⁵ Россия 1992-й//Комсомольская правда 26.6.1992.

Такие понятия, как «национальная гордость» или «национальные интересы» являются для Запада вполне естественными, добавил к этому председатель Комитета иностранных дел Верховного Совета, Евгений Амбарцумов. Почему же они не могут иметь силу и в России?

Таким образом, почти все политические лагеря России как после Крымской войны, так и после проигранной Москвой «Холодной войны», чувствовали себя униженными Западом и стремились к восстановлению статуса великой державы для страны.

Возвращение на мировую арену

В первом рассматриваемом нами случае, это удалось уже спустя 14 лет после Парижского мира 1856 года, который завершил поражение России в Крымской войне. Вторая Французская империя, которая представляла собой главную опору установленного в 1856 году нового европейского порядка, потерпела в немецко-французской войне сокрушительное поражение. Уже в конце октября 1870 – то есть через каких-то два месяца после битвы при Седане, ознаменовавшей крушение наполеоновской империи, Горчаков объявил, «что Россия более не считает себя связанной обязательствами, ограничивающими ее суверенные права на Черном море». Этим соглашением Россия обязывалась разрушить свои укрепления на Черноморском побережье. С этого момента царская империя снова стала полноправным членом «европейского концерта держав». К коренному пересмотру существовавшего европейского порядка стремилась теперь уже не Россия, а Франция.

Но на такое одностороннее нарушение международного порядка как царская Россия в 1870 году, российское руководство в ельцинскую эпоху еще не решалось.

Однако и в 1990-е годы Кремль постоянно упрекал Запад в том, что там не отдается должное российским национальным интересам. В первую очередь Россия предъявляла претензии США в нежелании признать ее как равноправную великую державу. Расширение НАТО на Восток и военная интервенция в Югославии приводились в качестве примеров западного самоуправства. Но лишь после прихода к власти Владимира Путина Москва начала в открыто ревизионистской манере нарушать установленную после развала СССР международную систему и в одностороннем порядке пересматривать территориальные постановления договоров, подписанных в декабре 1991 года. Признав независимость грузинских провинций Абхазии и Южной Осетии после окончания пятидневной русско-грузинской войны, руководство Кремля, очевидно, имело целью представить доказательство того, что Россия возвращается на политическую арену как «великая держава». Этот образ действий Москвы напоминает подобное односторонне

принятое решение Петербурга в октябре 1870 года об аннулировании принятого Парижским договором решения о нейтрализации Черного моря.

Новые вызовы после окончания «холодной войны»

Сравнивая два этих политических акта, нельзя оставить без внимания основополагающие различия между этими двумя ситуациями. В 1870 году европейцы видели в национальном государстве венец творения, и защита национальных интересов воспринималась ими как священная обязанность державы. В этом духе тогда действовала не только Россия, но и Германия, Франция, Италия и другие европейские государства. Подобный образ мышления превратил Европу в пороховую бочку, которая не замедлила взорваться в первый раз в 1914 году и второй раз в 1939. И только после опустошительного опыта обеих мировых войн в Европе произошла смена парадигм, которая привела к развенчанию безраздельно господствующей до сих пор национальной идеи и к зарождению европейского интеграционного процесса.

На фоне этой смены парадигм, националистическая риторика российских национал-патриотов кажется реликтом канувшего в 1945 году в Лету прошлого. А сопротивление духу времени, как показывает история, редко увенчивается успехом (статья была опубликована в 2008 году – Л. Л. *Однако после повторного выбора Дональда Трампа президентом США, многие, казалось бы, ушедшие в прошлое политические представления, начинают снова возрождаться – Л. Л.*).

Авторизованный перевод с немецкого: Елена Сивуда

III. 2. Возвращение истории? Постсоветская Россия в ельцинскую эпоху в поисках преемственности

Коммунистические режимы, которые стремились произвольно ускорить ход истории, в действительности способствовали "замораживанию" развития тех стран, где они господствовали. Под покровом коммунистической диктатуры были законсервированы прежние модели мышления и поведения, история как бы была "остановлена". Однако теперь она возвращается, и при этом с необычайной энергией. Так в России возобновляются теперь многие процессы, которые в 1917 г. были резко оборваны большевистской революцией.

Большевистский переворот происходил сначала по классическому сценарию всех великих европейских революций. Большевики радикально порвали с прошлым и ликвидировали значительные части руководящих слоев с монархом во главе, которые воплощали собой историческую преемственность. Но так как полный разрыв с прошлым – мероприятие невыполнимое, то уже через несколько лет после триумфа большевиков в России возникла тоска по "возвращению истории", как это было раньше в Англии и во Франции после победы революций. Никакая другая революция не порывала с прошлым так радикально, как большевистская, говорит английский советолог Э. Х. Карр. Однако страной невозможно управлять единственно с помощью революционного пыла. Истинный революционер скептически относится к любому правительству, также и к собственному. Таким образом, победоносный революционный режим неизбежно вступает в конфликт со своими революционными истоками и по своему образу действий примыкает к режиму дореволюционному.

В Англии и Франции такая напряженность между разрывом с прошлым и стремлением к преемственности приводила к постепенному выхолащиванию революционных идеалов и в конечном итоге к реставрации "старых режимов". Через одно поколение революционный цикл там заканчивался.

В России же, напротив, не произошло реставрации, которой так ждали. Несмотря на постепенное охлаждение революционных страстей и на выхолащивание первоначальных идеалов, там в течение длительного времени оставался у власти тот самый режим, который в 1917 г. совершил разрыв с российским прошлым.

Исаак Дойчер, один из самых проницательных советологов, в 1967 г. назвал совершенно абсурдным мнение, что в России когда-либо станет возможной реставрация. Ни одна европейская революция не оставалась так долго у власти – ни в Англии, ни во Франции. Русская революция пережила всех поборников реставрации.

Через 24 года после этой констатации Дойчера революционный цикл в России все же закончился. Российские демократы, которые 7 ноября 1917 г. были выброшены победившими большевиками "в мусорную корзину истории" (Л. Троцкий)., в августе 1991 г. вернулись к власти. Но произошла ли тогда в России реставрация добольшевистского режима? В определенном отношении можно ответить на этот вопрос положительно, ибо "вторая российская демократия", которая была создана после лишения власти КПСС, проявила удивительное сходство с "первой", которая возникла в феврале-марте 1917 г. после свержения династии Романовых: у обеих были одни и те же структурные слабости. В обоих случаях речь шла о "двоевластии" – разделение властей не было принято и монополия государства на применение силы была в значительной степени ослаблена. Кажется, двоевластие стало проклятием российской демократии в 20-м столетии. Из-за несовместимости парламентской демократии западного типа с базисной демократией советов погибла 7 ноября 1917 г. первая русская демократия. Созданная в августе 1991 г. "вторая демократия" была парализована неразрешимым противоречием между советским парламентом, который не был легитимирован демократическим путем, и демократически легитимированной исполнительной властью (президент). Совершенно устаревшая российская конституция времен Брежнева (1978) объявляла советский парламент последней инстанцией в государстве и практически отвергала принцип разделения властей. Верховный Совет согласно этой конституции имел право объявлять каждое решение исполнительной власти противоречащим конституции и постоянно это право использовал. Такой подход постепенно стал рутиной. Парадокс тогдашней ситуации, которая в 1993 г. опасно обострилась, по мнению московского экономиста и политолога Василия Селюнина, состоял в следующем: "Многое можно поставить в вину Советам, и лишь один упрек несправедлив: вопреки расхожему мнению, ни съезд нардепов, ни Верховный совет не нарушают законов. По нынешней конституции все их безумства заранее, априорно легитимны"¹.

Между тем каждое общество, в котором не совсем утрачено чувство самосохранения, стремится к тому, чтобы как можно скорее устранить состояние двоевластия. Ибо легитимационная смута, обусловившая такого рода власть, делает практически невозможным функционирование государства как такового.

Первое российское двоевластие было устранено большевистским путчем 7 ноября 1917 г. Второму положил конец антибольшевистский глава государства Борис Ельцин, когда он 21 сентября 1993 г. распустил своим указом советский парламент. Этот указ Ельцина в свою очередь спровоцировал попытку государственного переворота со стороны консервативно настроенных парламентариев. Белый дом бывший во время августовского путча 1991 года символом молодой русской демократии, теперь символизировал для сторонников Ельцина враждебность реформам. Во время стычек, достигших кульминации 3 и

¹ Селюнин В. Можно ли скрестить ужа и ежа? // Русская мысль. 1993. 21-27 мая. С. 1.

4 октября 1993 г. по официальным данным погибло 150 человек. Штурм Белого дома в значительной степени способствовал дискредитации демократической идеи в стране.

В 1917 г. большевики ликвидировали не только двоевластие, но и российскую демократию, и создали вместо нее первый тоталитарный режим современной истории. Напротив, режим, созданный Ельциным, ни в коем случае не являлся тоталитарным. Скорее он напоминал систему, возникшую в России после революции 1905 г., которая в свое время была названа Максом Вебером "мнимоконституционалистской". В этом отношении Россия в восстановлении исторической преемственности, реставрации добольшевистских условий прошла еще часть пути назад, в прошлое. Разработанная Ельциным и его советниками конституция, принятая в декабре 1993 г., представляет собой в немалой степени копию царской конституции от апреля 1906 г. («Основных законов Российской империи»). "Императору Всероссийскому принадлежит самодержавная власть", – гласит ст. 4 «Основных законов» 1906 г. В ельцинской конституции президент Российской Федерации объявляется гарантом конституции (ст. 80). "Государь-Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского государства с иностранными державами" (ст. 12 конституции 1906 г.). То же самое можно прочитать в ст. 86 ельцинской конституции и т.д.

Российская история всегда отличалась всесилием государства и бессилием общества. Предпринимаются попытки охарактеризовать и режимы 1906 и 1993 гг. как незначительную модификацию традиционного русского этатизма. Однако при этом упускается из виду, каким историческим переломом было введение разделения властей в России в 1905-1906 гг. и в 1993 г. Ибо как до 1905 г., так и после 1917 г. в России речь шла о неограниченной автократии, в которой общество имело только обязанности по отношению к государству и очень мало прав. О легальной оппозиции, об укорененной в законах свободе мнений и собраний не могло быть и речи.

"Мы говорим, что хотим, ... читаем тоже, что хотим. А это, поверьте, совсем немало". Так говорил в мае 1995 г., т.е. полгода спустя после начала войны в Чечне, правозащитник Сергей Ковалев², который для многих и на Востоке, и на Западе олицетворял собой "совесть России". Развязанная так называемой "партией войны" жестокая война против отпавшей кавказской республики нанесла удар по непрочным плюралистическим структурам в стране, однако не разрушила их полностью, как опасались вначале. И это опять напоминает ситуацию 1905-1917 гг. Тогда тоже предпринимались попытки превратить конституцию в пустую формальность, например, подобный государственному перевороту роспуск второй Думы премьер-министром Столыпиным (3 июня 1907 г.). Однако основы конституции остались незатронутыми. Конституция уже начала оказывать воспитую-

² Литературная газета, 31 мая 1995.

щее влияние как на правительство, так и на общественность, писал в этой связи либеральный русский политик Василий Маклаков³.

И в самом деле, после 1905 г. Россия совершила большой шаг по пути к плюралистическому государству. Дотоле бессильное общество начало освобождаться от государственной опеки и постепенно превращаться в самостоятельного партнера или контрагента правительственной бюрократии. Однако находившееся тогда в процессе становления "гражданское общество" в России было очень хрупким, у него не было солидного основания. Низшие слои российского общества, прежде всего крестьянство, были не очень заинтересованы в конституционных свободах и связанных с ними правовых гарантиях, ибо с их точки зрения на первом плане стоял нерешенный аграрный вопрос. Они воспринимали неприкосновенность частной собственности, гарантированную конституцией (ст.77), скорее как помеху, так как мечтали о полной экспроприации помещиков – о так называемом "черном переделе", а ст. 77 конституции закрывала путь к осуществлению этой мечты.

Этой мечтой русских низших слоев о социальной справедливости в конечном итоге воспользовались политические демагоги, которым удалось повернуть колесо истории в 1917 г. назад. Развитие России в направлении плюралистического государства было насильственно прервано, общество снова превратилось в инструмент деспотического режима, который демагогически воспользовался эгалитаристской эйфорией, которая царила в стране в 1917 году.

Русская этика – эгалитарная и коллективистская, отмечал несколько десятилетий назад русский историк Георгий Федотов. «Из всех форм справедливости равенство всего больше говорит русскому сознанию».⁴

Российские сторонники свободного рыночного хозяйства, которые после отстранения КПСС от власти получили возможность проводить экономические реформы в стране, недооценили характерные для русского менталитета эгалитаристские тенденции. Они продолжили традицию "западников", которые хотели превратить Россию в "нормальную" европейскую страну и решительно отклоняли тезис об "особом пути" России. Однако своей мечтой о демократической России, о "возвращении России в Европу" и об ее "светлом капиталистическом будущем" они смогли воодушевить общество только на короткое время. Начавшаяся в январе 1992 г. экономическая "шоковая терапия", а также разгон Верховного Совета в октябре 1993 г. привели к тому, что большинство населения отвернулось от новых правителей. Таким образом, поиски восстановления исторической преемственности сделались весьма своеобразными. Не только добольшевистская Россия приобретала теперь светлые черты в сознании значительной части общества, но и большевистская. Нередко обе модели общества, ставшие предметом ностальгии, сливаются в своеобразный симбиоз. Например, как монархисты, так и ком-

³ Leontovitsch V. Geschichte des Liberalismus in Rußland, Frankfurt/Main. 1957. S.339, 416.

⁴ Федотов Г. Народ и власть//Вестник РСХД №94. 1969. С.89.

мунистические догматики тоскуют по сильному патерналистскому государству, в котором добродетель вознаграждается, порок наказывается, индивидуум подчиняется коллективу, а стремление к прибыли удушается в зародыше. Кроме того, монархистов и коммунистов объединяет имперское мышление. Их умиляет воспоминание о якобы гармоничной совместной жизни около 100 народов на территории царской, а затем советской империи. Такое не имеющее себе равных государственное устройство всегда якобы вызывало зависть со стороны западных держав, которые стремились расколоть Россию; однако евразийский колосс будто бы отразил все атаки своих противников и не подчинился диктату извне, поэтому Запад переменял свою стратегию и пытается теперь ослабить российскую империю изнутри. Российских демократов, которые после устранения КПСС от власти нанесли окончательный удар советской империи, считают "тroyанским конем" Запада и предателями отечества.

В этой связи нельзя забывать о том, что в свое время в предательстве обвиняли и большевиков. Брест-Литовский сепаратный мир большевистского правительства, заключенный в марте 1918 г., привел к утрате почти всех территорий, которые Россия приобрела с XVII в. на своей западной периферии. Поэтому большевики в глазах российских приверженцев имперского мышления выглядели просто марионетками в руках "заклятых врагов" России. Брест-Литовский мир, как позднее договор, подписанный в декабре 1991 г., который привел к распаду СССР, рассматривался как результат заговора зарубежных держав и "чуждых" элементов в самой России. Внутриполитическая программа большевиков уже в 1918 г. тоже разочаровала население, которое отвернулось от нового правительства – подобно тому, как через 75 лет значительная часть общества отвернулась от программы демократов.

Тем не менее большевиков не беспокоило мнение "колеблющихся" масс. Они отказались от демократических правил игры, так как считали, что только они обладают единственной "исторической правдой", и стремились любой ценой воплотить ее в действительность. К тем, кто их убеждений не разделял, они применяли чрезвычайно действенные меры, а именно устраняли и ликвидировали их с помощью "красного террора". Этот террор, который во многом превзошел ужасы якобинского господства, большей частью и объясняет уже упомянутый успех большевиков в их борьбе против всех попыток реставрации. "Красный террор", а затем сталинский террор нанесли обществу такую травму, что оно оказалось не в состоянии пересмотреть вынесенный в ноябре 1917 г. "приговор истории".

Совсем иначе обстояли дела в ельцинской России. Еще никогда в российской истории, за исключением периода 1905–1917 гг., у общества не было так много легальных возможностей выражать свои политические взгляды. Хотя жалобы на бессилие общества и засилие коррумпированной государственной бюрократии не прекращались, тем не менее оппозиция имела возможность называть по имени все недостатки в сотнях газет и журналов, на бесчисленных массовых митингах, а также в парламенте. Однако этот процесс находился под угрозой разбиться

о те же рифы, как и в 1917 г. Как и в 1917 г., стремление людей к социальной справедливости использовалось политическими демагогами, которые опять хотели "огосударствить" общество и взять его под опеку. В связи с этим возникал уже в ельцинскую эпоху вопрос, не станет ли опять период беспрепятственной политической деятельности просто эпизодом в российской истории, "отклонением от автократической нормы".

Нельзя забывать, что и царская и большевистская автократия обосновывались прежде всего идеократическими принципами. Собственным ядром автократии была вера значительной части населения в царя-самодержца, а затем – в "светлое коммунистическое будущее". Оспаривание гомогенной ортодоксальной монархической или коммунистической картины мира многие люди, не только власть имущие, воспринимали как помеху. Укоренение в законах мировоззренческого и политического плюрализма ради канализации конфликтов большинство не считало необходимым – зачем нужно разделение властей, если государство и общество и без того вдохновляются одними и теми же идеалами и, по существу, преследуют одни и те же цели?

Но если эта вера разрушена, то идеократически легитимированная система лишается своей единственной основы. Это произошло, например, на пороге 20-го столетия, когда низшие слои российского общества в значительной степени утратили веру в царя и вместо этого связали свои надежды на спасение с революционной идеей. Большевистская автократия также утратила свои шансы на выживание, когда идея "светлого коммунистического будущего" деградировала до общих мест, которые вызывали у людей только усмешку. Таково было положение вещей в период Брежнева.

Когда в феврале 1990 г. Михаил Горбачев отказался от монополии партии на власть (ст. 6 брежневской конституция), то этим он просто завершил процесс, который приобрел четкие контуры еще в период Брежнева. Уступки в пользу мировоззренческого и политического плюрализма стали неизбежными.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует, что принципы разделения властей и свободы мнений в России прорываются наружу тогда, когда население отворачивается от системы, обоснованной идеократическими принципами, и не связывает с ней больше никаких надежд на спасение.

Перевод Т. Мацонашвили

Опубл. в «Актуальные проблемы Европы. Политическая культура и власть в западных демократиях и в России. Проблемно-тематический сборник», ИНИОН, М.1997 (печатается с некоторыми изменениями).

III.3. Призрак фашизма в посткоммунистической России

После краха коммунистического эксперимента в России там бродит теперь другой призрак новейшей истории – призрак фашизма. Политическая сила, вдохновляемая человеконенавистническими идеями и уже однажды превратившая в руины европейский континент, почуяла новый шанс – на этот раз на Востоке. К идеям в России, как правило, относятся всерьез. Столь типичная для Запада «игра в идеи» России почти неведома.

В посткоммунистической России нет больше господствующей идеологии. Многие не в силах вынести этот вакуум (статья была написана в 1994 году – Л.Л.). Они тоскуют по новой всеспасающей идее, и на этом строят свои расчеты демагоги самых разных оттенков, вплоть до поклонников Муссолини и Гитлера.

В свое время Муссолини и Гитлер всплыли на волне страха правящих слоев перед «большевистской опасностью». Этот страх едва ли имел под собой основания. Революционная волна в Италии после краха забастовочного движения в сентябре 1920 г. явно шла на убыль, а в Германии начала 30-х годов конфликт между социал-демократами и коммунистами, спровоцированный в первую очередь из Москвы сталинским руководством, парализовал рабочее движение, практически лишив его всякой дееспособности. Несмотря на это, правящие круги Италии и Германии панически боялись «восстания масс», т.е. независимого рабочего движения. Этим страхом воспользовались фашисты и нацисты. 23 июля 1921 г., выступая в итальянском парламенте, Муссолини назвал фашистское движение важнейшим защитником государственных устоев, той силой, которая сумела предотвратить коммунистический переворот в Италии.¹ Десять лет спустя, во время встречи с немецкими промышленниками в Дюссельдорфе, в этом же духе высказывался Гитлер: «Если бы не мы (нацисты. – Л.Л.), средний слой в Германии был бы уже уничтожен. А вопрос о власти большевики давно бы решили в свою пользу».² И хотя аргументы фашистских вождей носили вполне демагогический характер, им в конце концов удалось убедить власть имущих, что спасти расшатанный господствующий строй в обеих странах можно лишь опираясь на фашизм.³

В отличие от своих «классических» предшественников, нынешние российские фашисты, как правило, мало говорят об опасности слева. Больше того, в борьбе против существующего строя они часто оказываются по одну сторону баррикад с коммунистами. «Красно-коричневый союз», лишь спорадически возникавший в Веймарской Германии накануне прихода Гитлера к власти, в нынешней России –

¹ Mussolini B. Opera omnia. Firenze-Roma, 1951. V.17, P. 65-66

² Domarus M. Hitler., Reden und Proklamationen 1932-1945. Würzburg, 1962. V.I.1. P.87.

³ См. Luks. L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935. Stuttgart, 1985.

постоянный феномен (статья была написана в 1994 году – Л.Л.). Свое боевое крещение этот союз получил при защите Верховного Совета, распущенного Ельциным 21 сентября 1993 г. Генерала Руцкого нисколько не смущало то, что Белый дом обороняли, между прочим, и боевики руководимой Александром Баркашовым организации «Русское национальное единство», чья программа имеет поразительное сходство с программой гитлеровской партии. Например, в программе РНЕ содержится требование устранения «всех проживающих в России евреев и цыган в кратчайшие сроки», тюркские народы и выходцы из Средней Азии должны будут проживать только на своих «исторических территориях», причем предполагается «резкое снижение их рождаемости». В России РНЕ хочет ввести законы, похожие на законы фашистской Германии. Например: «Смешанный брак или связи, наносящие ущерб генофонду Русской нации и ведущие к ее размыванию, будут преследоваться в уголовном порядке».⁴ И после этого генерал Руцкой берет под защиту своих союзников. Он считает обвинение сторонников Баркашова в фашизме «упрощением» и клеветой.⁵ А коммунистический орган «Советская Россия» славит Баркашова, который сам себя гордо называет нацистом, как некоего «спасителя чести» страны.⁶

Эта мешанина «правизны» и «левизны» в сегодняшней России, конечно же, связана с аморфным, расплывчатым партийно-политическим ландшафтом в посткоммунистической России, что, в свою очередь, объясняется аморфностью общества, в котором нет классов в общепринятом смысле этого слова. В годы гражданской войны большевики экспроприировали и физически уничтожили высший слой. Во время коллективизации сельского хозяйства они сломали хребет крестьянству. Общество, таким образом, было пролетаризировано и атомизировано. Неудивительно, что 70-летний процесс разрушения отрицательно сказался на политической культуре страны, что в России то и дело возникают причудливые политические конфигурации, которые вызывают недоумение у западных наблюдателей.

Но есть и другие причины все большего стирания, смазывания различий между правыми и левыми, в современной России. Дело в том, что российские коммунисты, пожалуй, впервые после 1917 г. потеряли веру в непрерывный общественный прогресс. Прежде они проповедовали ее где только можно. Они воображали, что история на их стороне, и эта уверенность как-никак помогала им до поры до времени преодолевать самые опасные кризисы.

Напротив, правые экстремисты всегда воспринимали идею прогресса не иначе как с насмешкой. Они никогда не желали и не желают плыть в потоке истории,

⁴ См. Остросветов В. Русский порядок Александра Баркашова//Московские новости 1994. № 15. С.7.

⁵ Руцкой А. Надеюсь, что на этот раз мой парашют раскроется//Комсомольская правда 27. 5. 1994. С.5.

⁶ Турченко С. Встреча с Александром Баркашовым//Советская Россия 5.3.1994; см. также Баркашов А. Слава России//Завтра 1994. №12. С.1-2.

наоборот, пытаются любой ценой задержать его и повернуть вспять. Повсюду им мерещатся симптомы упадка и разложения, козни могущественного всемирного заговора. Они считают, что предотвратить «закат Европы» можно лишь насильственным уничтожением носителей этого заговора – евреев, масонов, «плутократов» и марксистов.⁷ Фашистский идеал находится в прошлом. Фашизм апеллирует к так называемому «биологически естественному» человеку. Он хочет возродить человека, не искаженного цивилизацией, не извращенного христианской этикой с ее призывом любить ближнего и сострадать ему. Золотой век фашизма – это языческая, дохристианская эпоха. Пафос же коммунизма устремлен в будущее, где произойдет прыжок «из царства необходимости в царство свободы».

Однако этот исторический оптимизм теперь ушел в прошлое. После развала Советского Союза у коммунистов почти не осталось веры в прогресс и светлое будущее. Внезапное исчезновение второй великой державы, внушавшей страх и уважение всему миру, кажется им непостижимым событием, они отказываются видеть в нем историческую необходимость. За кулисами горбачевской перестройки и вызванных ею процессов они усматривают гигантское предательство. Еще в 1990 г., до окончательного распада СССР, один из проповедников имперской идеи, писатель Александр Проханов, утверждал: «Впервые не только в истории отечества, но и мира мы видим, как государство рушится не в результате внешних ударов, а в результате целенаправленных действий вождей».⁸

Четыре года спустя Проханов пояснил свою мысль: «Советский Союз продала элита, продали лучшие люди. И какую бы Россию ни строили в дальнейшем – будь это монархия, будь это президентская республика, будь это патриотическая диктатура, опять это все будет построено на песке, если страной будут править чиновники, если не будет настоящей элиты».⁹

Эта мечта о новой, здоровой элите не имеет ничего общего с коммунистической идеей пролетарского авангарда. Целью коммунистического «авангарда», по крайней мере в изначальном смысле, было уничтожение элит. Идея элиты у Проханова и его единомышленников имеет явно другое, правое происхождение. Заметим, что сейчас российская общественность впервые начинает впитывать запрещенное при коммунистах идейное наследие европейских правых. Следует особо подчеркнуть тот факт, что правоориентированные публицисты веймарской республики, такие как Карл Шмитт, Эрнст Юнгер, Мёллер ван ден Брук, неожиданно приобрели запоздалую известность в сегодняшней России. Российские поклонники этих авторов преподносят их как последнее слово

⁷ См. Люкс Л. Коммунистические теоретики о фашизме. Озарения и просчеты//Полис 4/1994. С. 74-85.

⁸ Проханов А. Идеология выживания//Наш современник 9/1990 С.3-9.

⁹ Диалог Адександра Проханова и Станислава Терехова//Завтра 29/1994. С.1-2.

западной мысли. В действительности там, на Западе, их идеи давно обветшали и обанкротились.

Подобно немецким правым веймарского периода, российские коммунисты не могут примириться с тем, что государство утратило статус сверхдержавы вместе с территориями, где проживают их соотечественники. Как и в Германии 20-х годов, крах империи изображается как результат иноземных интриг – вмешательства западных демократий. В открытой «честной» борьбе западные державы – так утверждали немецкие правые, и их слова повторяет нынешняя русская «непримиримая оппозиция» – оказались не в состоянии одержать верх над своими противниками. Поэтому им пришлось прибегнуть к вероломным средствам психологической войны. Путем пропаганды так называемых западных ценностей они выхолостили советского колосса и довели его до гибели.

При этом, однако, ни словом не упоминают о том, что Советский Союз со своей стороны десятилетиями пытался подорвать западные демократии с помощью коммунистической пропаганды. Эти двойные стандарты опять-таки напоминают аргументы правых в Веймарской республике. Они тоже клеймили психологическую войну западных держав, прежде всего их антивоенную пропаганду. И при этом словно забывали, что высшее военное командование рейха пользовалось точно таким же методом, когда в 1917 г. разрешило Ленину проезд через Германию, а затем поддерживало антивоенную агитацию большевиков.¹⁰

Консервативный немецкий публицист, критик Гитлера, Герман Раушнинг утверждал, что общество времен Веймарской республики находилось в состоянии своего рода делириума. Национальное самолюбие было уязвлено версальским договором, и немцы перестали адекватно реагировать на действительность. Словно в истерике общество металось из одной крайности в другую.¹¹

Как и немцы в 1918 г., многие россияне чувствуют себя сегодня «побежденными победителями». Вспомним, что в 1918 г. Германия отказывалась называть себя побежденной нацией. Чрезвычайной популярностью пользовался тогда лозунг „Im Felde unbesiegt“ («На поле боя не побеждена»). Намекалось, что победа в последний момент была кем-то украдена. Сходное чувство «украденной победы» распространено сейчас и в России. Поэтому не стоит удивляться, что иммунитет коммунистов к идеям правых экстремистов неуклонно ослабевает. Неудивительно и то, что радикальные антидемократы слева и справа легко находят общий язык. К примеру, лидер Российской коммунистической рабочей партии Виктор Анпилов, в отличие от классиков марксизма-ленинизма, считает величайшим врагом трудящихся не финансовый капитал, а «мировой сионизм». По его словам, «сионизм угнетает весь мир, и особенно он ненавидит Россию и

¹⁰ Hahlweg W. Lenins Rückkehr nach Russland. Leiden, 1957; Zeman Z. Germany and the Revolution in Russia 1915-1918. London, 1958.

¹¹ Rauschning H. The Conservative Revolution. New York, 1941. P.VIII.

русский народ, стремится погубить их».¹² Совершенно так же объясняют происхождение мирового зла правые экстремисты. «Сионизм – это враг всего мира», – заявляет лидер движения «Память» Дмитрий Васильев.¹³

Руководитель Московского антифашистского центра Евгений Прошечкин говорит о том, что «произошла страшная вещь, произошел перелом в общественном сознании: фашизм – это хорошо. Выглядеть фашистом, нацистом – приятно, убедительно».¹⁴ Итак, табу нарушено.

Член президентского совета Юрий Карякин сообщил недавно о результатах социологического опроса: 30% россиян назвали Гитлера выдающейся личностью. По различным данным, в России выходит сейчас более 150 периодических изданий откровенно фашистского толка (статья была написана в 1994 году – Л. Л.).¹⁵

И все же маловероятно, чтобы организации, почти в открытую копирующие нацистов, оказались способны повлиять на массы. Ведь страна потеряла в войне против Третьего рейха 27 млн жизней. Больше шансов в борьбе за влияние на широкие слои населения, по-видимому, имеют праворадикальные партии нового типа. Такова «либерально-демократическая» партия Владимира Жириновского. И личность, и политическая карьера этого лидера кажется парадоксом. Ведь для большинства шовинистических и неоимпериалистических группировок в России неотъемлемым и едва ли не основополагающим признаком является истерический антисемитизм. Естественно, что еврейское происхождение Жириновского воспринимается ими как скандальное клеймо. Именно поэтому они ведут против него яростную борьбу. Крайне шовинистическая организация Русский национальный собор именует Жириновского «агентом сионизма». Такого же мнения придерживаются неофашисты Александра Баркашова и коммунистическая партия Виктора Анпилова. Писатель Лимонов, прежний соратник Жириновского, считает недопустимым, чтобы еврей выступал выразителем национальных интересов России: «Нерусский русский националист – извращение. Это уж слишком... Отчего бы человеку, намеревавшемуся сделать карьеру в еврейском движении, не стать главой русского национального движения, а там, глядишь, и президентом России националистической? Но нет, мы не пустим его. Нельзя».¹⁶

Но публика осталась глуха к заклинаниям Лимонова. Партия Жириновского – единственная праворадикальная партия в России, которой удалось осуществить прорыв к широким массам.

В то время как «патриоты» не могут примириться с происхождением Жириновского, демократы считают смертельной опасностью его политическую

¹² Сироткин В. Национал-большевизм//Московские новости 1994. № 20. С. 11 А.

¹³ Москва–Иерусалим. 5/1994. С.5.

¹⁴ Респектабельность фашизма//Москва–Иерусалим 4/1994.

¹⁵ Фашистам пока спать спокойно//Московские новости 1994. №23. С.7.

¹⁶ Лимонов Э. Извращение национализма//Новый взгляд. 1994. №.34. С.1.

демагогию. Они подчеркивают, что новый геополитический передел мира, прокламируемый Жириновским, приведет к очередной опустошительной войне.¹⁷ Эти предостережения тоже остаются без ответа. В стране, всего лишь полвека назад пережившей самую ужасную войну в новейшей истории, около 12 млн избирателей проголосовали за поджигателя новой войны.

Выходит, что Жириновский – фашист? Национал-социалист? Сам он решительно отвергает подобные обвинения. Когда Егор Гайдар назвал его фашистом, Жириновский подал в суд – и выиграл процесс. Сам он повторяет, что никто не должен подвергаться дискриминации из-за своей национальности и что не существует низших и высших рас. Гитлера вождь ЛДПР подвергает суровой критике за экстремизм: по его словам, Гитлер дискредитировал положительную в своей основе идею национал-социализма своим расизмом, равно, как и стремлением к мировому господству.¹⁸ В то же время Жириновский, никак этого не подчеркивая, повторяет отдельные пункты гитлеровской программы, а также некоторые тактические приемы национал-социалистов. Он, к примеру, подобно Гитлеру, не выступает как ревизионист старого стиля, он хочет не просто восстановить былые границы империи, но держит наготове новую геополитическую программу. Его концепция «последнего броска на Юг» сильно напоминает гитлеровскую программу завоевания жизненного пространства на Востоке, а злобные тирады против тюркских народов перекликаются с презрительными высказываниями Гитлера о славянах.

Структура Либерально-демократической партии России приближается к структуре Национал-социалистской рабочей партии Германии. Жириновский превратил ЛДПР в вождистскую партию классического праворадикального типа. И в программах, и в тактических вопросах решающее слово – за председателем партии. И наконец, пожалуй, самая опасная параллель: после провала Мюнхенского путча в ноябре 1923 г. Гитлер понял, как легче всего победить молодую, еще не окрепшую демократию – не прямым насилием, а с помощью избирательного бюллетеня. Некоторые радикальные антидемократы веймарского периода высмеивали намерение фюрера осуществить «легальную революцию» путем выборов.

Итальянский писатель и публицист Курцио Малапарте – горячий приверженец Муссолини – в 1931 г. назвал Гитлера карикатурой на дуче. Завоевание государства для Гитлера означает лишь завоевание рейхстага, иронизировал Малапарте, полагая, что отказавшись от насилия, вождь национал-социалистов изменил революционному духу своих соратников.¹⁹ Малапарте не сумел распознать разрушительную силу этой тактики. На самом деле Гитлер выбрал наиболее действенное средство, чтобы нанести парламентскому государству смертельный удар.

¹⁷ Гайдар Е. Ставка на негодяев//Известия 17.5.1994. С.3.

¹⁸ Жириновский В. Последний бросок на юг. М., 1993.

¹⁹ Malaparte C. Technik des Staatsstreiches. Leipzig, 1932.

Сходным образом критикуют Жириновского «за легализм» некоторые представители так называемой «непримиримой оппозиции». Но после полного провала двух попыток путча – в августе 1991 г. и в октябре 1993 г. Жириновский осознал, что есть куда более действенные методы для того, чтобы пустить под откос действующую систему. Он полностью сосредоточил все силы на предвыборной борьбе, причем выяснилось, что как демагог он намного превосходит своих соперников, включая коммунистов (статья была написана в 1994 году – Л. Л.), – еще одна устрашающая параллель с Гитлером.

Только демократия дает фашизму возможность всплыть на поверхность, расцвести. Однако фашизм угрожает лишь неопытной и нестабильной демократии, которой еще не удалось укорениться в общественном сознании. В созданной на руинах гитлеровского рейха Второй германской республике появилось понятие „wehrhafte Demokratie“ («оборонеспособная демократия»). Для такой демократии борьба с экстремизмом является своего рода категорическим императивом.

В России же, демократическая идея, недавно казавшаяся непобедимой, почти полностью утратила свою привлекательность, и ее поборники судорожно ищут новое лицо, новую идентичность. При этом они все чаще обращаются к этатистским и имперским идеям, нередко прибегая к лексике своих экстремистских оппонентов. Демократы явно утратили инициативу в политическом споре, и этот факт не менее тревожен, чем развал экономики и поляризация общества. Соседям и партнерам России особенно, после начала войны в Чечне, все труднее отличить высказывания представителей правительства от заявлений «непримиримой оппозиции». Нелишне вспомнить еще раз опыт Веймарской республики. Не только нацисты твердили тогда, что Германия ущемлена, что версальский «диктат» отдаст ее в рабство державам-победительницам. Подобными выражениями уснащали свои заявления почти все политические группировки страны.²⁰ Пронацистские идеи витали в воздухе совершенно так же, как сейчас идеи Жириновского в России.

(Статья была опубликована в 1994 г., вскоре после победы Жириновского на парламентских выборах в декабре 1993 г. Хотя некоторые, высказанные здесь опасения не подтвердились. Однако это не касается идейных установок лидера Либерально-Демократической партии. Хотя Жириновский в апреле 2022 г. скончался, «идеи его живут» и в немалой степени влияют на политический дискурс сегодняшней России – Л. Л.).

Расширенная версия статьи, опубликованной 19.11.1994 г. в газете «Франкфуртер Альгемейне Цейтунг»

²⁰ См. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968; Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.

IV. От «управляемой демократии» к автократии – эволюция путинского режима

IV. 1. Был ли распад СССР неизбежен? Замечания по поводу одного спора¹

Несмотря на то, что Михаил Горбачев и борцы за «управляемую демократию» в нынешней России воплощают почти противоположные политические ориентации, есть всё же пункт, в котором они едины: Советский Союз, по их мнению, был вполне жизнеспособен, а его роспуск представляет собой волюнтаристский акт.

Горбачев видит главного виновника распада Советской Федерации в своём внутривнутриполитическом противнике Борисе Ельцине: «(Российское) руководство тяготеет Центром», - сказал Горбачев в своём интервью 12 декабря 1991 года.² В воспоминаниях, опубликованных в 1995 году, он добавил: «Решающим фактором распада СССР явилось поведение не Прибалтики, а России».³

Администрация Обамы копирует в отношении России политику Рональда Рейгана?

Но для команды Путина виновным в том, что вторая по силе мировая держава вынуждена была сойти с политической арены, является «вечный враг России» - Запад. В таком смысле высказался недавно близкий к Кремлю политолог Сергей Караганов. Для него политика администрации Обамы в отношении России – это копия политики Рональда Рейгана, преследовавшего цель «(развала) СССР. Тогда была Польша с «Солидарностью» (...). Теперь - Украина. (...) Снова попытка снизить нефтяные цены (...). В рейгановские времена – «империя зла» и санкции. Теперь – безудержная сатанизация образа Путина и нескрываемая нацеленность ... на ... 'смену режима'».⁴

Но оба заявления, как Горбачева, так и Караганова, совершенно не убедительны. Причины распада Советского Союза заключались не в волюнтаризме каких-то определённых политиков, а в глубинных процессах,

¹ Расширенная версия статьи опубликованной 10.2.2015 в интернетном журнале *The European*.

² В Политбюро ЦК КПСС. По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С.738.

³ Gorbatschow M. Erinnerungen. Berlin, 1995. P.503.

⁴ Караганов С. Переломный год: Предварительные итоги// Русская мысль 1/2015. С.20-21.

наметившихся уже давно. Многие наблюдатели на Востоке и на Западе указывают на взрывную силу национальных движений на окраинах СССР, которые существенно ускорили процесс распада Советского Союза. Но всё же нерусские народности едва ли были в состоянии в одиночку привести к распаду империи.

В своей борьбе против коммунистического Левиафана они нуждались в мощном союзнике, которым могла стать лишь сама Россия – центр империи. Здесь речь идёт не только о российском руководстве во главе с Борисом Ельциным, как это утверждает Михаил Горбачев, а о широких слоях российского населения. Без отказа самой активной части российского общества от доктрины, которая идеологически легитимировала Советскую Федерацию, отделение нерусской периферии от центра было бы немыслимо.

Уже царская империя развалилась потому, что народ перестал её поддерживать

До некоторой степени процессы 1989–1991 года сходны с процессами в 1917 году. Распад царской империи был возможен только потому, что широкие массы российского населения отвернулись от тогдашней правящей системы. Устрашающая пустота, окружавшая царский трон во время революции 1905 года и в феврале 1917 года, показала, что династия Романовых потеряла какую бы то ни было опору у своих подданных. Не удивительно, что царский режим оказался самым слабым звеном в цепи воюющих держав и развалился первым, не справившись с вызовами Первой мировой войны.

Спустя 70 лет, когда Михаил Горбачев попытался демократизировать страну и отказался от догмы о непогрешимости КПСС, оказалось, что коммунистическая идея, придававшая легитимность возникшему в октябре 1917 года советскому государству, была дискредитирована в глазах большинства населения так же, как и вера в царя в начале 20-го века.

Когда 19 августа 1991 года коммунистические догматики попытались остановить процесс реформ и насильно повернуть вспять колесо истории, они потерпели полное поражение, и это несмотря на тот факт, что они неограниченно контролировали все рычаги власти в стране. В отличие от 1917 года, они чувствовали, однако, что история не на их стороне.

„Революции становятся неизбежными, если власть вызывает уже не страх, а смех и презрение“

Утрата веры в собственные идеалы и в историческую легитимность собственной власти парализовала доселе несокрушимую волю к власти коммунистов. Трясущиеся руки формального главы ГКЧП Геннадия Янаева на пресс-конференции 19 августа 1991 года символизировали нечистую совесть заговорщиков. Вновь вытащенный на свет старый коммунистический жаргон звучал после шести лет гласности так, как будто заговорило привидение

Русский историк и политический деятель Павел Милюков однажды заметил, что революции становятся неизбежными тогда, когда активность авторитарных правителей вызывает уже не страх, а только насмешку и презрение. Исходя из этого, 19 августа 1991 года революционная ситуация была налицо. Коммунисты выглядели такими же беспомощными, как в своё время их демократические оппоненты, которых они с такой легкостью прогнали с российской политической сцены в октябре 1917 года.

Один из главных действующих лиц большевистского переворота в октябре 1917 года, Лев Троцкий, цитирует в своей «Истории русской революции» французского писателя Клода Ане, который сказал, что правительство Керенского было свергнуто ещё до того, как оно само это заметило. Нечто подобное можно сказать и о Государственном комитете по чрезвычайному положению, который был создан путчистами 19 августа 1991 года.

Распад Советского Союза как «коварный заговор»?

Обо всех этих перипетиях в кругах нынешних российских «национал-патриотов» никто не хочет вспоминать. Они торжествуют по поводу включения Крыма в РФ. Для них это событие представляет собой первый шаг на пути как минимум частичного пересмотра результатов встречи в Беловежской Пуще в декабре 1991 года, принявшей тогда решение о роспуске Советского Союза. Они рассматривают эту встречу как коварный заговор заклятых врагов Российской империи, которые стремились разрушить Россию как великую державу по указке Запада. Эта легенда об «ударе ножом в спину» имеет поразительное сходство с той, которая возникла в Германии сразу после окончания Первой мировой войны и сильнейшим образом отравила политическую культуру Веймарской республики.

Российские «национал-патриоты», точно так же, как и правые круги в Веймарской республике, не могут смириться с утратой гегемониальной позиции своей империи. Крах обеих империй изображается как результат рафинированной интриги западных демократий. Якобы в «открытой и честной»

борьбе западные страны не могли победить своих противников. Поэтому они прибегли к «коварным» средствам психологической войны. Развернув пропаганду так называемых «западных ценностей», они-де сначала выхолостили советский колосс, а затем и свалили его. При этом ни словом не упоминается, что Советский Союз со своей стороны десятилетиями пытался подорвать западные демократии с помощью коммунистической пропаганды (См. главу III. 1. в этой книге – Л. Л.

„Величайшая геополитическая катастрофа XX-го века“?

Но вернёмся обратно, к борцам за имперский ренессанс в современной России. Демонизируя беловежскую встречу, они недооценивают тот факт, что у советской империи не было шанса пережить КПСС, потерявшую власть и полностью дискредитировавшую себя после августовского путча. Ибо Советский Союз мог существовать, только опираясь на идеологию пролетарского интернационализма.

Крах КПСС, которая была носительницей этой идеологии, стал, в сущности, последним ударом для СССР, ибо вместе с ней исчезли важнейшие мировоззренческие и организационные скрепы, сохранявшие до тех пор целостность Советского Союза.

Владимир Путин, который в апреле 2005 года назвал распад СССР «величайшей геополитической катастрофой 20-го века», по всей видимости стремится к тому, чтобы восстановить советскую империю, хотя бы в новом облики. Однако его неоимперский проект в корне отличается от советской модели, а именно, его русоцентризмом.

В имперской программе Путина отсутствует интернационализм

Несмотря на то, что большевизм всё больше и больше русифицировался, его интернационалистическая составляющая всё же никогда не переставала накладывать свой отпечаток на его сущность, даже в сталинскую эпоху.

В имперской программе Путина, напротив, интернационалистическая составляющая почти полностью отсутствует. Имперский конструкт, к созданию которого он стремится, по сути, представляет собой увеличенную Россию, опирающуюся за пределами Российской Федерации прежде всего на русскую диаспору. Не удивительно, что этот проект Кремля вызывает большой страх во всём регионе.

Таким образом, русоцентризм обнаруживает себя как в высшей степени шаткий фундамент для имперских планов Путина. Это, между прочим, уже было

предсказано в 1927 году Николаем Трубецким, одним из основоположников возникшего в русской эмиграции евразийского движения. Уже в то время он констатировал: Время единовластного господства русских в Российской империи ушло безвозвратно.⁵

Авторизованный перевод с немецкого Ларисы Лисюткиной

⁵ Трубецкой Н. Общевразийский национализм// Евразийская хроника 9/1927. С.24-60.

IV. 2. Трагизм реформаторов - по поводу убийства Бориса Немцова¹

Российская история полна роковых параллелей. Что мы можем узнать из истории о покушении на российского оппозиционного политика Бориса Немцова?

За два дня до демонстрации, которую планировали провести в Москве представители оппозиции, был убит её организатор Борис Немцов, символическая фигура российского демократического движения. Это убийство в своих существенных чертах произошло по сценарию, созданному почти 150 лет назад одним из отцов революционного терроризма в царской России – Сергеем Нечаевым. Но тогда у социальных актёров были противоположные роли: сторонники реформ находились в правительстве, а их противники в оппозиции. В своём «Катехизисе революционера» (1869) Нечаев писал: «Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых, может навести наибольший страх на правительство, и, лишив его умных и энергических деятелей, потрясти его силу.»²

В духе Нечаева действовала созданная в 1879 году подпольная революционная организация «Народная воля», главной целью которой было убийство царя Александра II, который начал осуществлять в России гигантской проект реформ и вошёл в историю как «царь-освободитель». Но «Народная воля» была заинтересована не в реформах, а в полном уничтожении существующей системы, поэтому либеральный царь стал для неё основным объектом ненависти, а его убийство — самой важной целью. Следуя Нечаеву, «Народная воля» хотела таким образом отнять у государства его «самого энергичного и умного деятеля». Она устроила настоящую охоту на царя. Шесть покушений оказались неудачными, а седьмое — 1 марта 1881 года — принесло террористам желаемый успех (см. на эту тему главу I. 1. в этой книге – Л. Л.).

Спустя сорок лет похожее развитие событий произошло в молодой, сотрясаемой кризисами «первой немецкой демократии». Она теряла свои опоры одну за другой вследствие покушений, инициаторами которых были на сей раз люди не из лево-, а из праворадикального лагеря. Они тоже, подобно прилежным ученикам Нечаева в царской империи, хотели отнять у отвергаемого ими

¹ Немецкий оригинал этой статьи был опубликован в интернетном журнале «The European» (5.3.2015) - печатается с некоторыми изменениями

² Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. Ред. Е. Л. Рудницкая. М., 1997.

государства «его самых энергичных и самых умных деятелей». Особенно сильным потрясением стало для неокрепшей ещё Веймарской республики убийство её министра иностранных дел Вальтера Ратенау в июне 1922 года. Томас Манн писал тогда в одном из своих писем: «Конец Ратенау был для меня тяжелым шоком. Какой мрак в головах (его убийц)». А в своей речи, посвящённой памяти убитого политика, говорил о невосполнимой потере, которая нанесена Германии.³

«Вторая» русская демократия, созданная в августе 1991 года после поражения коммунистического путча, обнаруживала немалое сходство с Веймарской республикой. Она тоже постоянно испытывала угрозу реванша со стороны элит, ранее лишённых власти. Несгибаемые борцы за новую государственность и тут тоже становились жертвами покушений с политическими мотивами. К самым известным из них относится петербургский депутат Госдумы Галина Старовойтова, неутомимо боровшаяся за установление в стране правового государства. За это 20 ноября 1998 года ей пришлось поплатиться жизнью.

Непростительной ошибкой российских демократов Старовойтова считала то, что они в недостаточной степени использовали свою победу в августе 1991 года. Именно тогда, по её мнению, существовала уникальная возможность сменить или радикально обновить старый аппарат власти, пока он еще находился в шоке. Но этого не произошло, и старые структуры получили передышку для новой консолидации. Если бы в августе 1991 года победили коммунисты, они бы не проявили такого великодушия в отношении своих демократических оппонентов, считала Старовойтова.⁴

Установленная Владимиром Путиным в 2000 году «управляемая демократия» воплощает собой реванш лишенных в августе 1991 года власти элит, которого боялась Старовойтова. Демократы, довольно быстро растерявшие свой капитал доверия, полученный в августе 1991 года, всё больше вытеснялись на периферию политических событий и не представляли, казалось бы, никакой опасности для властного истеблишмента. Но, невзирая на это, их активность до сих пор вызывает у властей панический страх. Описывая опасности, угрожающие стране, они уделяют небольшим демократическим группировкам не меньше внимания, чем столь опасному по их мнению НАТО. Это находит своё отражение и в принятой недавно российской военной доктрине (статья была написана в 2015 г. – Л. Л.). В параграфе 13 в ней говорится о внутривнутриполитических опасностях, якобы создающих угрозу для обороноспособности страны. Сюда относится и «деятельность по информационному воздействию на население. В первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества». Итак, любое сомнение в

³ Mann Th. Essays. Vol. 2. Frankfurt/Main, 2001. P. 217.

⁴ Литературная газета 19.8.1992.

картине исторического прошлого, спущенной сверху, рассматривается авторами военной доктрины как посягательство на обороноспособность страны.

В своей речи по поводу включения Крыма в состав Российской Федерации российский президент ясно дал понять, что он находится под сильным впечатлением от «патриотического настроя» своих соотечественников, безоговорочно поддержавших правительственный курс. А западным политикам, желающим подтолкнуть Москву к изменению политического курса санкциями и перспективой обострения внутривнутриполитических проблем в стране Путин бросил в лицо слова: «Хотелось бы знать, что они имеют в виду: действия некой пятой колонны – разного рода «национал-предателей» – или рассчитывают, что смогут ухудшить социально-экономическое положение России и тем самым спровоцировать недовольство людей?»

С тех пор в государственных российских СМИ все шире используются понятия «пятая колонна» и «национал-предатели». Они непрестанно звучат в адрес небольшой группы критиков режима, предостерегающих кремлёвское руководство от роковых последствий политики в отношении Украины. Борис Немцов, один из самых известных деятелей оппозиции, подвергался наиболее злобным нападкам со стороны верных режиму пропагандистов. Пока ещё нельзя сказать, кто убил Бориса Немцова, единодушно подчёркивают правозащитная организация «Мемориал», известный правозащитник Сергей Ковалёв и многолетний сподвижник Немцова, Гарри Каспаров. Но все предпосылки для этого убийства были порождены той атмосферой ненависти, которую создавали кремлёвское руководство и официальные СМИ.

У Немцова была полная ясность относительно риска, которому он себя подвергает своей резкой критикой политического курса правительства. Критически настроенной к кремлевскому руководству «Новой газете» он дал в апреле 2014 года интервью, которое можно рассматривать как политическое завещание лидера оппозиции. В нём есть такие слова: «Надо понимать, что ... заставить меня замолчать (они) не смогут, просто не смогут.... Но то, что они способны на все и я обязан это учитывать – это точно».⁵

В этом интервью Немцов говорил не только о своём политическом будущем, но и о будущем своего самого главного политического противника: «Тактически Путин выиграл: ... его рейтинг вырос до небес, всеобщая истерика, эйфория даже. А стратегически он проиграл все».⁶

Последствия этой стратегической ошибки будут самыми тяжёлыми, – продолжил Немцов свои доводы. Для России это повлечёт за собой потерю рынков в Европе и в Америке, экономические потрясения, безработицу и нарастающую технологическую отсталость. Надежду Кремля на то, что Китай скомпенсирует утрату западных рынков, Немцов считал иллюзией. Своим

⁵ Немцов Б. Не вижу никаких оснований менять позиции в связи с угрозами//Новая газета 2.3.2015.

⁶ Там же.

монопольным положением Китай воспользуется для того, чтобы максимально снизить цены на российские энергопоставки. Помимо этого, сильная зависимость от Китая представляет большую опасность для территориальной целостности России. Общеизвестны масштабные территориальные притязания Пекина на Сибирь и российский Дальний Восток.

Немцов был убеждён, что Путин знает обо всех этих опасностях. Но тогда почему же он решился на столь рискованную для России политику? Немцов даёт однозначный ответ на этот вопрос. Для Путина речь не идёт о защите интересов русских в Крыму. Все заявления президента по этому поводу – это чистое фарисейство. Путина интересует, в сущности, только одно – «укрепит (ли это его) власть... или нет?». Такой итог подводит один из самых известных критиков российского президента.

Немцов понимал, что в стране его позиция не популярна: «(Но) надо занимать не популярную позицию, а честную, надо говорить правду, даже если она многим не нравится».⁷

Здесь ведущий оппозиционер затрагивает одну из самых важных проблем в своей стране. Как и в советское время, поиск истины в современной России представляет собой не абстрактную философскую проблему, а центральный вопрос существования российского общества, от которого в решающей мере зависит и его будущее. Девиз «Жить не по лжи», провозглашённый в 1974 году Александром Солженицыным, вновь актуален в стране, ввиду повсеместных пропагандистских кампаний в подвластных государству СМИ. Острота этой проблематики была сформулирована российским политологом Владимиром Пастуховым вскоре после убийства Немцова в упоминавшейся выше «Новой газете»: «Кого бы власть сегодня не назвала убийцей, ... ей уже никто не поверит. Даже если она вдруг скажет правду. Режим так изолгался, так себя скомпрометировал за последние десять лет, что слово его перестало что-либо значить. В обществе, где информация полностью заменена пропагандой, нет больше различия между правдой и ложью».

Авторизованный перевод с немецкого Ларисы Лисюткиной

⁷ Там же.

IV. 3. «Смерть надежды» - о гибели Алексея Навального

Смерть Алексея Навального потрясла как мировую общественность, так и российских сторонников этого негибнущего критика кремлевского режима: "Надежда сегодня умерла. Мы все ее убили" - эти слова можно было прочесть в российских социальных сетях вскоре после смерти Навального. А другой соотечественник Навального добавил: "Навальный умер, потому что мы были недостойны его".

Эти слова отражают бессилие и безнадежность российских оппозиционеров.

Поскольку после 24 февраля 2022 года путинская диктатура приобрела тоталитарный характер, она, как и все другие тоталитарные режимы, пытается полностью атомизировать общество и разрушить все организационные связи, которые не контролируются государством. Навальный уже упомянул эту тактику в одной из своих судебных речей в 2021 году: "Это самое главное, что аппарат власти, что вся наша система хочет сказать (критикам режима): "Ты один. Ты - одиночка". Сначала внушить страх, а потом показать, что ты один".

Три года назад, как тогда казалось, дела обстояли иначе. Тогда (в конце января 2021 года) по всей стране проходили акции протеста против произвольного заключения Навального, который, несмотря на многочисленные предупреждения, решил вернуться в Россию.

Тоталитарное наследие России

Эти протесты, напоминающие массовые протесты против фальсификации выборов в Госдуму в декабре 2011 года, вселили в некоторых критиков режима большие надежды:

"Мы сейчас живем в другой стране", - писал один из самых известных оппозиционных политиков Леонид Гозман в конце января 2021 года в "Новой газете", размышляя о последствиях массовых акций сторонников Навального. Глава института изучения общественного мнения "Левада-центр" Лев Гудков был настроен более скептически. 3 февраля 2021 года на портале "Либеральная миссия" он написал следующее:

"Тонкий слой сопротивляющегося меньшинства... не меняет принципиальную структуру взаимодействия государства и населения. Пока эта тематика — массовая основа консерватизма и повседневней тепрпимости к насилию — не будет ...осмыслена (как в свое время это было сделано в отношении нацизма

(в Германии – Л.Л.), никакие движения протеста не изменят ситуации в обществе, не могущего преодолеть свое тоталитарное прошлое".¹

Сравнивая борьбу с тоталитарным наследием в послевоенной Германии и в постсоветской России Гудков недостаточно учитывает следующее обстоятельство. Тот факт, что в западной части Германии после беспримерной цивилизационной катастрофы 1933–1945 годов удалось создать самую стабильную в истории страны демократическую систему, был неразрывно связан с планом Маршалла и другой помощью со стороны государств свободного мира. Не менее важной в этом контексте была постепенная интеграция Федеративной Республики в экономические структуры и структуры безопасности Запада. Прозападно ориентированные группы в постсоветской России, которые в начале 1990-х годов все еще доминировали в российском политическом классе, также стремились к сближению России с Западом. Однако по ряду причин эта цель не была достигнута. В результате противостояние с тоталитарным наследием в постсоветской России происходило в совершенно иных условиях, чем в Федеративной Республике. Это стало одной из причин того, что "вторая" российская демократия, основанная в августе 1991 года, спустя примерно девять лет сменилась "управляемой демократией" Владимира Путина. И одной из важнейших целей нового кремлевского правителя была отмена результатов августовской революции 1991 года (российского "Майдана"). Атаки властного аппарата были направлены прежде всего против символических фигур российского гражданского общества, которые в силу своей популярности воспринимались режимом как крайне опасный вызов. К таким символическим фигурам сопротивления в первую очередь относились Борис Немцов и Алексей Навальный. Пропагандистский огонь подконтрольных Кремлю СМИ был направлен в первую очередь против этих двух несгибаемых борцов за "другую Россию".

Борис Немцов и Алексей Навальный

Режим смог пережить покушение на Немцова 27 февраля 2015 г. без особых последствий (см. статью «Трагедия реформаторов...» в этой книге). Не в последнюю очередь это произошло потому, что аннексия Крыма в марте 2014 года, против которой решительно протестовал Немцов, была безоговорочно одобрена большинством населения и значительно повысила популярность Путина, подпорченную после вышеупомянутых протестов 2011/2012 годов. Неужели смерть Навального также не будет иметь ощутимых последствий для власть имущих? И это несмотря на то, что ситуация 2024 года сильно отличается от той в 2015 году. Оккупация Крыма прошла для российских вооруженных сил

¹ Гудков Л. Как мы живем//Фонд Либеральная миссия 3.2.2021.

почти безболезненно. Они не встретили там значительного сопротивления. Теперь же Россия уже два года ведет агрессивную войну против своего западного соседа, войну которая, по оценкам многих военных экспертов, уже унесла более 300 000 убитых и тяжелораненых солдат только с российской стороны (статья была написана в феврале 2024 г. – Л. Л.).

Каким было отношение Навального к Украине? Изначально оно существенно отличалось от позиции Бориса Немцова. Последний, как известно, самым решительным образом осудил аннексию Крыма в марте 2014 года. Навальный же в 2014 году придерживался мнения, что Крым должен быть присоединен к Российской Федерации, пусть и после нового, "подлинного" референдума. Также и по ряду других вопросов Навальный первоначально занимал явно националистические позиции, что сбивало с толку многих русских либералов. Однако постепенно Навальный начал менять свою точку зрения в этих вопросах и высказываться в пользу территориальной целостности Украины. Уже из тюрьмы он не раз решительно осуждал начавшееся 24 февраля 2022 г. широкомасштабное нападение России на Украину.

Эффект Маттеотти?

По мнению некоторых наблюдателей, режим переживет смерть Навального невредимым, поскольку он полностью контролирует запуганное и в значительной степени недееспособное общество и способен пресечь любые оппозиционные движения в зародыше. Однако не стоит забывать, что в истории некоторых диктатур случались неожиданные повороты, к которым они были относительно плохо подготовлены. Один из таких поворотов произошел, например, в фашистской Италии после убийства депутата-социалиста Джакомо Маттеотти, который был одним из самых радикальных противников фашизма. Возмущение, с которым итальянская общественность отреагировала на убийство Маттеотти (10 июня 1924 года), застало фашистское руководство врасплох. Италия уже более трех лет привыкла к политическим убийствам. Фашистский террор запугивал оппозиционные партии и всю итальянскую общественность. Однако убийством Маттеотти фашисты нарушили чувство справедливости многих итальянцев настолько, что возмущение этим актом вытеснило прежнюю покорность и страх. Возможно, протест против убийства Маттеотти был столь яростным еще и потому, что за ним стояли годы бессильного отступления перед лицом насилия. В какой-то степени этот протест компенсировал предшествующие годы бессилия.

Сразу после убийства Маттеотти итальянский коммунист G. Nicci описал внезапную перемену настроений в итальянской общественности: «Неприятие фашизма, которое до вчерашнего дня выражалось в молчании, теперь выливается в публичные демонстрации... Различные группы оппозиции теперь используют

язык, который они не осмелились бы использовать еще несколько дней назад. Приходится задаваться вопросом, а не является ли это пресловутой последней каплей, которая переполнила чашу общественного терпения».²

Не приведет ли смерть Алексея Навального к своеобразному "эффекту Маттеотти" в России? Только время покажет.

Сокращенная версия колонки, опубликованной в интернет-журнале "DieKolumnisten" 19 февраля 2024 года.

² Nicci G.//Internationale Pressekorrespondenz 21.6.1924. Nr. 25. P.556.

IV. 4. О крушении российских и советских "гегемонистских проектов"

Около 170 лет назад началась Крымская война, положившая конец почти сорокалетней гегемонии России в Европе. Российские, соответственно советские, гегемонистские проекты также потерпели крах в XX веке. Несмотря на это, нынешнее российское руководство вновь пытается осуществить свой гегемонистский проект. Есть ли у этого стремления Путина и его окружения восстановить пошатнувшиеся гегемонистские позиции страны шансы на успех?

1815 год против 1945-го

Обстановка в Европе непосредственно после Второй мировой войны напоминала ситуацию после поражения Наполеона. Россия, а точнее СССР, вновь стала сильнейшей европейской державой, как и после 1815 года, и воспринималась как потенциальный мировой завоеватель. Многие европейцы восхищались дальновидностью таких мыслителей, как Алексис де Токвиль, Хуан Доносо Кортес и Астольф де Кюстин, которые еще в середине XIX века предсказывали великое и угрожающее Западу будущее России. Тот факт, что некоторые из этих предсказаний были основаны на ложных предпосылках, обычно упускался из виду. Например, вера Токвиля, Доносо Кортеса и других мыслителей в будущее значение России коренилась в их глубокой убежденности в том, что Запад находится в необратимом упадке и у него нет сил для обновления. Эти авторы смешивали упадок аристократической Европы с общим кризисом Запада как такового. Их прогнозы практически перескакивали столетие. В их предсказаниях не упоминались ни вторая промышленная революция, ни стремительная урбанизация и модернизация западной части континента. Эти процессы, казалось, толкали Запад совсем в другую сторону, чем предсказывали пессимистичные мыслители середины XIX века. Тем не менее, спустя сто лет Запад вновь оказался в, казалось бы, в том же положении, в котором он был в середине XIX века. Весь этот век теперь рассматривался многими авторами лишь как некий обходной путь, в котором Европа, по сути, лишь на время смогла избежать, казалось бы, неизбежной судьбы, и эта судьба называлась русской или советской угрозой.

Сегодня нет нужды доказывать, что подобная точка зрения недооценивала возможности развития Запада и переоценивала возможности России или СССР. В чем же причина такого искаженного восприятия отношений между Востоком и

Западом? Сначала я рассмотрю этот вопрос на примере российской гегемонии в период между Венским конгрессом и Крымской войной.

Британские страхи

В Великобритании, которая очень чувствительно относилась к вопросам европейского равновесия, смещение баланса сил в пользу России после поражения Наполеона вызвало большую озабоченность. В 1815 году английская газета "The Eclectic Review" писала, что Российская империя по своим размерам превосходит все империи, которые когда-либо видел мир. Это колоссальное территориальное расширение царской империи рассматривалось как беспрецедентный вызов.

Однако опасения Лондона не разделялись многими другими европейскими правительствами сразу после поражения Наполеона. В то время в Европе все еще был распространен страх перед возрождением революции. Поэтому некоторые европейские кабинеты рассматривали Россию с ее консервативной системой правления как одного из важнейших гарантов послереволюционного порядка. «Священный союз», созданный 26 сентября 1815 года с целью сохранения старого порядка против революционных вызовов, рассматривал Россию как свою важнейшую опору. Не в последнюю очередь по этой причине европейские либералы и демократы объявили царскую империю своим главным противником. Отношение европейских консерваторов к России, напротив, было скорее положительным примерно до середины века, за некоторыми исключениями.

Изоляция России в либеральной европейской общественности поначалу не имела прямых политических последствий. Журналистские словесные баталии не подкреплялись соответствующими действиями со стороны правительств. Союз трех консервативных держав (Россия, Австрия, Пруссия) оставался относительно прочным до 1848 года, несмотря на некоторые разногласия. Их объединял общий страх перед революцией. Гегемония России, по крайней мере в Центральной и Восточной Европе, казалась неоспоримой. В этом был убежден и Санкт-Петербург. В 1850 году министр иностранных дел России Нессельроде сказал следующее: после 1814 года положение России никогда не было столь прочным, как сейчас. Однако реальная ситуация в то время была уже совершенно иной. Не в последнюю очередь из-за процессов, которые инициировала революция 1848 года.

Генезис Крымской войны

Несмотря на неудачу, европейские революции 1848/49 годов создали в Европе совершенно новый политический климат, который требовал совершенно новой техники управления. События 1848/49 годов привели к необычайной политизации масс; с этого момента правление без учета общественного мнения стало практически невозможным, несмотря на все попытки реставрации. Послереволюционные правительства, в том числе диктатуры, стремились проводить "популярную" политику. Тот факт, что царская империя была крайне непопулярна в глазах европейской общественности, теперь должен был повлечь за собой гораздо более опасные последствия для России, чем до революции. Помимо того, европейские правительства, как и западные общества в целом, стремились к тому, чтобы избавиться от пережитков патриархального строя, важнейшим оплотом которого казалась Россия. Многие представители прусского или австрийского правящих классов считали унижительным, что царь иногда вел себя так, словно их правители являлись всего лишь его наместниками. Они хотели как можно скорее освободиться от всепоглощающей тени гигантской восточной империи. В Берлине их крайне раздражало, что царь постоянно вмешивается во внутренние дела Германии ("Ольмюцкий договор" - ноябрь 1850 года). Взгляды прусских консерваторов из окружения братьев Герлах, которые говорили о легитимистской солидарности консервативных держав, уже в начале 1850-х годов воспринимались как анахронизмом. Министр иностранных дел Австрии фон Буоль считал таким же анахронизмом убеждение консервативных генералов, таких как Виндишгрец, что Австрия обязана России за ее помощь в подавлении венгерской революции 1849 года. Царь по-прежнему считал, что только европейская общественность, но не правительства, видит в нем тирана. Поэтому он чувствовал себя вполне уверенно, когда в начале 1853 года попытался присущими ему методами разрешить восточный вопрос, касающийся судьбы Османской империи. Однако эта попытка вызвала неожиданный для него эффект солидарности среди большинства важнейших европейских правительств и народов. Почти все они рассматривали царскую империю как угрозу европейской цивилизации.

После начала Крымской войны вскоре стало ясно, что опасения западноевропейцев по поводу превосходства России были сильно преувеличены. В период между Наполеоновскими войнами и Второй мировой войной ни одна война, направленная на восстановление равновесия сил в Европе, не проходила так легко. Противникам гегемонистской державы удалось победить ее лишь частью своих сил, без полной мобилизации своей мощи.

Возникновение и распад "внешней" советской империи

Только в 1945 году - после победы антигитлеровской коалиции над Третьим рейхом - вспомнились предсказания Токвиля и других европейских пессимистов. Внутренне разобщенный Запад, полный социальных и политических противоречий, теперь вновь казался слабее, чем диктаторски управляемый, монолитный российский/советский колосс. Тезис об увядающем Западе и динамичной России снова казался актуальным. Вновь, как и в 1815 году, заговорили о "всемогуществе" России/СССР. Тем более что московское руководство не испытывало особых проблем с контролем над своей новой сферой влияния, которая теперь простиралась до реки Эльбы. История западной периферии Восточного блока, возникшего в 1945 году, отнюдь не была цепью восстаний, как ее иногда изображают, не в последнюю очередь под впечатлением революционного 1989 года. Напротив, восстания, как правило, носили здесь эпизодический характер. Преобладало, наоборот, огромное стремление к конформизму, на которое десятилетиями жаловались противники режима в Чехословакии, ГДР и в некоторых других вассальных Москве государствах. Тот факт, что московскому руководству удалось создать достаточно эффективные механизмы контроля в своей новоприобретенной сфере влияния в 1944/45 годах, вызывает удивление, если учесть, каким незначительным меньшинством являлись там коммунисты в 1945 году – за исключением Чехословакии. В 1945 году американский дипломат и знаток России, Джордж Ф. Кеннан, например, высказывал мнение, что СССР вряд ли сможет справиться с расширением своей сферы влияния до Эльбы, а также предсказывал скорый крах его гегемонии. Поскольку Россия и советская империя значительно превысили свои традиционные сферы влияния в этой части Европы, предсказание Кеннана выглядело вполне правдоподобным. До 1914 года Польша была единственной страной в регионе, которая находилась под контролем России, и царской империи приходилось неоднократно мобилизовать все свои силы, чтобы покорять непокорную провинцию. В отличие от этого, за все время развития Восточного блока (1945–1989) был, по сути, только один подобный случай - венгерское восстание 1956 года. Интервенции в Восточном Берлине и Чехословакии (1953, 1968) прошли для Москвы гораздо более гладко. Только постыльтинская Польша - самое слабое звено «внешней советской империи», возникшей после 1945 года, - постоянно подрывала стабильность соцлагеря (1956, 1970, 1980/81). Тем не менее польская оппозиция до 1989 года так и не смогла свергнуть режим. Распад Восточного блока в 1989 году стал не столько результатом давления снизу, сколько следствием новой внешнеполитической концепции советского руководства, которое больше не считало целесообразным придерживаться доктрины Брежнева, постулировавшей ограниченный суверенитет государств Восточного блока.

До начала горбачевской перестройки советский режим был главной опорой догматиков в восточноевропейских государствах. Они всегда могли рассчитывать на него, когда не могли самостоятельно преодолеть внутренние кризисы, как, например, в Восточном Берлине в 1953 году, Будапеште в 1956 году или Праге в 1968 году. При Горбачеве, однако, эта опора начала постепенно исчезать. Именно эта смена парадигм в политике Москвы по отношению к восточноевропейским вассалам сделала возможными потрясения 1989 года. Попытка Горбачева ослабить жесткие бюрократические структуры коммунистических государств подорвала власть правящих элит гораздо сильнее, чем предыдущие массовые бунты или народные восстания. В конце концов, борьба с реальными или мнимыми врагами так называемой "диктатуры пролетариата" была повседневным делом для партий большевистского типа с 1917 года. Однако суть горбачевского "нового мышления" заключалась в том, чтобы заменить "концепцию друг-враг" политическим дискурсом. Реакция коммунистической бюрократии на эту смену парадигм во всех странах Восточного блока была, мягко говоря, крайне беспомощной. Как только бюрократы оказались вовлечены в свободный дискурс, в котором учитывались только лучшие аргументы, выявились их слабости и недостатки. Изначально предполагалось, что "гласность" и "перестройка" позволят коммунистическим режимам догнать экономически и технологически стремительно развивающийся Запад. Однако на деле эти процессы привели к распаду режимов "реально существующего социализма".

Почему распался Советский Союз?

То, что странам Восточной и Центральной Европы (Польше, ГДР, Чехословакии и Венгрии) удалось относительно мирно ликвидировать "реально существовавший социализм", кажется вполне объяснимым. Эти государства освободились от режимов, которые советские оккупационные власти навязала им в 1945 году. Важнейшим стратегическим резервом этих режимов были танки восточного гегемона. Однако отказ Горбачева от "доктрины Брежнева" лишил вассалов Москвы, о чем уже говорилось выше, их важнейшей опоры, и их режимы рухнули в одночасье. Однако подобное развитие событий в Москве изначально считалось едва ли мыслимым. Ведь, в отличие от Восточной Европы, коммунистический режим в России возник в результате революции по классическому образцу. Он пустил гораздо более глубокие корни, чем в Польше, Венгрии или ГДР. Однако советских коммунистов постигла почти та же участь, что и их восточноевропейских единомышленников. Им тоже не хватило воли к власти. СССР также распался практически бескровно.

Путинский "гегемонистский проект" и его слабые места

Владимир Путин, который в 2005 году назвал распад Советского Союза "величайшей геополитической катастрофой XX века", пытается пересмотреть "вердикт истории" от 8 декабря 1991 года. Как и у русских царей или советского руководства, у Путина есть свой собственный гегемонистский проект. Как и в случае с Николаем I или Сталиным, путинская концепция гегемонии также связана с признанием в любви к русской нации. Но с одним отличием. Хотя национально-консервативная идеология, сформулированная в 1830-х годах царским министром народного просвещения Сергеем Уваровым, с ее тремя основными столпами (Православие, Самодержавие, Народность) была решительно русоцентричной, политика царской империи того времени содержала и наднациональные компоненты, которые нашли свое выражение прежде всего в легитимистской идее защиты старого порядка перед лицом революционных вызовов. Не в последнюю очередь по этой причине царская империя была, как уже говорилось, весьма популярна в консервативных кругах на Западе.

Однако и у сталинских идеологов прославление русской нации было связано с одним «но». Они понимали, что "русской идеи" отнюдь не достаточно, чтобы держать вместе более чем 100 народов советской империи. Так называемая "русская идея" также не пользовалась особой популярностью ни у бесчисленных сторонников СССР на Западе, ни у освободительных движений в развивающихся странах. Они поддерживали Москву прежде всего потому, что она была центром "мировой революции", а не потому, что она пропагандировала универсальное значение русскости. Чтобы соответствовать всем этим идеологическим требованиям, советские лидеры должны были сохранять "интернационалистское лицо", несмотря на склонность к русоцентризму. В путинском же идеологическом конструкте подобные наднациональные элементы практически полностью отсутствуют. Несмотря на некоторые попытки Путина заручиться благосклонностью западных популистов или стран "глобального Юга", его важнейшей целевой группой является так называемый "русский мир". Это, в свою очередь, вызывает чрезвычайные опасения у многих постсоветских государств, на территории которых компактно проживают русские меньшинства (см. на эту тему также главу IV.1. в этой книге).

Крайне агрессивная и разрушительная политика Москвы в отношении Украины является для них тревожным сигналом. Особенно ярко эти опасения отражаются на примере Казахстана, который, наряду с Белоруссией, является одним из важнейших союзников Москвы в «Евразийском экономическом союзе». Националистически настроенные российские политики неоднократно выступали с заявлениями, описывая казахское государство как довольно искусственное образование и жаловались на русофобские тенденции в Казахстане.

Если российские сторонники неоимперского реванша направят свой экспансионистский курс также и на восток, например, в сторону Казахстана, то они попадут, по всей вероятности, в ловушку, которую они сами же и создали. Это еще раз подтвердило бы вердикт Бориса Немцова, который еще в апреле 2014 года сказал, что Путин - всего лишь тактик, а не дальновидный стратег (см. статью, посвященную Борису Немцову в этой книге). Однако в современной России сомневаться в "мудрости" кремлевского диктатора, как это сделал Немцов, весьма опасно. Лишь недавно директор московского Института США и Канады, Валерий Гарбузов, смог в этом убедиться, написав 29 августа 2023 года в московской "Независимой газете" следующее:

"Современная Россия ... испытывающая ностальгию по утраченному величию ... переживающая ... постимперский синдром... претендует сегодня на роль лидера «глобального большинства. Однако составить реальную конкуренцию США и Китаю... она так пока и не сумела. Да и при помощи вновь создаваемой государственной мифологии вряд ли уже сможет".

Вскоре после публикации этой статьи Гарбузов был вынужден уйти в отставку.

Расширенная версия статьи, опубликованной 21 сентября 2023 года в немецком интернет-журнале "Die Kolumnisten".

V. Россия и Германия

V. 1. Постсоветская Россия и Веймарская Германия – «невыученный урок»?¹

После распада Советского Союза, Россия превратилась в «уязвленную державу», стремящуюся восстановить свои пошатнувшиеся гегемонистские позиции. В этом отношении положение России напоминает положение Германии после Первой мировой войны. Не в последнюю очередь по этой причине термин «веймарский синдром» неоднократно применялся к России начиная с 1990-х годов. После широкомасштабного вторжения России в Украину, начавшегося 24 февраля 2022 года, это германо-российское сравнение приобрело дополнительную актуальность. Поэтому важно вновь обратиться к «веймарскому синдрому»: как к немецкому оригиналу, так и к его российской «копии».

1. Легенда о «внутреннем враге»

Политическую культуру Веймарской республики с самого ее возникновения отравляла легенда об «ударе ножом в спину». Сочинили ее представители господствующих кругов, которые в годы первой мировой войны диктаторски правили страной и после неудачи весеннего наступления 1918 г. прекрасно понимали, что военная мощь Германии полностью исчерпалась, что без немедленного прекращения военных действий страну ожидает катастрофа. Но чтобы не нести ответственности за поражение, правящая верхушка передала власть бессильному до сих пор рейхстагу. Таким образом произошла не завоеванная снизу, а подаренная сверху парламентаризация страны.

И вот этот неожиданно оказавшийся у власти парламент должен был расплачиваться за военный крах рейха, ответственность за который лежала в первую очередь на военном командовании, которое своей политикой тотальной мобилизации довело страну до полного изнеможения.

Генерал Эрх Людendorф – негласный диктатор рейха в течение последних двух лет войны – утверждал в своих воспоминаниях, что Германия проиграла войну не на внешнем, а на внутреннем фронте. Пацифистские и пораженческие настроения демо-

¹ Актуализированная и сокращенная версия статьи, которая первоначально была опубликована в журнале «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» (2/2007). См. также *ibid* (1-2/2024. С.143-151).

кратической оппозиции якобы разложили боевую мораль армии.² То есть не всемогущее военное командование, а лишенные во время войны какого-либо политического влияния партии рейхстага были главным виновником поражения. Так родилась легенда об «ударе ножом в спину», вера в то, что стремление Германии к мировой гегемонии рухнуло не вследствие неосуществимости этой мечты, а из-за измены маленькой кучки внутренних врагов.

Эта «теория» поразительно напоминает аргументацию имперски настроенных российских кругов в последние годы перестройки и в постсоветской России. Певец империи Александр Проханов писал в марте 1990 г.: «Впервые не только в истории отечества, но и мира, мы видим, как государство рушится не в результате внешних ударов ... или стихийных бедствий, а в результате целеустремленных действий (его) вождей».³

Тон был задан. Все становилось понятным. Крушение советской империи происходило, оказывается, не из-за того, что партия не доверяла народу и душила его стремление к самостоятельности, не потому, что Советский Союз в эпоху третьей (электронной) промышленной революции превратился в живой анахронизм, т.е. в рай бюрократов, построенный на регламентации и подавлении творческой инициативы общества. Нет, виновны во всем были враги косности и застоя, пытающиеся вернуть страну, оторванную от стремительно развивающегося «1-го мира», в мировое сообщество. Однако модернизация страны была невозможной без ослабления патерналистских номенклатурных структур, скреплявших в единое целое и «внешнюю» советскую империю (соцлагерь) и «внутреннюю» (СССР). Но сердцевиной империи был не управленческий «новый класс», а вдохновляющая его идеология – идея «пролетарского интернационализма» (см. также главу IV.1. в этой книге – Л.Л.). Эта идея, т.е. «надстройка», была «базисом» СССР. Ведь в названии СССР нет и намек на то, что страна эта является преемником империи Романовых. Союз Советских Социалистических Республик мог бы существовать в любой части мира, на любом континенте. Важнейшей предпосылкой существования этого государства была вера в непогрешимость партии и ее идеологии. Но ведь уже в брежневские времена в «светлое коммунистическое будущее» не верил почти никто. Существовала лишь игра в веру, маскарад, в котором участвовало наряду с партией и большинство населения – за исключением диссидентов. Но во время перестройки этот камуфляж рухнул под напором гласности. И у Горбачева не оставалось другого выхода как отказ от 6-ой статьи конституции, закреплявшей ведущую роль партии в стране. Советская империя нуждалась теперь спешно в новом идеологическом фундаменте, скрепляющем ее в одно целое. Но лихорадочные поиски такого фундамента, как известно, не увенчались успехом.

Всем этим глубинным историческим процессам, которые привели к тектоническим сдвигам на всем пространстве между Эльбой и Владивостоком, ностальгически настроенные круги в постсоветской России не придают никакого значения. Для них де-

² Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. Berlin, 1919.

³ Проханов А. Идеология выживания//Наш современник 3/1990. С.3-9.

зинтеграция советской империи, вследствие эрозии КПСС и вдохновляющей ее идеологии, была всего лишь результатом заговора кучки «внутренних врагов».

2. Прославление войны и стремление к мировому господству

Кроме легенды об «ударе ножом в спину» многие национал-патриотические круги в постсоветской России объединяет с веймарской правой радикальное отрицание Запада.

После поражения якобы «не побежденной на поля боя» нации в Первой мировой войне немецкие националисты все настойчивей демонизировали как победителей, так и отстаиваемые ими демократические ценности. Суровость Версальского договора, по своему характеру, кстати, не слишком сильно отличавшегося от заключенного немцами победоносного мира на востоке в марте 1918 года (Брест-Литовский мир) поборники национального реванша считали вполне достаточным основанием для того, чтобы смести существующий европейский уклад. Оскорбленное национальное самолюбие стало господствующим мотивом их образа мыслей, определяло их тактику; соображения касательно общеевропейского и христианского наследия уже не играли никакой роли: «Мы – притесняемый народ», – писал в 1923 г. один из провозвестников так называемой Консервативной революции Артур Мёллер ван ден Брук: «Скудная территория, на которую нас оттеснили, таит в себе огромную опасность, от нас исходящую. Не следует ли нам строить нашу политику на основе этой опасности?».⁴

Упоение консервативных революционеров в Веймарской Германии их собственными национальными бедами было таким же безграничным, как и их мания величия. Теперь оказывалось, что единственное средство утолить страдания немцев – это мировое господство: «Владычество над землей – таково средство сохранит жизнь, предоставленное ...народу перенаселенной страны, – считает Мёллер ван ден Брук. – Вопреки всем противоречиям, устремление людей в нашей перенаселенной стране направлены к единой цели: нам необходимо пространство».⁵

Критики Запада из лагеря консервативной революции мечтали о новом вооруженном походе против западных держав. Война была, по их убеждению, той стихией, где немец чувствует себя вольготно. Эрнст Юнгер писал, что немец, обряженный в гражданское, буржуазное одеяние, выглядит смехотворно. Почему? Да потому, что он по своей натуре бесконечно далек от идеи индивидуальной свободы и, следовательно, от буржуазного общества.⁶ Существует только одна масса, которая не вызывает смеха: это армия – добавляет Юнгер.⁷ А Освальд Шпенглер вещает: «История государств

⁴ Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931. P.71-72.

⁵ Там же. P. 63, 71-72.

⁶ Jünger E. Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Hamburg, 1932.

⁷ Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1933.

есть история войн. Идеи, требующие решений..., отстаивают не словами, а силой оружия».⁸

Американский историк Генри Тёрнер в своей книге «Фашизм и капитализм в Германии» (1972) полагал, что Первая мировая война поставила под вопрос старинный европейский идеал храбрости. Анонимное, методологическое истребление людей дезавуирует традиционные воинские добродетели. Для миллионов людей вера в личный героизм стала абсурдом.⁹

Успех воинственной и прославляющей войну правозэкстремистской идеологии в эпоху между двумя мировыми войнами, прежде всего в Германии и в Италии, начисто опровергает этот тезис. Гипноз войны, всесокрушающей военной техники был куда сильнее, чем всякие сомнения относительно смысла войны. Этот примечательный феномен еще в 1928 г. привлек внимание немецкого национального эконома Морица Юлиуса Бонна. Идеализация войны, писал он, – анахронизм, война в наше время – это не наивно-безотчетное упоение битвой, как во времена легендарных героев, современная война – это машина, это мероприятие по массовому уничтожению людей. И, все-таки, такую войну прославляют.¹⁰

Об окончательном бое против Запада, об „Endkampf“,¹¹ мечтает и один из самых радикальных проповедников неоимперского реванша в постсоветской России Александр Дугин. Целью этой борьбы является для него не только восстановление исчезнувшей после 1991 года Советской (или российской) империи, но и власть над миром. Здесь Дугин как бы перекликается с цитированным выше Мёллером ван ден Бруком. В своей книге «Основы геополитики» (1997) Дугин пишет: «Новая Империя должна быть евразийской, великоконтинентальной, а в перспективе – Мировой (так в оригинале – Л. Л.). Битва за мировое господство русских не закончилась».¹²

Характерное для немецких консервативных революционеров прославление войны и насилия тоже, почти слово в слово, повторяется их российскими поклонниками. Особенно это касается созданного Дугиным в 1992 году журнала «Элементы», который просуществовал до 1998 года. Журнал «Элементы» ни в коем случае не хочет мириться с победой своих врагов-либералов и призывает к ответному наступлению, к жестокому отмщению, дабы отплатить врагам на Западе за позорное поражение. Журнал опирается на «Понятие политического» Карла Шмитта, для которого различие между другом и врагом представлялось важнейшим критерием в политике. Это различие является альфой и омегой также и для «Элементов». Как врагов журнал рассматривает «новый мировой порядок», «открытое общество» ... общечеловеческие ценности».

⁸ Spengler O. Preußentum und Sozialismus. München, 1920. P.52-53.

⁹ Turner H.A. Faschismus und Kapitalismus in Deutschland. Göttingen, 1972. P.168-169.

¹⁰ Landauer C., Honneger H. Bonn M. J. Internationale Faschismus. Karlsruhe, 1928. P.131-132.

¹¹ Дугин А. Парадигма конца//Элементы . 1998. № 9. С.69.

¹² Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С.213.

Все противники этих «врагов» записываются «Элементами» в категорию друзей. Перемирие между двумя лагерями невозможно, считают издатели журнала: «(Это) две несводимые друг другу позиции..., два взаимоисключающих проекта будущего человечества. Между ними только вражда, ненависть, жесточайшая борьба по правилам и без правил, ... на уничтожение... Кто из них подытожит историю? Кто всадит последнюю пулю в плоть поверженного врага? Они или мы... Это решит война. «Отец вещей»»¹³

3. Тоска по «Цезарю»

Многим представителям немецкой консервативной революции прославляющим войну и насилие, демократия представлялась «нерыцарственной». Ноябрьская революция 1918 г. оказалась неспособной защищать страну, писал Эрнст Юнгер. Она обернулась против солдат на фронте. Мужество, честь и, мужская стойкость – эти понятия были ей чужды.¹⁴ А Освальд Шпенглер пишет с презрением о «неописуемо безобразных» ноябрьских событиях: «Никакого величия, ничего вдохновляющего. Ни одной, по-настоящему, крупной фигуры. Ни единого слова, выдерживающего испытания времени. И даже ни одного отважного преступления».¹⁵

Для правоведа Карла Шмитта, принадлежащего к самым блестящим разрушителям тех основ, на которых зиждилась немецкая демократия, Веймарская республика, по сути, не была государством. Отдельные сегменты общества (парламент, союзы, связанные общими интересами, и.т.п) захватили власть в стране и злоупотребляют ею ради собственной выгоды. Государство как воплощение общего дела практически упразднено.¹⁶

Консервативные революционеры усматривали неисцелимый недуг либерального, правового государства в его мнимой неспособности принимать решения, справляться с «критическими ситуациями». В правовом государстве, сетует Карл Шмитт, распоряжаются не люди и не начальство, а законы. Исконное и нерушимое понятие власти подменено абстрактными нормами.¹⁷

Ученик Шмитта, Эрнст Форстхоф, добавляет: честь и достоинство – личностные категории; правовое государство устраняет все личное; поэтому оно не знает ни понятий чести, ни достоинства.¹⁸

Так в стане консервативных революционеров распространилась мечта о настоящем хозяине – тоска по Цезарю. Харизматический вождь, явление которого еще в XIX и в

¹³ Рука так и тянется к кобуре//Элементы 1996. № 7. С.2.

¹⁴ См. Bastian K.-F- Das Politische bei Ernst Jünger. Heidelberg, 1963. P. 66.

¹⁵ Spengler. Preußentum und Sozialismus. P.11.

¹⁶ Schmitt C. Der Hüter der Verfassung. Tübingen, 1931.

¹⁷ Schmitt C. Legalität und Legitimität. München-Leipzig, 1932; его же. Der Hüter der Verfassung; его же. Der Begriff des Politischen. Berlin, 1963.

¹⁸ Forsthoff E. Der totale Staat. Hamburg, 1933. P. 13.

начале XX вв. предрекали, одни с тревогой, другие – связывая с ним великие надежды, некоторые видные европейские умы, должен был заменить господство внеличных институтов властью воли.

Кризис парламентской системы, с особой остротой поразивший после 1918 г. Италию и Германию, подогрел в обеих странах тоску по харизматической личности. В лице этого «сверхчеловека» должен был возродиться исконно-личный характер политики. Отныне пусть снова властвуют герои, а не доктрины, классы или анемичные учреждения, считали приверженцы «цезаризма».

Эрнст Никиш, приверженец консервативной революции, но одновременно и радикальный противник Гитлера, писал в 1936 году: «(Немецкая буржуазия) насытилась безликой законностью, презирала свободу, охраняемую законом: эти люди хотели служить конкретному человеку, преклоняться перед личным авторитетом, перед диктатором... Неожиданные зигзаги, прихоть и произвол «вождя» они готовы были предпочесть строгой предсказуемости... гарантированного законного порядка».¹⁹

Грезы консервативных революционеров о национальной диктатуре, об упразднении либерального государства без «чести и достоинства», о Германии, готовой к войне, грезящей о безграничной экспансии, вплоть до господства над миром, их тоска по сильной руке, по завершающему историю «третьем рейхе», закономерно должны были воплотиться в фактически установленный 30 января 1933 г. Третий рейх. Победы НСДАП на выборах в рейхстаг в начале 1930-х годов вызвали ликование у большинства консервативных революционеров. К немногим скептикам относились уже упомянутый Эрнст Никиш с его группой «Сопrotивление» и Эвальд фон Клейст-Шменцин. В элитарных кругах консервативной революции иронизировали над плебейским характером национал-социалистического движения, но это были малозначительные детали. В глазах большинства радикальных критиков веймарской демократии, принадлежавших к консервативно-революционному лагерю, взлет НСДАП означал конец ненавистной им либеральной эпохи. Вот почему в первое время после образования Третьего рейха они относились к новому государству – не без основания – как к собственному детищу. Но это была история с учеником чародея. Лишь постепенно им стало ясно, каких демонов они растревожили. Утрата иллюзий приняла весьма широкие масштабы.²⁰

Но и в лагере «национал-патриотов» в постсоветской России мечтали о «вожде», который утолит их фантомные боли по утраченной империи и восстановит былое могущество распавшегося в 1991 году государства. Эта мечта начала приобретать все более конкретные контуры после прихода Путина к власти, который в глазах многих национал-патриотов являлся новым «собирателем земли русской». Создается миф о ельцинском периоде развала и унижения России и о путинском «чуде» возрождения русской государственности. К тем радикальным приверженцам «неоимперского

¹⁹ Niekisch E. Das Reich der niederen Dämonen. Berlin, 1953. P.87.

²⁰ См. Kuhn H. Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit//Zeitschrift für Politik 8/1961. P. 4.

реванша», которые особые надежды возлагали на Путина, принадлежал и Александр Дугин. Однако безупречный образ Путина начал давать трещины после террористических актов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года. Дугин считал вступление Путина в антитеррористический альянс, в котором доминировали США роковой ошибкой. Не исламский фундаментализм, а «Евразия» с ее российским ядром является реальным противником Вашингтона в реализации его «глобалистских планов», утверждал Дугин в своем журнале «Евразийское обозрение». Дугин продолжал демонизировать США, описывая их как новый Карфаген, который должен быть разрушен (8.11.2001).²¹ Россия же, с другой стороны, была определена Дугиным как место, где нарождается «Новое геополитическое Евангелие», а именно «евразийская идея», которая предопределена освободить человечество от глобализма (14.12.2001).²²

Однако после «цветных революций» на постсоветском пространстве Путин также начал демонизировать Запад почти в дугинской манере, обвиняя его в иницировании этих восстаний с целью подрыва российского влияния в так называемом «ближнем зарубежье». Демонизация Запада достигла пика как у Дугина, так и у Путина накануне агрессии России против Украины 24 февраля 2022 г. В этом контексте хотелось бы сослаться на книгу Дугина «The Great Awakening vs the Great Reset», опубликованную Дугиным в 2021 году, которую можно охарактеризовать как своеобразное мысленное предвосхищение событий, которые начались 24 февраля 2022 г.²³ Основной тон книги принципиально отличается от высказываний Дугина 1990-х годов.

В то время на подъеме были сторонники «открытого общества», и Дугин расценивал их триумф как беспрецедентное поражение всего незападного человечества. Вместе со своими единомышленниками он стремился повернуть колесо истории вспять, потому что он не считал достойной продолжения жизнь, в которой доминируют либеральные принципы. Однако спустя 20 лет баланс сил между так называемыми «глобалистами» и их противниками, казалось, коренным образом изменился. Не в последнюю очередь по этой причине Дугин считал, что настало время окончательно укротить либеральных победителей в холодной войне. Он представил себе всемирную «антиглобалистскую» коалицию, которую по какой-то необъяснимой причине должна была возглавить путинская Россия. В коалицию, задуманную Дугиным на бумаге, должны были войти Китай и Индия, шиитский Иран и суннитская Турция, трампысты и европейские правые популисты, а также многие африканские и латиноамериканские страны, якобы страдающие под игом «глобалистов».

По словам Дугина, сейчас разгорается «битва либералов против человечества». Заключительная глава книги, которая была опубликована после фиаско НАТО в

²¹ Трибуна. KM.RU. KM News 8.11.2001.

²² Форумы Арктогеи. Geopolitik 14.12.2001.

²³ Dugin A. Das große Erwachen gegen den Great Reset. Arktos, 2021.

Афганистане в августе 2021 г. прямо-таки источает уверенность в победе. Дугин пишет: «Однополярный мир рушится на наших глазах...Америка слабее, чем когда-либо...Мы должны готовиться к контрнаступлению. Пока события развиваются, так как это происходит сейчас – у нас есть исторический шанс».²⁴

Путин безусловно думал так же. Он тоже, вероятно, был убежден в «упадке глобальной гегемонии США» после поражения НАТО в Афганистане. С этого момента можно говорить о своеобразном тандеме Дугин-Путин. И этот тандем потерпел первоначально неудачу по всем направлениям. После вторжения Путина в Украину 24 февраля 2022 г. Соединенные Штаты, об упадке которых писал Дугин, стали бесспорным лидером свободного мира, за некоторыми исключениями безоговорочно солидаризировавшегося с атакованным государством. Запланированная Путиным молниеносная победа над Украиной из-за героического сопротивления украинцев не состоялась. Задуманная Дугиным всемирная коалиция против «глобалистов», которая должна была открыть новую главу в истории человечества, несмотря на поддержку, которую Путин получает от Китая, Ирана или Северной Кореи, оказалась, по сути дела, тоже провалом. В ходе голосования в Генассамблее ООН по фиктивным референдумам в оккупированных Россией украинских регионах, которые состоялись 12 октября 2022 г., только 4 из более 190 членов ООН выразили свою солидарность с Россией (статья была написана до повторной победы Дональда Трампа на президентских выборах в США – Л. Л.).

Кроме того, из-за того, что запланированный Путиным «блицкриг» против Украины не удался, появилась, как известно, трещина в тандеме Дугин-Путин. Особенно после сдачи Херсона российской армией 11 ноября 2022, Дугин засомневался в вождистских способностях Путина. Эти сомнения распространяются и на многих других приверженцев российской «партии войны», о чем свидетельствуют, например, события 24 июня 2023 (путч Евгения Пригожина). Они тоже начинают сомневаться в том, является ли Путин тем «Цезарем», о котором они мечтали.

Но вернемся к «консервативной революции». Учитывая скорбные последствия действий консервативных революционеров, понятно, почему их идеи в послевоенной Германии полностью дискредитированы. Совершенно иначе обстоят дела, как известно, в России. Здесь идеи этой группировки пользуются немалым влиянием. С особой настойчивостью пытается их популяризовать Александр Дугин, провозглашая их чуть ли не высшей точкой развития западной мысли.

В действительности же, как уже было сказано, идеи консервативных революционеров на Западе уже давно обветшали и обанкротились. Однако уже не в первый раз России пытаются навязать ретроградную идеологию, выдавая ее за последнее достижение европейского ума. Так было и в 1917 году, когда большевики начали широко пропагандировать свою наивную веру в науку и прогресс, наивный материализм – все то, что на Западе и в интеллектуальных кругах России («Вехи»)

²⁴ Там же. Р.109-113.

уже в начале XX века было преодолено. Ныне, как и в 1917 году, стране угрожает запоздавшая «европеизация» с помощью вытащенных из чулана, устаревших западных идей.

V. 2. Угрожает ли нам вновь сценарий 1914 года? Мир после "переломного момента" 24 февраля 2022 года

Недавно исполнилось 110 лет со дня начала Первой мировой войны. Может ли повториться сопоставимый сценарий в результате "переломного момента" 24 февраля 2022 года? Этот очерк посвящен некоторым параллелям, но также и различиям между этими двумя эпохами.

Еще в марте 2014 года, вскоре после путинской аннексии Крыма, взорвавшей сложившийся международный порядок, на Востоке и Западе заговорили об опасности новой мировой войны. Тем более что это была 100-я годовщина начала Первой мировой войны. Авантюрный курс Путина приобрел новое измерение после широкомасштабного нападения России на Украину 24 февраля 2022 г. Параллели между нынешними событиями и событиями, предшествовавшими июльскому кризису 1914 года, кажутся еще более тревожными. Только на этот раз не Германия расшатывает существующий международный порядок, а Россия.

Восстание Вильгельмовской Германии против британской идеи "баланса сил"

В начале XX века опасность глобального вооруженного конфликта создавалась, прежде всего, из-за все более ожесточавшегося соперничества Германии и Великобритании. В своем соперничестве с Англией многие немецкие политики и публицисты пытались вызвать к универсальному чувству справедливости. Они подчеркивали, что в отличие от Англии, Германия стремится не к мировой гегемонии, а лишь к равноправию, к своему "месту под солнцем". Английский историк Мэтью С. Андерсон пишет, что у Германии было ощущение, что она должна компенсировать поколения своего отставания. Когда другие великие державы делили мир между собой, Германия была политически бессильной из-за своей раздробленности. Однако теперь она хочет занять в мире положение, соответствующее ее реальному могуществу.

"Некоторое время понятие Weltpolitik отражало настроения немецкого среднего класса и националистической прессы", - говорит австралийский историк Кристофер Кларк: "Оно подразумевало выход из ограничений системы континентальных союзов, чтобы действовать на более широкой мировой арене".

В каком-то смысле немецкие борцы против британской мировой гегемонии считали себя выразителями интересов народов, которым якобы угрожала Великобритания. Господству Британии в мире пришел конец, писал в начале XX века национал-либеральный немецкий историк Ганс Дельбрюк. Приближается "война за английское наследство", главным победителем в которой будет Германия. Другой немецкий историк, Отто Хинтце, примерно в то же время писал, что миссия Германии заключается в освобождении мира от английской гегемонии.

Английское превосходство на море теперь приравнялось в Германии к бывшему наполеоновскому превосходству на суше. По мнению ряда немецких авторов, целью Германии теперь было установление мирового равновесия. Для достижения этой цели, однако, Германия должна была соответствующим образом расширить свои гегемонистские позиции на континенте. Немецкий историк Людвиг Дехио отмечает, что сторонники глобальной политической активности Германии в то время считали идею европейского баланса сил устаревшей. Эта идея имела английское происхождение и отвечала только английским интересам. Европейский баланс сил должен был быть отменен, чтобы иметь возможность мобилизовать весь европейский потенциал против английского мирового господства. Однако в действительности никто ничего не хотел знать об освободительной миссии Германии, продолжал Дехио. Англии удалось активизировать против Германии именно это европейское равновесие сил, которое якобы противоречило интересам европейцев. Не английские, а немецкие гегемонистские устремления воспринимались в Европе как угроза.

"Возвращение в Европу"

Характерной чертой политического развития Европы после примерно 1906/07 года стало то, что европейские державы все больше переносили свое соперничество с мировой политики на саму Европу. Кризисы, неоднократно сотрясавшие Европу начиная с 1908 года, как правило, носили внутриевропейский характер. Например, русско-австрийское соперничество на Балканах, утихшее в середине 1890-х годов, обострилось с 1908 года. Немецко-французский конфликт из-за Эльзас-Лотарингии также обострился накануне Первой мировой войны. Британо-германская гонка вооружений принимала все более угрожающий характер, не в последнюю очередь из-за быстрого наращивания германского флота. В январе 1907 года влиятельный заместитель министра иностранных дел Великобритании сэр Эйр Кроу высказал мнение, что Германию следует рассматривать как державу, стремящуюся к гегемонии в Европе.

Конечно, в то время существовали и конфликты за пределами Европы, такие как второй марокканский кризис 1911 года, поставивший Германию и Францию на грань войны. Тем не менее, подобные конфликты накануне Первой мировой войны были скорее исключением, чем правилом.

Почему соперничество между ведущими европейскими державами вновь переместилось в Европу? В случае с Россией это, несомненно, стало результатом поражения в войне с Японией в 1904/05 г. Экспансионистские устремления царской империи теперь изменили направление. Поскольку Корея и Маньчжурия больше не были в пределах досягаемости, националистические круги в Санкт-Петербурге вспомнили о вековой русской мечте о завоевании Константинополя. В то время также наблюдался панславистский ренессанс. Панславистские круги в царской империи вновь заговорили об обязательствах России перед славянскими и православными народами Восточной и Юго-Восточной Европы.

Постоянный рост военной мощи Германии также в значительной степени способствовал тому, что интересы ведущих европейских держав все больше смещались от мировой политики к европейской. Опасения, что гегемонистские амбиции Германии разрушат европейский баланс сил, заставили ведущие европейские колониальные державы улаживать свои конфликты в Азии и Африке и создавать все более тесные союзы. Этот процесс был закреплен британско-русским договором в августе 1907 года.

"Неизбежная борьба"?

Самым важным внешнеполитическим интересом Германии с 1907 года был выход из изоляции и разрыв русско-британско-французской антанты. В Берлине надеялись, что этот союз скоро распадется, так как интересы отдельных его участников слишком сильно различались. Однако расчеты Берлина не оправдались. Напротив, влияние тех сил внутри Антанты, которые хотели проводить бескомпромиссную политику в отношении Германии, заметно возросло. В январе 1912 года радикально антинемецки настроенный Раймон Пуанкаре, из Лотарингии, стал премьер-министром Франции. Через год он был избран президентом республики. Накануне Первой мировой войны Франция переживала своеобразный национальный ренессанс. Смену настроений можно было наблюдать и в России того времени. Многие представители правящих кругов в стране больше не хотели продолжения чрезвычайно осторожной внешней политики, которую Россия проводила после поражения в Русско-японской войне. Консервативная и проправительственная газета "Новое время" заявила в декабре 1912 года: "Мир любой ценой - позорная и опасная политика ввиду непримиримого противостояния с Германией и Австрией".

Значительная часть русских консерваторов, до этого скептически относившихся к союзу с либеральными западными державами, теперь отошла от этого курса. Они также становились все более антигермански настроенными. В феврале 1914 года российское правительство заявило, что время угроз из-за рубежа прошло. Россия готова к войне.

Правящий истеблишмент Вильгельмской империи также оказался в водовороте националистической фразеологии. Там все чаще говорили о неизбежном столкновении между славянством и германством. В Берлине опасались, что Россия скоро оправится от поражения в японской войне. Эти опасения усилились, когда в Берлине узнали, что Россия планирует к 1916 году провести полную реорганизацию своей армии. Численность русской армии должна была увеличиться с 1,5 до 2 миллионов человек. Как некоторые немецкие политики, так и представители военного руководства теперь считали, что война между Россией и Германией неизбежна.

Страх перед потенциальной опасностью

Незадолго до начала войны рейхсканцлер Бетман Хольвег в беседе со своим советником Куртом Рицлером заявил, что воспринимает Россию как кошмарный сон. Будущее принадлежит России, говорил он, и она неудержимо растет и растет.

Однако эти кошмары немецких политиков и генералов вряд ли были оправданы. В то время Россия модернизировалась гораздо медленнее, чем Германия, а социальные конфликты в ней принимали гораздо более острую форму, чем на Западе. Русско-японская война с полной очевидностью выявила все эти слабости царской империи. Однако это не развеяло опасений некоторых представителей германского истеблишмента по поводу острой российской угрозы. В России и Франции, как уже говорилось, тоже росла решимость покончить с гегемонией Германии на континенте.

Почти все европейские правительства оправдывали свое вступление в войну страхом перед потенциальными опасностями, которые якобы им угрожали. Германское имперское руководство видело угрозу безопасности Германии в потенциальной силе России и опасности окружения страны. Со своей стороны, державы Антанты чувствовали себя неуверенно из-за гегемонистских устремлений Германии. Все великие державы хотели раз и навсегда покончить с этими угрозами, чтобы добиться своего рода абсолютной безопасности для своих стран. Какая утопическая цель! Испугавшись потенциальных опасностей, они ввергли Европу в беспрецедентную катастрофу, «пракатастрофу XX века», как описал эти события американский историк и дипломат Джордж Ф. Кенанн. А вышеупомянутый австралийский историк Кристофер Кларк резюмирует:

"(Главные герои) 1914 года (были) ... - бдительными, но слепыми, мучимыми кошмарами, но неспособными осознать реальность ужасов, которые они собирались обрушить на мир".

Стремление Путина к "новому мировому порядку"

Все эти события в чем-то схожи с событиями, которые начались в первую очередь после печально известной речи Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007 года. Тогда Путин обвинил США в том, что они ведут себя как единоличный правитель мира и вмешиваются во внутренние дела других государств, не соблюдая принципов международного права. Если учесть, что эти призывы уважать международное право исходят от одного из тех политиков, кто наиболее радикальным образом пренебрегают основанной на ценностях международной политикой, они кажутся особенно парадоксальными. Подобно тому, как политический класс вильгельмовской империи апеллировал к чувству справедливости народов в борьбе Германии за "место под солнцем", Путин сделал то же самое в отношении России, чьи национальные интересы якобы грубо нарушались гегемонистскими устремлениями Запада. Государства-преемники бывшего СССР, которые многие московские политики рассматривали как "жизненно важную сферу интересов" для России, играли в этом контексте все более важную роль. Тот факт, что некоторые из этих стран стали выходить из-под контроля Москвы в результате произошедших там "цветных революций" (2003 год - Грузия, 2004 год - Украина) и что там прошли подлинные парламентские или президентские выборы, на которых было неизвестно, кто в этих выборах победит, вызвал панику в Москве. В Кремле "цветные революции" рассматривались не как спонтанные восстания соответствующих обществ против злоупотребления властью коррумпированными политическими лидерами, а как контролируемые извне попытки подорвать влияние России в так называемом "ближнем зарубежье". Многие российские политики все более жестко критиковали односторонние действия США. Вместо "нового мирового порядка", сформированного США, они выступали за многополярный мир. Однако призыв Путина к народам мира восстать против американского господства потерпел крушение, подобное тому, которое потерпели немецкие политики в начале XX века, когда они призывали народы мира избавиться от британской гегемонии. Вместо того чтобы изолировать США, Россия сама становилась все более изолированной. Крымская авантюра марта 2014 года стала ярким тому подтверждением. В ходе голосования на Генеральной Ассамблее ООН по вопросу территориальной целостности Украины в марте 2014 года только десять государств проявили солидарность с Россией. 100 государств осудили присоединение Крыма к Российской Федерации, а 58 воздержались. У России нет ни одного союзника в этом новом конфликте между Востоком и Западом, заявил в 2018 году московский политолог Дмитрий Тренин.

"Переломный момент" и его последствия

Вскоре после путинской аннексии Крыма - во время так называемой "русской весны" - многие русские националисты выступали за присоединение всего украинского юго-востока к России. Александр Дугин, один из самых радикальных сторонников "имперского реванша" в России, делал это с особой энергией. В апреле 2014 года он писал: "Чтобы удержать Крым, нам необходим Юго-Восток. А Крым необходим, чтобы удержать Россию, оживить (ее). Юго-Восток или смерть".

Тем не менее, поначалу Путин дистанцировался от так называемого "новороссийского проекта", чтобы не слишком провоцировать страны НАТО по обе стороны Атлантики. Однако спустя восемь лет, 24 февраля 2022 года, он отбросил все свои оговорки. С этого момента можно было говорить о своеобразном тандеме Дугин-Путин, который теперь был готов бросить вызов так называемому "коллективному Западу" гораздо более радикальным образом, чем это было в 2014 году. Связано ли это решение кремлевского диктатора с его страхом перед "непрерывно расширяющимся" и "угрожающим" НАТО, как считает, например, американский политолог Джон Дж. Миршаймер? Вряд ли. Скорее наоборот. Переломному моменту 24 февраля 2022 года предшествовало фиаско НАТО в Афганистане в августе 2021 года. Вскоре после этого Александр Дугин в своей книге "The Great Awakening vs the Great Reset" писал: "Америка сейчас слаба как никогда. И мы должны воспользоваться этим" (См. также главу IV.4. в этой книге)

Как бы то ни было, попытка Путина уничтожить Украину как суверенное государство усилила упомянутые выше дебаты о том, не стоит ли Европа снова перед пропастью, как это было в июле 1914 года.

Прочные союзы и хрупкие альянсы.

Однако между двумя ситуациями есть и существенные различия. Например, хотя июльский кризис 1914 года, предшествовавший Первой мировой войне, был, в первую очередь, конфликтом между Сербией и империей Габсбургов. Однако за этими двумя государствами стояла объединенная мощь двух военных блоков, которые, в конечном итоге, были готовы пойти на риск тотальной конфронтации. С другой стороны, Россия, чья ревизионистская политика радикальным образом подрывает европейский порядок, не опирается на военный блок. Тот факт, что Пекин помогает своему северному соседу обойти западные санкции, никоим образом не делает Китай официальным союзником Москвы. Китай и Россия не образуют единый военный блок, как, например, Антанта с одной стороны и Центральные державы - с другой, накануне Первой мировой войны. Кроме того, российско-китайский альянс содержит множество трещин, которые ставят под сомнение устойчивость сближения между

этими бывшими соперниками: "(Не) естественно, чтобы у Китая и России были одинаковые интересы по всем обозримым проблемам", – сказал Генри Киссинджер в интервью Financial Times 7 мая 2022 года. Описанное Киссинджером расхождение интересов между Россией и Китаем, безусловно, не в последнюю очередь связано с тем, что российский ревизионизм распространяется и на регионы, которые Пекин также рассматривает как свою сферу влияния, например, Центральную Азию. В этом контексте нельзя игнорировать и китайский ревизионизм, сфокусированный не только на Тайване, но и на российском Дальнем Востоке и части Сибири. Это одна из причин, по которой Борис Немцов предостерегал российское руководство от слишком тесной опоры на Китай.

Но вернемся к глобальной борьбе между демократиями и их автократическими противниками. Верно, что некоторые страны НАТО сейчас дестабилизированы правыми популистскими и нередко пропутинскими течениями; верно, что в связи с победой Дональда Трампа на президентских выборах в США в ноябре 2024 г. западному альянсу грозит чрезвычайная турбулентность. Но путинская диктатура также не отличается стабильностью. Пригожинское восстание 24 июня 2023 года показало это особенно наглядно. Что касается альянса автократий, соперничающих с "открытыми обществами", то он, как уже говорилось, весьма хрупок. И еще предстоит выяснить, кто из двух противников окажется более стойким.

Расширенная версия статьи, опубликованной 30 января 2024 г. в немецком интернет-журнале „DieKolumnisten“. Первоначальная русская версия статьи была опубликована в журнале «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» (1-2/2024).

VI. Реплики

VI. 1. Особый путь России? Заметки по поводу одного спора¹

В своей статье «Недоразумение — это мать всех войн» в немецкой газете „F.A.Z.“ (Frankfurter Allgemeine Zeitung) писатель Виктор Ерофеев говорит о фундаментальном противоречии между российскими и западными ценностными представлениями, ярко проявившимся в ходе нынешнего конфликта вокруг Украины (статья была опубликована в 2014 году — Л. Л.). Этот ценностный конфликт Ерофеев пытается проиллюстрировать изречением Джеймса Джойса: «Мне говорят: Умри за Ирландию. А я говорю: Пусть Ирландия умрёт за меня». Слова ирландского писателя, типичные, с точки зрения Ерофеева, для западного менталитета, он комментирует следующим образом: «Едва ли можно себе представить, чтобы обычный русский человек в 21-ом веке сказал что-либо подобное о своей стране, ибо это противоречит российскому принципу патриотизма и служения родине».²

Ещё одно фундаментальное различие между Россией и Западом состоит для Ерофеева в том, что такие типичные западные свойства как «умеренность и осторожность (на протяжении столетий) высмеивались в России как мещанские понятия».

Не лишено иронии то, что статья Ерофеева вышла именно тогда, когда Европа отмечала столетие начала Первой мировой войны — «пракатастрофы 20-го века», которую восторженно приветствовали очень многие европейцы. Националистические эмоции наблюдались тогда на Западе в изобилии. То есть, люди там вели себя отнюдь не в духе процитированного Ерофеевым высказывания Джойса. Берлинский политолог Херфрид Мюнклер говорит в этой связи о «сакрализации войны», наблюдавшейся тогда во многих вступивших в войну странах. «(Это) было равнозначно иммунитету против какой бы то ни было рациональности и расчёту».³

Куда подевались в то время «умеренность и осторожность», являющиеся якобы отличительной чертой западного менталитета? Только после катастрофического опыта двух мировых войн в Европе произошла смена парадигм, что отчасти привело к развенчанию национальной идеи, господствовавшей до этого практически безраздельно.

А как обстоит дело с «российским принципом патриотизма и служения родине»? Можно ли тут действительно говорить о «вечных российских ценностях», своего рода

¹ Расширенная версия статьи, опубликованной 13. 6. 2014 в интернет-журнале «The European».

² Jerofejew V. Die Mutter aller Kriege ist das Missverständnis // Frankfurter Allgemeine Zeitung 26.5.2014. P.11.

³ Münkler H. Der große Krieg. Warum der Erste Weltkrieg nicht im Herbst 1914 beendet wurde // Zur Debatte 5/2014. P.20.

«второй натуре россиян», как это предполагает Ерофеев? Едва ли. К примеру, после Февральской революции 1917 г. большинство русских солдат было не готово больше защищать своё государство от внешнего врага. Причину такого поведения русский историк Георгий Федотов видел в том, что широкие слои русского народа в начале 20-го века больше не понимали своё собственное государство, его политические цели и идеи.⁴

Так что не стоит удивляться, что именно царский режим оказался самым слабым звеном в цепи воюющих держав и первым рухнул перед лицом тех вызовов, которые были порождены Первой мировой войной. Насколько масштабным был в то время национальный нигилизм народных слоев, можно понять из того, что сотрудничество Ленина с Германской Империей, документально доказанное Временным правительством, ни в коей мере не повредило триумфальной победе большевиков.

Ещё одним показателем отхода русского народа от его, с точки зрения Ерофеева, типично русской «патриотической позиции» стала его по сути равнодушная реакция на унижительный Брест-Литовский мир в марте 1918 года, который почти ни в чём не отличался от последовавшего за ним Версальского договора продиктованного западными державами побежденной Германией.

Совсем другой характер имела война Советского Союза с Германией, разразившаяся в 1941 году. Тут поведение подавляющего большинства российского населения и в самом деле соответствовало тем принципам, которые Ерофеев считает типично русскими. Российский патриотизм стал, пожалуй, важнейшей силой, которая обеспечила и выживание Советского Союза, и крах «Третьего рейха». Смену парадигм, которая произошла в России между Первой и Второй мировой войной, можно продемонстрировать на примере двух разных политиков, сотрудничавших с противником. Популярности Ленина, как уже было сказано, никак не повредило его сотрудничество с немцами, а вот переход на сторону врага генерала Власова полностью дискредитировал его в глазах подавляющего большинства россиян.

Был ли тогдашний русский патриотизм такой силой, которая находилась в фундаментальном противоречии с западными ценностями? Едва ли. Скорее можно утверждать обратное. У ворот Москвы и Ленинграда Красная Армия защищала не только свою собственную страну, но и весь мир, над которым нависла угроза нацизма. И этот факт существенно способствовал росту её самосознания. Поначалу западные державы приветствовали и безоговорочно поддерживали борьбу своих новых русских союзников. Уинстон Черчилль в день гитлеровского нападения на Советский Союз заявил: «Борьба русских ... есть часть общей борьбы всех свободных людей и всех свободных народов во всех частях мира».⁵

Непреодолимая пропасть, якобы существовавшая между Востоком и Западом со времён большевистской революции, начала в то время заметно уменьшаться. Но именно этот процесс вызвал у кремлёвского тирана панический страх. И стремление

⁴ Федотов Г. Судьба и грехи России. Санкт-Петербург, 1991. Т.1. С.129, 175.

⁵ Churchill W. Der Zweite Weltkrieg. Bern, 1951, Vol.3,1, P.443-444.

своих подданных к большей самостоятельности, и открытие страны в сторону свободного мира он воспринял как огромную опасность. Свою важнейшую цель сталинское руководство видело в новом дисциплинировании нации, испытывавшей чувство гордости за свою победу.⁶ Парадоксальным образом правящая верхушка связывала укрепление механизмов государственного контроля над собственным населением с доходящим до гротеска восхвалением русскости. Тот факт, что после петровской революции Россия стала неотъемлемой составной частью европейского мира, отрицался; Запад демонизировался, и постулировалось фундаментальное противоречие между российскими и западными ценностными представлениями.

Русоцентристские мифы распространявшиеся режимом, многие россияне принимали за чистую монету и искренне верили, что большинство великих открытий и изобретений были сделаны русскими, что «Россия — родина слонов» (так критически мыслящие русские интеллектуалы высмеивали шовинистическую кампанию режима). Но стремление к преодолению противопоставления Запада и Востока, к «возвращению России в Европу» продолжало жить в некоторых слоях российского общества. Конкретные очертания это стремление смогло обрести только во времена горбачевской перестройки. Без него мирные революции 1989 года и преодоление раскола Европы были бы немыслимы

Однако эйфория 1989–91 годов вскоре развеялась. Изоляционистские силы как на Западе, так и на Востоке, ставящие под сомнение европейский характер России, набирают силу. Русские «европейцы», благодаря которым континент смог, по существу, мирно преодолеть свой раскол, прижаты сейчас спиной к стене. Поборники путинской «управляемой демократии» пытаются связать лишение российского общества самостоятельности с объяснением в любви к собственной нации. При этом они постулируют фундаментальное противоречие между якобы «здоровым» и уважающем традиции Востоком и декадентским, обречённым на гибель Западом. В предельно крайней форме эти идеи представлены у праворадикального идеолога Александра Дугина, и они оказывают всё большее влияние на российский внутривнутриполитический дискурс. Несколько лет назад Дугин так характеризовал русских: «Мы — нация космического масштаба... Россия и вселенский масштаб — это синонимы».⁷ Как и в сталинские времена, Россия должна быть отделена от общемирового процесса культурного и научного развития и платить за это новым застоём и «Упадком творчества» (Николай Трубецкой). Как ответят «русские европейцы» на это роковое развитие? (статья была написана в 2014 г. — Л. Л.)

Авторизованный перевод Ларисы Лисюткиной

⁶ См. Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Frankfurt/Main, 1976, С.16-17-

⁷ Евразийское обозрение 1/2001.

VI. 2. Было ли возникновение русской национальной идентичности исторической случайностью? Ответ на статью Дэвида Бранденбергера «Stalin's populism and the accidental creation of Russian national identity»¹

Статья Дэвида Бранденбергера содержит наряду с некоторыми убедительными тезисами и ряд спорных высказываний. Я хотел бы коротко обратиться к последним.

Когда Бранденбергер говорит о позднем формировании национального самосознания в России по сравнению, например, с Францией, он упускает из виду фундаментальное различие между Россией и такими западными странами, как Франция. А именно тот факт, что, начиная с петровских реформ начала 18-го века, Россия являлась страной с двумя скоростями. Со времени европеизации на российской территории существовали практически два разных государства, у которых едва ли были точки соприкосновения. По словам блестящего эмигрантского историка Георгия Федотова этими государствами были: светская империя дворянского верхнего слоя, в котором дворянство переняло западные понятия верности по отношению к монарху, и "мужицкое царство" с земным Богом во главе, носителем божественной силы и правды².

Николай Бердяев добавляет: «Мир господствующих привилегированных классов, особенно дворянства, их культура, их нравы, их внешний облик, даже их язык был совершенно чужд народу - крестьянству, воспринимался как мир другой расы, иностранцев»³.

Не удивительно, что ввиду такого исходного положения развитие современного национального самосознания в России по сравнению с западными государствами запаздывало, и что в 19-м веке в России не имел места процесс, аналогичный французскому, в котором произошла „transformation of peasants into Frenchmen“ (Brandenberger. P. 724).

Этот раскол предреволюционной России практически на две нации едва находит отражение в статье Бранденбергера. Это же касается и другого внутрироссийского раскола, задерживавшего возникновение национальной идентичности в стране. Речь идет об отчуждении активнейших частей российского образованного слоя от

¹ Статья Дэвида Бранденбергера была опубликована в журнале Nationalities papers. Vol. 38, Nr.5. 2010. P.723-739. Англоязычная версия моей реплики на текст Бранденбергера была тоже опубликована в журнале Nationalities Papers (Vol. 39, Nr. 1. January 2011. P. 135-140).

² Федотов Г. Революция идет/ его же: Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Санкт-Петербург, 1991. Т. 1. С. 128 и сл.

³ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Paris, 1955, с. 111.

государства, которое после подавления восстания декабристов в 1825 г. все более углублялось. Один из влиятельнейших российских публицистов Петр Струве не раз подчеркивал, что то, что правящая бюрократия рассматривала государство как свою собственность и отказывала обществу в участии в процессе принятия политических решений, являлось одной из причин антинациональной позиции и негативного отношения российской интеллигенции к государству⁴. Национальный нигилизм интеллигенции приводил к тому, что она даже в таких гениях как Достоевский видела из-за их поклонения «русской идее» лишь «реакционеров», добавляет Сергей Булгаков⁵.

Лишь после поражения царской империи в Русско-японской войне в 1905 г. часть интеллигенции открыла для себя национальные ценности. Решительная защита России как Великой державы Петром Струве, содержащаяся в его в 1908 г. опубликованной статье «Великая Россия», являлась ясным доказательством этого⁶. С этим национальным ренессансом связан и тот факт, что после начала Первой мировой войны широкие слои русской интеллигенции, как и образованные слои Германии, Франции или Великобритании, были охвачены патриотическим подъемом⁷. Пораженческие настроения были внутри образованного слоя, в отличие от времени Русско-японской войны, маргинальным явлением, распространенным лишь у большевиков и некоторых других леворадикальных групп.

Этот национальный поворот, захвативший европеизированные элиты России после 1905 г., поворот, который никак нельзя охарактеризовать как «product of a historical accident» (Brandenberger. P. 723), остается в статье Бранденбергера без внимания.

На российские народные слои этот поворот не распространялся. Национальный нигилизм принял в них тогда невиданные масштабы. По праву подчеркивает Бранденбергер тот факт, что «an average peasant at turn of the century had little sense of Russianess. He thought of himself, not as a 'Ruskii, but as 'Viatskii' or 'Tulskii' – that is, a native of Viatka or Tula province». (P. 724). Чем же можно объяснить отречение русского крестьянства от своего собственного государства, приведшее в 1917 г. к полному распаду состоявшей преимущественно из крестьян русской армии и к временному коллапсу российской Империи? Почему подобные явления распада не проявились во время Семилетней войны, Наполеоновских войн или Крымской войны? На этот вопрос статья Бранденбергера не дает ответа. И это не в последнюю очередь

⁴ Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи/ Из глубины. Сборник статей о русской революции. Paris, 1967. С. 292-296; его же: Избранные сочинения. М., 1999, с. 279-286.

⁵ Булгаков С. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 1911.

⁶ Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества/ Струве. Избранные сочинения. С. 182-201; его же: Отрывки о государстве/ там же. С. 202-210; См. также: Pipes R. Struve. The Liberal of the Right. Harvard, 1980. P. 88-92.

⁷ См. Plotnikov N. / Kolerov. M- „Den inneren Deutschen besiegen“. Nationalliberale Kriegspychologie in Russland 1914-1917/ Eimermacher K. / Volpert A. / Bordjugov G. (Ed.). Verführungen der Gewalt. Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. München, 2005. P. 31-70.

оттого, что он упускает из виду глубокие изменения, произошедшие в мировоззрении российского крестьянства в начале 20-го века. В то время разрушалась вековая вера русского народа в царя. Действия народных масс во время первых и вторых выборов в Государственную Думу (1906–07), когда они единодушно голосовали за оппозиционные, а не монархические партии, наглядно подтверждают такое положение дел⁸. Отказ крестьянства от веры в царя практически неизбежно приводил к их отказу от собственного государства. Пока они еще были преданы традиционному мировоззрению, православный царь был для них воплощением государства. Будучи солдатами, они боролись за Веру, Царя и Отечество. Федотов не считает случайностью, что понятию Отечество в этой триаде отводилось последнее место⁹. Эрозия веры в царя разрушила и связь крестьян с их собственным государством. Идея современного национального государства, считавшегося независимо от религиозных коннотаций вершиной творения, тогда еще не внедрилась в народное сознание. Таким образом народные массы распрощались с до-модерными представлениями о государстве, не найдя при этом привязки к современной идее национального государства. Они находились в подвешенном состоянии между двумя разными эпохами, и как раз в этом положении после начала Первой мировой войны от них требовалась максимальная жертвенность. Без далеко идущей идентификации с целями войны и с господствовавшей государственной идеей подобная самоотверженность в долгосрочной перспективе не была возможна. Не удивительно поэтому, что царский режим оказался самым слабым звеном в цепи воюющих держав и первым пал перед вызовами Первой мировой войны. Каких масштабов достиг национальный нигилизм российских слоев населения после падения монархии доказывает тот факт, что сотрудничество Ленина с Германией в годы войны, документально доказанное Временным правительством¹⁰, никоим образом не помешал победному шествию большевиков (см. на эту тему также мою реплику В. Ерофееву в этом сборнике).

Интерпретационные недостатки проведенного Бранденбергером анализа национального самосознания в дореволюционной России можно не в последнюю очередь связать с тем, что за некоторыми исключениями (Н. Тимашев и Ю. Данилов) он почти полностью игнорирует исследования эмигрантских мыслителей, посвященные характеру русского менталитета и предыстории русской революции.

⁸ Милюков П. Воспоминания 1859–1917. New-York, 1955. Т. 1. С. 350-424; Маклаков В. Из воспоминаний. New York, 1954. С. 359-362; Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. London, 1990. С. 233-364; Булгаков С. Автобиографические заметки. Paris, 1946. С. 80-81.

⁹ Федотов, Революция идет. С. 129.

¹⁰ См. Hahlweg W. Lenins Rückkehr nach Rußland. Die deutschen Akten. Leiden, 1957; Zeman Z. Germany and the revolution in Russia 1915–1918. Documents from the archives of the German Foreign Ministry. London, 1958; Zeman Z. / Scharlau W. Freibeuter der Revolution. Parvus-Helphand. Eine politische Biographie. Köln, 1964; Pipes R. Die Russische Revolution. Berlin 1991–92. Vol. 2. P. 131-134, 166-173; Volkogonov D. Lenin. Düsseldorf 1994. P. 110-129; Heresch E. Geheimakte Parvus. Die gekaufte Revolution. Biographie. München, 2000; Service R. Lenin. Eine Biographie. München, 2000. P. 340-346, 387-388; Церетели И. Воспоминания о февральской революции. Т. 2. Paris, 1963. С. 322-334.

Высказывания Бранденбергера о развитии русского самосознания в сталинские времена содержат также некоторые спорные тезисы. Говоря о «accidental creation of Russian national identity» во время Сталина он не учитывает того обстоятельства, на которое уже более 60 лет назад указал русский эмигрантский историк Виктор Леонтович в своей книге *Правовой переворот Ивана Грозного и идеология русского самодержавия*. Леонтович говорит о том, что низшие слои населения, как правило, повторяют правовую судьбу высших. За ликвидацией независимости дворянства Иваном Грозным практически неизбежно следовало распространение «крепостного режима» на все остальные слои населения. После освобождения дворянства от обязательной службы (1762) раскрепощение крестьян стало, по Леонтовичу, лишь вопросом времени¹¹.

По образцу Леонтовича можно сказать, что подобные процессы видны и в развитии господствующих моделей мышления и поведения внутри той или иной нации. К началу 20-го столетия русские народные массы переняли возникшую в середине 19-го века веру интеллигенции в революцию как панацею от всех бед, что в конце концов привело в 1917 г. к временному краху российской государственности. Примерно поколение спустя национальный ренессанс, охвативший интеллигенцию после 1905 г., начал распространяться и на народные массы – несмотря на то, что они жили в оболочке тоталитарного сталинского государства.

К этой потребности Сталин уже в 1920-х гг. развил тонкое чутье, провозгласив тезис о строительстве социализма в одной отдельно взятой стране и обращаясь тем самым к национальной гордости большевиков. Эта игра национальной картой усилилась, как справедливо подчеркивает Бранденбергер, после захвата власти национал-социалистами в Германии. Направленность Советского Союза на возможную войну с Третьим рейхом являлась одной из причин глубоких идеологических изменений, проходящих примерно с 1933/34 гг. в СССР. Чтобы как можно больше консолидировать силы страны, сталинский режим провел процесс некоторого внешнего уподобления Третьему рейху. Имитация определенных методов и практик праворадикального режима сталинским государством указывала на то, что принцип политического успеха теперь, казалось, воплощался правыми экстремистами, теперь они слыли во многом учителями победоносного политического и идеологического образа действий. В связи с этим необходимо указать на поворот в идеологических тенденциях, который переживала Европа с начала 1930-х гг. Тогда отмечался общий подъем экстремальных националистических настроений, проходивший параллельно со спадом популярности социалистических идей. Так, Федотов в 1931 г. указывал на то, что идея социальной справедливости и защиты угнетенных потеряла свою привлекательность. В противоположность этому везде в Европе набирал силу экстремальный национальный эгоизм, стремление

¹¹ Leontovitsch V. Die Rechtsumwälzung unter Iwan dem Schrecklichen und die Ideologie der russischen Selbstherrschaft. Stuttgart, 1947.

максимального развертывания силы собственной нации за счет других народов¹². Этот националистический поворот начал после 1933 г. все сильнее влиять и на Советский Союз, что не в последнюю очередь выразилось в 1934 г. в ликвидации школы Покровского в большевистской исторической науке, интерпретировавшей российскую историю прежде всего с революционных классовых позиций¹³.

Между тем тогдашняя национализация большевизма за счет социалистической идеи, которая, однако, как правильно замечает Бранденбергер, никогда не исчезала из сталинского вокабуляра, была обоснована не только внешне-, но и внутривнутриполитическими причинами. Так, сталинский режим после коллективизации сельского хозяйства из-за методов ее проведения не мог больше убедительно выступать как защитник идеала социальной справедливости. Распространение национальных идей и идеала сильного государства казались более подходящими для укрепления эмоциональной связи населения с режимом.

Реабилитация национальной идеи Сталиным хотя и служила преимущественно пропагандистским целям, однако в то же время была реакцией на истинные эмоциональные потребности общества. Поэтому сталинский национализм, несмотря на его откровенно манипуляторский характер, был охотно принят в СССР. Открытие до этого запрещенного слова «родина» произошло не только по указу, писал Федотов в 1935 г.¹⁴ Власть имущие лишь дали давно присутствовавшему национальному чувству возможность проявления. То, что идентификация с собственной нацией, захватившая к началу 20-го века только русские образованные слои, через примерно три-четыре десятилетия охватила почти все население, можно было ясно наблюдать во время советско-германской войны, которая, в отличие от Первой мировой войны, воспринималась народными массами как «Отечественная». Русский патриотизм, практически не игравший никакой роли в народных массах во время Первой мировой войны, после 1941 г. стал главнейшим фактором, способствовавшим выживанию советской империи и краху Третьего Рейха. Едва ли возможно, что этот глубокий процесс идентификации российского населения с собственной нацией был просто «a historical accident», как предполагает Бранденбергер.

Я бы хотел еще коротко остановиться на разногласии между Давидом Бранденбергером и Андреасом Умландом, упрекающим Бранденбергера в недооценке антисемитского поворота в идеологическом развитии позднего сталинизма. Бранденбергер считает это возражение мало убедительным, так как антисемитизм, по его мнению, представлял собой лишь незначительную деталь тогдашней сталинской национальной политики и не отличался от «broader official Soviet roll-back of other sorts of ethnic self-expression in the USSR among Tatars, Kazahs ... and others between

¹² Федотов Г. Социальный вопрос и свобода// Современные записки. № 47. 1931. С. 421-438; его же: Сумерки отечества/ его же: Судьба и грехи России. Т. 1. С. 320-328.

¹³ Геллер М. / Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London, 1982. Т. 1. С. 284, 311-315; Souvarine B. Stalin. Anmerkungen zur Geschichte des Bolschewismus. München, 1980. P. 556-557.

¹⁴ Федотов Г. Новый идол/ его же: Судьба и грехи России. Т. 2. С. 53, 58-60.

1944 and 1953» (David Brandenberger. Nationalist, heretic or populist//*Nationalities Paper*. Vol. 38. № 5, 2010. P. 757-760).

При этом Бранденбергер недооценивает, однако, того, что в случае ненависти к евреям речь шла, как правило, о большем, чем просто о ксенофобии. Евреев часто считали воплощением зла, ответственным практически за все беды в мире. Ненависть к евреям носила, таким образом, мистические и мифические черты, которые обычно отсутствуют в других видах ксенофобии. Но особую интенсивность эта ненависть достигает у поборников мессианских идей любой разновидности, которые не могут примириться с мыслью о еврейской «избранности», так как она конкурирует с представлением о их собственном призвании¹⁵. Так, например, в позднесталинском Советском Союзе, где официальная пропаганда представляла русскую нацию и русский пролетариат во главе со Сталиным спасителем человечества, не было места для идеи еврейского мессианства. Эту особую функцию, которую получил антисемитизм в тогдашнем идеологическом инструментарии сталинизма, Бранденбергер оставляет без внимания.

В заключение я хотел бы обратиться к высказываниям Бранденбергера, в которых он приравнивает сталинский популизм к популизму таких латиноамериканских диктаторов, как Перон, Варгас или Батиста. Этим тезисом Бранденбергер в некотором роде переворачивает вверх дном дискурс о тоталитаризме, насчитывающий не один десяток лет и подчеркивающий качественные различия между тоталитарными и авторитарными режимами. Он оставляет без внимания тот факт, что сталинский режим, в отличие от авторитарных диктатур, основывался на тотальном контроле общества, который не в последнюю очередь вытекал из тотального недоверия Сталина по отношению к собственному народу. Если учитывать то, что сталинская команда обезглавила собственную армию, партию, управленческий слой, дипломатический корпус и другие сегменты господствовавшей советской элиты, лишила деятелей культуры всякой самостоятельности, нанесла страшный урон крестьянам и превратила их в крепостных государства, то это недоверие не было необоснованным. Лишь в первый год советско-германской войны, когда режим вел борьбу за выживание, государственные механизмы контроля были несколько ослаблены. Московский историк Михаил Гефтер говорит даже о «спонтанной десталинизации», произошедшей тогда¹⁶. Но уже спустя год, еще до победы под Сталинградом, на некоторое время растерявшийся режим начал снова отвоевывать внутрисполитическую территорию. Польский поэт Александр Ват, бывший в военное время в Советском Союзе, пишет: «Перелом в хребте режима между тем зажил.

¹⁵ См. Luks L. Die Sehnsucht nach der „organischen nationalen Einheit“ und die „jüdische Frage“ – Das publizistische Werk Fedor Dostoevskijs und Heinrich von Treitschkes/его же: Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. 16 Skizzen. Köln, 2007. P. 13-44.

¹⁶ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 418.

Царил абсолютный порядок. Все акты лежали на своих местах ... Органы НКВД (снова контролировали страну)»¹⁷.

Можно ли этот основанный на тотальном контроле режим отождествить с названными ранее авторитарными диктатурами, использовавшими совсем другие техники правления? Едва ли. Также и значение, присущее популизму в таком тоталитарном режиме как сталинский, принципиально отличается от того, в каком виде он использовался в таких государствах как, например, Аргентине при Пероне или на Кубе при Батисте. По всем этим причинам попытка Бранденбергера поставить под сомнение модель тоталитаризма кажется мало убедительной.

Авторизованный перевод Антонины Зыковой

¹⁷ Wat A. Jenseits von Wahrheit und Lüge. Frankfurt/Main 2000. P. 625.

Вместо послесловия – Сила и бессилие "открытых обществ"

Спустя несколько лет после своего величайшего триумфа - преодоления европейского раскола в результате мирных революций в Восточной Европе - европейская идея переживала все более глубокую эрозию: "У Европы закончился нарратив", - заявил в 2018 году мюнхенский политолог Вернер Вайденфельд.¹ Однако солидарность с жертвой российской агрессии – Украиной – помогла "открытым обществам" найти на ново их нарратив, об отсутствии которого говорил Вайденфельд. Но после повторного избрания Дональда Трампа президентом США соотношение сил между поборниками свободы и их противниками начинает радикальным образом меняться.

Никакого "конца истории"

В 1975 году испано-американский политолог Хуан Х. Линц в своей статье "Тоталитарные и авторитарные режимы" писал, что плюралистические государства являются исключением в многообразии политических систем, Таковыми же исключениями являются тоталитарные режимы. Самой же распространенной формой правления во всем мире являются авторитарные режимы всех видов. Ближайшее будущее также будет принадлежать им.

Через несколько лет после этого заявления демократии начали торжествовать в мировом масштабе. Авторитарные и посттоталитарные режимы в Восточной Европе, Латинской Америке и Южной Африке рухнули как карточные домики. Когда Хуан Линц выдвинул вышеупомянутый тезис, плюралистические общества все еще оставались островками в "море" диктатур разного рода. Однако в конце XX века баланс сил явно начал смещаться в пользу "открытых обществ".

Все мы знаем, что этот триумф демократической идеи был недолгим. Эйфорическое настроение, вызванное повсеместным крушением диктатур, быстро испарилось из-за сложных трансформационных процессов. Ожидания, возникшие в момент "переломного момента 1989 года", оправдались лишь частично. Во многих странах с переходной экономикой произошел авторитарный поворот, связанный с масштабным демонтажем уже сложившихся гражданских и правовых структур.

Но и в устоявшихся или консолидированных демократиях исчез триумфализм 1989 года, который был особенно ярко выражен в трактате Фрэнсиса Фукуямы "Конец

¹ Weidenfeld W. Deutschland – die alte und die neue Ratlosigkeit/ Haarmann L./Meyer R./Reuschenbach J. Eds. Von der Bonner zur Berliner Republik. Politik im Spiegel praktischer Wissenschaft. Festschrift für Tilman Mayer zum 65. Geburtstag. Baden-Baden, 2018, P.345.

истории". Этому в значительной степени способствовали теракты 11 сентября 2001 года.

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 году, одинаково затронул как "новые", так и консолидированные демократии и подорвал их уверенность в себе. Затем последовала путинская аннексия Крыма, ставшая дополнительным серьезным вызовом для "открытых обществ" на Востоке и Западе.

Именно в такой обстановке редактор газеты "DIE ZEIT" Бернд Ульрих выдвинул следующий тезис: "(Запад) никогда не был так слаб, как сегодня. Что удивительно, если учесть, что еще четверть века назад Запад переживал пик своего могущества" (8. 28. 2014)².

"Хрупкие контрсилы потеряли веру в себя".

Довольно сомнительное утверждение. Ульрих игнорирует тот факт, что в течение прошлого века западные демократии уже пережили период, когда их положение было еще более шатким, чем сейчас. Как известно, это был европейский кризис 1930-х годов, который был связан с беспрецедентным кризисом идентичности западных демократий. Беспомощность, с которой многие политические группировки, как в Германии, так и в других европейских странах, отреагировали на установление нацистского режима, наглядно иллюстрировала этот кризис. Значение этого переломного момента поначалу осознавали лишь немногие. Например, вскоре после назначения Гитлера рейхсканцлером Бенно Райфенберг, редактор либеральной "Франкфуртер цайтунг", охарактеризовал этот факт следующим образом: "Лишь те, кто совершенно не понимают характер нашей нации полагают, что ей может быть навязан диктаторский режим: Многообразие немецкого народа требует демократии".³

Лишь немногие аналитики того времени осознавали эпохальное значение событий 30 января 1933 года. В их число входили коммунистический диссидент Август Тальгеймер и некоторые русские эмигрантские мыслители, которые уже были свидетелями первого "тоталитарного эксперимента" в истории XX века в октябре 1917 года. Например, вскоре после назначения Гитлера рейхсканцлером эмигрантский историк Георгий Федотов уже осознавал, что Германия вступает в новую эпоху: "(В) тот век, где меряют достоинство человека чистотой крови...где жгут ведьм и еретиков. Костров еще нет – для людей (пока репетируют на книгах), но до них осталось недолго ждать. Большая часть пути уже пройдена".⁴

Процитированное ранее предсказание Бенно Райфенберга о невозможности "навязать Германии диктаторский режим" оказалось совершенно ошибочным. Процесс "приведения страны в порядок" (Gleichschaltung) шел настолько быстро, что

² Ulrich B. Die Welt ist verrückt – und was machen wir? //DIE ZEIT 28..8. 2014.

³ См. Ulrich V. Ruhig abwarten//Zeit Online 26.1.2017.

⁴ Федотов Г. Тяжба о России. Париж, 1982. С.103

французский посол в Берлине Франсуа-Понсе уже в начале июля 1933 года сделал следующие выводы о первых месяцах нацистского режима: "(Гитлеру) стоило только дунуть --- и здание немецкой политики рухнуло, как карточный домик".⁵

Католический журналист Вальдемар Гуриан в то время рассуждал аналогичным образом. В ноябре 1934 года он писал: "Слабые контрсилы потеряли веру в себя и капитулировали, чтобы спасти свои жизни, не понимая, что именно отказываясь от борьбы, они предрешили свою судьбу".⁶

Peace for our time?

Особенно ярким свидетельством кризиса идентичности западных демократий того времени стало их нежелание сдерживать ультраправые диктатуры, что позволило последним безнаказанно совершать один агрессивный акт за другим. Вышеупомянутый Вальдемар Гуриан писал вскоре после аншлюса Австрии: "Самое страшное, что можно было себе представить, - это... "пролитие крови", как... говорили. Но, "спасая" свое физическое существование, человек терял свое моральное существование".⁷

Как известно, кульминацией политики умиротворения стало Мюнхенское соглашение в сентябре 1938 года, предательство западными державами Чехословакии - их самого верного союзника в Центрально-Восточной Европе и единственной демократии в регионе. Сразу же после Мюнхенского соглашения Томас Манн написал следующее: "(Демократическая) крепость на Востоке, Чехословацкая Республика (была) разрушена и намеренно превращена в духовно сломленный придаток национал-социализма, континентальная гегемония гитлеровской Германии закреплена, Европа продана в рабство. Наградой за это был мир".⁸

Антикоммунистическая риторика Гитлера

1933-1938 годы можно охарактеризовать как период беспрецедентного банкротства гарантов Версальского послевоенного порядка - как западных держав, так и Польши. Они исходили из того, что политические цели Гитлера носят ограниченный характер, и без какого либо сопротивления смирялись с его агрессивными шагами. Они принимали за чистую монету утверждения Гитлера о том, что Третий рейх представляет собой бастион против большевистской угрозы.

⁵ См. Ulrich V. Ruhig abwarten.

⁶ См. Hürten H. Waldemar Gurian. Ein Zeuge der Krise unsrer Welt in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Mainz, 1972. P. 104.

⁷ Gurian W.//Deutsche Briefe. Luzern, 1938. Vol. 2. P. 1088.

⁸ Mann Th. Die Höhe des Augenblicks/ его же. Essays. Vol. 5. Frankfurt am Main, 1996. P.24,

Уже в середине 1930-х годов - в разгар политики умиротворения - социал-демократический биограф Гитлера Конрад Хайден пытался разрушить эти иллюзии: по мнению Хайдена, Гитлер не был тем человеком, с которым разумный человек мог заключить сделку.⁹

Варшавский кабинет был одним из первых европейских правительств, осознавших этот факт: Германия утратила свою предсказуемость, подчеркнул 24 марта 1939 года министр иностранных дел Польши Юзеф Бек. Гитлеру нужно противопоставить твердую решимость, с которой он еще не сталкивался в Европе.¹⁰

Таким образом, польское руководство рассталось с иллюзией, которую оно еще питало в 1934-1938 годах, что с Третьим рейхом можно договориться на основе антикоммунизма. Однако это запоздалое осознание не смогло предотвратить уже готовившуюся польскую трагедию. 23 августа 1939 года геополитическая ловушка, в которой Польша находилась на протяжении столетий, снова захлопнулась, когда два ее тоталитарных соседа - Третий рейх и сталинский Советский Союз - временно отбросили свои идеологические разногласия и создали союз против западных демократий.

Дилемма демократий

Только распад тоталитарного альянса, созданного в августе 1939 года, - в результате вторжения Гитлера в Советский Союз 22 июня 1941 года - облегчил крайне шаткое положение Запада. Однако победа над Гитлером была уже невозможна без Сталина. Дилемму демократических стран того времени американский историк и дипломат Джордж Ф. Кеннан охарактеризовал следующим образом: Запад ослабел настолько, что уже не мог победить одного из двух тоталитарных противников без помощи другого. Запад больше не мог одержать морально безупречную победу.¹¹

Возвращаются ли 1930-е годы?

После аннексии Путиным Крыма в марте 2014 года некоторые авторы неоднократно проводили аналогии между поведением западных держав во время Судетского кризиса 1938 года и поведением Запада во время украинского кризиса 2014 года. Так, бывший экономический советник президента России Андрей Илларионов сравнил

⁹ Heiden K. Adolf Hitler. Ein Mann gegen Europa. Zürich, 1947. P. 347.

¹⁰ См. Overy R. Die letzten Tage. Europa am Vorabend des Zweiten Weltkrieges. 24. August bis 3. September 1939. München, 2009. P.15.

¹¹ Kennan G. F. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston-Toronto, 1961. P. 314-315; его же. Amerikas Außenpolitik 1900–1950 und ihre Stellung zur Sowjetunion. Zürich, 1952. P.88.

Женевское соглашение, достигнутое 17 апреля 2014 года для деэскалации ситуации в Украине, с Мюнхенским соглашением сентября 1938 года. Однако такие сравнения необоснованны. Мюнхенским соглашением ведущие западные политики официально узаконили аннексию Судетской области Третьим рейхом и фактически вознаградили агрессора, который, кстати, был очень недоволен итогами Мюнхенской конференции. В Женеве ничего подобного не произошло. Присоединение Крыма к Российской Федерации рассматривалось и рассматривается на Западе как вопиющее нарушение международного права.

Восемь лет спустя, после начала широкомасштабной российской агрессии против Украины, Украина, в отличие от Чехословакии в 1938 году, также не была брошена Западом на произвол судьбы. А Джо Байден, которого Александр Дугин незадолго до этого высмеивал,¹² превратился непосредственно после «переломного момента» 24 февраля 2022 г. в неоспоримого лидера свободного мира.

Однако после вторжения России в Украину автократические противники "открытых обществ" также переживали все более сильный процесс консолидации (см. на эту тему также главу V.2. в этой книге – Л. Л.). Возник альянс, который поставил под сомнение разработанную в 1993 году Сэмюэлем П. Хантингтоном модель надвигающегося "столкновения цивилизаций" как центрального конфликта эпохи.¹³ Автократические режимы России, Китая, Северной Кореи и Ирана объединяла не культурная близость, а яростное неприятие либеральных устремлений в их собственных странах и за их пределами. Итак, стоят ли "открытые общества" снова спиной к стене, как это было в 1930-х годах? Безусловно, есть некоторые сходства и связаны они не в последнюю очередь с тем, что Соединенные Штаты после повторного избрания Дональда Трампа президентом США отказываются, также как и после Первой мировой войны, гарантировать европейский порядок.

Кто победит?

Для Джо Байдена главным конфликтом эпохи было противоборство между автократическими режимами и демократиями. Вскоре после состоявшегося 7 октября 2023 террористического нападения организации Хамас на Израиль, Байден подчеркнул: "Если не остановить террористов и диктаторов, издержки и угрозы для Америки будут только расти. Именно американское лидерство удерживает мир вместе".¹⁴

Для Трампа, характерное для Байдена и для многих его предшественников мышление в глобальных категориях, совершенно чуждо. Его картина мира укоренена

¹² Dugin A. Das große Erwachen gegen den Great Reset. Akrtos, 2021. P. 110.

¹³ Huntington S. P. The Clash of Civilisations//Foreign Affairs. Summer 1993. P.23-49.

¹⁴ Sattar M. Bidens Führung und Jordans Chaos//Frankfurter Allgemeine Zeitung 21.10.2023.

в тех исторических эпохах, когда отдельные страны, а в особенности, великие державы, полностью отрицали какие-либо сверхнациональные принципы и защищали только лишь свои эгоистические интересы (*sacro egoismo*). Такая смена парадигм в политике США может предоставить для вышеупомянутого автократического альянса уникальную возможность формировать мир в соответствии со своими представлениями. Однако этот альянс нельзя назвать стабильным. В первую очередь это касается российско-китайских отношений (см. главу V.2. в этой книге –Л. Л.). У некоторых имперски настроенных российских группировок возникают проблемы в связи с тем, что Путин практически превратил их страну, которая якобы "поднялась с колен", в вассала Пекина. Московский политолог Сергей Караганов, который является одним из самых радикальных критиков Запада среди российских политологов, предупреждал о таком развитии событий еще 16 февраля 2022 года. Считая российско-китайский альянс единственным реалистичным вариантом, остававшимся у Москвы, он, тем не менее, опасался возвращения Китая к политике, которую он проводил в Средние века, когда стремился "превратить соседей в своих вассалов".¹⁵ Эти предостережения во многом оправдались после 24 февраля 2022 года.

Актуализированная версия статьи, появившейся 3 ноября 2023 года в интернет-журнале "DieKolumnisten".

¹⁵ Караганов С. От конструктивного разрушения до собирания//Россия в глобальной политике 16.2.2022.

Коротко о книге

Судьбы демократии в России. Сравнительные зарисовки

Крах первой русской демократии в октябре 1917 г. многие ее западные критики объясняли своеобразием политической культуры России, неспособностью общества к самостоятельному, независимому от государства развитию, патриархальными навыками и пр. Все это, конечно, играло немалую роль в трагических судьбах «Февраля». Однако его крушение было связано не только с «особым» историческим путем России. «Февральская» трагедия имела и другие, выходящие далеко за узко национальные рамки причины. Глубокий кризис либерализма и консерватизма, который создавал одну из наиболее важных причин победы тоталитаризма в России, разразился спустя несколько лет и на Западе.

Непосредственно после падения Веймарской республики живущий тогда в Германии Федор Степун опубликовал в эмигрантском журнале «Новый Град» статью с ироническим названием «Германия "проснулась"», в которой он писал: «Самое потрясающее во всем происшедшем в Германии – это не сила фашистского натиска, а бессилие немецкой демократии».

Главным уроком, который создатели второй немецкой демократии извлекли из поражения первой, заключался в их выводе, что демократия должна уметь себя защищать.

Извлекла ли возникшая после неудавшегося коммунистического путча в августе 1991 г. «вторая» русская демократия какие-либо уроки из опыта ее февральской предшественницы или же из опыта Веймарской демократии? И да, и нет. Защитники «второй» русской демократии постоянно помнили о коммунистической или же фашистской угрозе, которые привели к краху первой русской и первой немецкой демократии. КПСС была запрещена, кроме того, в демократическом дискурсе появилось понятие «веймарской России», т.е. постоянно проводились аналогии между постсоветской Россией и Веймарской республикой, в первую очередь для того, чтобы предотвратить повторение немецкого опыта на русской территории. Но к всеобщему удивлению, самой большой угрозой для проведенных в 1990-ые годы демократических преобразований оказались не левые и правые экстремисты, требующие социального и имперского реванша и отождествляющие ельцинскую систему с оккупационным режимом «мировой закулисы», а правящая бюрократия, являющаяся сердцевиной созданной после свержения КПСС системы.

Коротко об авторе

Леонид Люкс родился в 1947 году в Свердловске (ныне Екатеринбург) и спустя некоторое время переехал в Польшу. В 1965 году окончил среднюю школу в Щецине. Изучал историю и славистику в Иерусалиме и Мюнхене. В 1973 году защитил кандидатскую, а в 1981 докторскую диссертацию в Мюнхенском университете. Преподавал историю в университетах Мюнхена, Бремена, Кельна, а с 1995 до 2012 года возглавлял кафедру новейшей истории Центральной и Восточной Европы в Католическом университете г. Айхштетт. 2011-2015 – директор Института по изучению Центральной и Восточной Европы Католического университета в Айхштетте. С 2017 до марта 2022 года был Научным руководителем «Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога» (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»). Главный редактор журналов «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры» и „Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte“.

Важнейшие публикации

1. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komin-tern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935 (Возникновение коммунистической теории фашизма. Споры о фашизме и национал-социализме в Коммунистическом Интернационале 1921–1935) DVA, Stuttgart, 1985.
2. Katholizismus und politische Macht im kommunistischen Polen 1945-1989. Die Anatomie einer Befreiung (Католицизм и власть в коммунистической Польше 1945-1989. Анатомия освобождения), Böhlau, Köln, 1993.
3. Россия между Западом и Востоком. Сборник статей. Московский Философский Фонд, М., 1993.
4. Geschichte Russlands und der Sowjetunion. Von Lenin bis Jelzin (История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина), Pustet, Regensburg, 2000.
5. Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе, Московский Философский Фонд, М., 2002.
6. Der russische „Sonderweg“? Aufsätze zur neuesten Geschichte Russlands im europäischen Kontext (Российский «Особый путь»? Очерки о новейшей истории России в европейском контексте) ibidem, Stuttgart, 2005.
7. Zwei Gesichter des Totalitarismus. Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. 16 Skizzen (Два облика тоталитаризма. Большевизм и национал-социализм в сравнении. 16 очерков), Böhlau, Köln, 2007.
8. История России и Советского Союза. От Ленина до Ельцина. РОССПЭН, М., 2009.
9. Freiheit oder imperiale Größe? Essays zu einem russischen Dilemma (Свобода или имперское величие? Очерки о русской дилемме). ibidem, Stuttgart, 2009.

10. Западничество или евразийство? Демократия или идеократия? Сборник статей об исторических дилеммах России. ibidem, Stuttgart, 2011.
11. Zeithistorische Streitfragen. Essays und Repliken. LIT Verlag, Berlin- Münster 2012.
12. Два облика тоталитаризма. Сравнительные очерки об истоках и характере большевизма и национал-социализма. Книжное приложение к журналу «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры». Айхштетт, 2014.
13. Der Abschied vom Kommunismus – die Rückkehr nach Europa? Beiträge zur russischen und polnischen Zeitgeschichte. ibidem, Stuttgart, 2104.
14. Die Rückkehr des Imperiums? Der neue Moskauer Paternalismus und seine Widersacher. Essays. LIT Verlag, Berlin-Münster 2015.
15. Zwei „Sonderwege“? Russisch-deutsche Parallelen und Kontraste (1917-2014). Vergleichende Essays. ibidem, Stuttgart, 2016.
16. Totalitäre Versuchungen. Russische Exildenkler über die Ursachen der russischen Revolution und über den Charakter der europäischen Krise des 20. Jahrhunderts. LIT Verlag Berlin- Münster, 2017.
17. A Fateful Triangle. Essays on Contemporary Russian, German and Polish History. Ibidem, Stuttgart, 2018.
18. Wiederholt sich die Geschichte? Die europäische Krise der 1930er Jahre aus zeitgenössischer und aus heutiger Perspektive. Essays und Kolumnen. LIT Verlag, Berlin-Münster, 2019.
19. Europäisch oder Eurasisch? Kontroversen um die russische Identität. Essays. Springer Verlag. Wiesbaden, 2020.
20. Macht und Ohnmacht der Utopien. Essays zur Geschichte Russlands im 20. und 21. Jahrhundert. ibidem-Verlag. Stuttgart, 2022.
21. К столетию «философского парохода». Мыслители «первой» русской эмиграции о русской революции и о тоталитарных соблазнах XX века. Stuttgart, 2023.
22. Die „gekränkte Großmacht?“. Das postsowjetische Russland auf der Suche nach einem verlorenen Imperium. Essays. Berlin-Münster, 2023.
23. Warum scheitern russische Demokratien? Vergleichende Betrachtungen und Essays. Baden-Baden 2024.